

26.8г

А 66

Библиотека путешествий

Д. Н. Анненская.

Путешествие

Свена Гедина

1893-1897 гг.

Памир - Восточный Туркестан

и Тибет. Введение проф.

С. Г. Григорьева.

Изд. 3-е

Ленинград - 1924.

КА ПУТЕШЕСТВИЙ

ВАЗА

ГРИГОРЬЕВА

9

А. Н. АННЕНСКАЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ СВЕНА ГЕДИНА

ПАМЬР, ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАН и ТИБЕТ

Введение проф. С. Г. ГРИГОРЬЕВА

Издание 3-е

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЛЕНИНГРАД

1924

294354

ции Р. К. П. 8-го Всероссийского Съезда Советов 30 декабря 1920 года.

12) Адмирал Колчак — в начале мировой войны командовал минной флотилией в Балтийском море, позднее Черноморским флотом. В конце 1917 г. К. пробрался через Японию в Сибирь. Эс-эровское правительство назначило его военным министром. После поражения чехо-словаков он 18 ноября 1918 г., опираясь на старое офицерство и буржуазно-кадетские слои, сверг эс-эсеровское правительство и объявил себя «верховным правителем России». Реорганизовав, разбитый Красной армией фронт, он 6 марта 1919 года перешел в наступление. 9 мая Красная армия, после упорных боев, заняла Вугульму и начала теснить Колчака на восток. 27 декабря в Иркутске восстали рабочие и захватили город. В тот же день повстанцы в Нижнеудинске захватили Колчака. 7 февраля 1920 года, Колчак по постановлению Иркутского ревкома был расстрелян.

13) Генерал Юденич — во время мировой войны главнокомандующий кавказским фронтом. В 1919 стал во главе армии «Северо-Западного правительства» организованного аггличами в Эстонии и дважды пытался про-

Свен Гедин.

ВВЕДЕНИЕ.

В середине Азиатского материка, окруженное высочайшими горными хребтами, лежит огромное Центрально-Азиатское нагорье. На севере оно окружено горами Алтайскими, Саянскими и Даурскими, с востока — Хинганом и горами южного Китая, с юга Гималаями, а с запада хребтами Тянь-Шаньской и Тарбагатайской горных систем.

В юго-западном углу нагорья, на границе русских, английских и китайских владений, поднимается небольшая, но высокая горная страна Памир, с широкими, ровными долинами, с вершинами, поднимающимися до 6 и 7 тыс. метров; высочайшая из них Мус-Таг-Ата („отец ледяных гор“) достигает 7800 метров.

От Памира во все стороны отходят высочайшие горные системы, вершины которых часто не уступают памирским или даже превосходят их: на запад — Гин-ду-куш, на юго-восток — Гималаи, на восток — Куэнь-Лунь и на северо-восток Тянь-Шань.

Две последние системы разделяют Центрально-Азиатское нагорье на отдельные, независимые друг от друга части.

Южную часть, лежащую между Куэнь-Лунем и Гималаями, занимает Тибет — высокое (до 4 тыс. метров над уровнем моря) плоскогорье, пустынное, которое только в самой южной и восточной части имеет оседлое

население и представляет самостоятельное государство, находящееся лишь в номинальной зависимости от Китая, с верховным, духовным и светским владыкой, Далай-ламой, живущим в недоступном для европейцев городе — монастыре Лхассе.

Западная часть, лежащая между Куэнь-Лунем и Тянь-Шанем, значительно более низкая, называется Восточным Туркестаном и принадлежит Китаю, составляя одну из его провинций. Внутреннюю часть Восточного Туркестана составляет обширная песчаная пустыня, по которой протекает со своими притоками река Тарим, оканчивающаяся в системе озер, самое известное из которых — Лоб-Нор. Одни из рек, системы Тарима (Кашгар-Дарья, Яркенд-Дарья, Хотан-Дарья), доходят до главной реки, другие (напр., Керия-Дарья) иссыкают в песках; по этим рекам расположены базы и важнейшие города страны (по имени которых и носят название реки) — Кашгар, Яркенд, Хотан и др.

Третья самая большая, северо-восточная часть, Монголия, тоже представляет плоскогорье, значительно более низкое, нежели Тибетское, частью занятое сухими степями, частью каменистыми песчаными пустынями, носящими общее название Гоби; по окраинам плоскогорья, на стекающих с пограничных гор реках, расположены базы и населенные города. Политически плоскогорье разделяется на несколько частей, находящихся в различной степени зависимости (или даже вовсе независимых) от Китая.

До середины XIX века Центрально-Азиатское нагорье представляло одну из самых неисследованных частей земного шара. Только начиная с 1870 года, благодаря трудам преимущественно русских путешественников (Пржевальского, Певцова, Потанина, Роборовского, Козлова, Громбневского, Грум-Гржимайло), внутренние

части Азии стали в общих чертах известными; в это же время в Тибете работали „пандиты“ — образованные индусы, проникавшие туда под видом паломников, и некоторые английские путешественники (напр., Литтльдель), и французская экспедиция Бонвало и принца Орлеанского. Лишь в самом конце XIX столетия (после 1890 года) в центральную Азию стали направляться путешественники самых различных национальностей. Но, несмотря на все их путешествия, несмотря на то, что английская военная экспедиция побывала даже в запретной столице Тибета, в Лхассе, многие участки Центрально-Азиатского нагорья остаются до сих пор белыми пятнами на карте. Причин этому множество: пустынность и безводность местности, суровый климат с жестокой, морозной малоснежной зимой и ужасающими жарами летом, разреженный воздух на высоких плоскогорьях и горных хребтах, безлюдье и, в связи с этим, невозможность добыть съестные припасы; а в Тибете к этому примешиваются постоянный риск нападения со стороны разбойников и враждебные действия Тибетского правительства, которое всячески стремится не допускать в свои пределы европейцев. В результате попыток проникнуть в Центральную Азию многие путешественники поплатились жизнью (напр., французский путешественник Сютрейль¹⁾) или здоровьем.

Из путешественников последнего времени особенно много для познания Центральной Азии сделал шведский путешественник Свен Гедин. Он совершил в Центральную Азию целых четыре путешествия (помимо его поездок в Русский Туркестан и в Персию), при чем во время его последней экспедиции он открыл огромный новый хребет — Загималаи.

¹⁾ См. книжки Лэндора „На запретном пути“ и Рингард „В Тибете“.

Настоящая книжка содержит описание его наиболее известного путешествия, 1893—1896 г. г., посвященного Памиру, Восточному Туркестану и северной окраине Тибета. Быть может в будущем, в „Библиотеке путешествий“ появятся описания и его других экспедиций.

С. Григорьев.

Г Л А В А I.

Отъезд. — Оренбург. — По степи на лошадях и на верблюдах. — Киргизы. —
На берегах Аральского моря. — Памятник древней цивилизации.

В октябре 1893 г. Свен Гедин сел на пароход „Фон Дёбельн“ и отправился из Стокгольма в Петербург. Он захватил с собой только самые необходимые вещи, рассчитывая закупить все остальное в России. Багаж его состоял, главным образом, из всевозможных инструментов для метеорологических, геологических и прочих наблюдений, из фотографического аппарата, биноклей, очков, принадлежностей для рисования и т. п. Из оружия он взял с собой два ружья и несколько револьверов при двух ящиках боевых припасов.

„Никогда не забуду я этого холодного, темного осеннего вечера, — пишет Гедин, рассказывая о своем отъезде из Стокгольма, — тяжелые дождевые тучи висели над городом, и огни его скоро скрылись из моих глаз. Более тысячи и одной ночи одиночества и тоски ждали меня впереди; все, что было мне дорого, оставалось позади. Эта первая ночь была для меня самой горькой; после того я ни разу не страдал так сильно тоской по родине. Только тот, кто, как я, надолго покидал родину, имея в виду туманное, неопределенное будущее, может понять мои чувства в эти минуты. Но, с другой стороны, весь широкий мир был открыт передо мной, и я дал себе слово сделать все, что было в моей власти, для решения задач, которые поставил себе“.

От Петербурга до Оренбурга Гедин ехал по железной дороге. В Сызрани он переехал Волгу по мосту, — одному из самых длинных мостов в свете, — и через четыре дня очутился в Оренбурге, лежащем при впадении Сакмары в Урал. Оренбург, с своими небольшими каменными домами и широкими, немощеными, грязными улицами, показался путешественнику весьма мало привлекательным. Его заинтересовали только окраины города, где татары и киргизы ведут торговлю частью в низеньких деревянных сараях, частью под открытым небом. В одном месте продают всевозможные экипажи, телеги, тележки, тарантасы, привозимые большею частью из Уфы; в другом — сено, наваленное громадными копнами на телеги, в которых запряжены верблюды; в третьем — лошадей, рогатый скот, овец, кур, гусей, индеек и всякую живность.

Много купцов из Хивы и Бухары, торгующих хлопком, который вывозится из Средней Азии.

От Оренбурга до Ташкента расстояние около 2.000 верст. Так как в то время Оренбурго-Ташкентской дороги еще не было, то Свену Гедину пришлось сделать этот путь по почтовому тракту, на лошадях.

Первую часть пути Гедину пришлось ехать еще по Европе, по Оренбургской губернии; затем он очутился уже в Азии и следовал по Тургайской области, по Сыр-Дарьинской, вдоль Аральского моря и реки Сыр-Дарьи. На пути лежало шесть маленьких городов: Орск, Иргиз, Казалинск, Перовск, Туркестан и Чимкент.

Чтобы не менять экипаж на каждой станции, он купил себе тарантас, запасся войлоками, коврами и тулупом на случай холодов; его предупредили, что на почтовых станциях, кроме самовара да хлеба, ничего нельзя достать, и потому он накупил всякой провизии на дорогу. Чемоданы и ящики его обшили рогожами и привязали крепкими веревками частью сзади тарантаса, частью перед козлами; мешки, которые могли понадобиться в дороге, фотографические аппараты, провизию, а также войлоки, ковры, подушки и шубы

уложили внутрь тарантаса, тщательно смазав оси, чтобы они не загорелись при езде. Все было готово. Но вот, в день, назначенный для выезда, 14 ноября, вдруг разразилась снежная мять, и термометр показал 4° мороза. Тем не менее, Гедину не хотелось откладывать отъезда. В тарантас запрягли тройку здоровых лошадей, и он с грохотом и звоном колокольчика выехал из города. К вечеру путешественник был уже в степи; ветер гудел и свистал вокруг кожаного фартука и поднятого верха тарантаса и гнал в лицо целые облака мелкой снежной пыли...

Через двое суток путешественник приехал в Орск, лежащий на левом берегу Урала и на правом берегу Ори, следовательно, уже в Азии. Город раскинут вокруг холма, на котором возвышается каланча; с нее открывается широкий вид на окрестность; вблизи идет красивая гористая местность, а к юго-западу тянется громадная степь. Весной Урал сильно разливается и иногда заливают нижнюю часть Орска. Горожане любят тогда с высоты своего холма, как степь превращается в большое озеро. Во время весеннего ледохода обыкновенно ломается деревянный мост через Урал, и его приходится каждый год чинить. Когда нет моста, почту перевозят через реку в лодках.

Между рекою Уралом, Каспийским морем, Аральским морем, Сыр-Дарьей и Иртышем тянется огромная Киргизская степь. Свен Гедин дает яркую картину этой степи и ее населения, какими они были 30 лет тому назад.

„Население Киргизской степи, — рассказывает он, — очень редкое и состоит из кочующих киргизов; животные: волки, лисицы, антилопы, зайцы и проч., тоже попадаются, но в небольшом количестве; растительность бедная; колючие степные растения с трудом выдерживают борьбу с неблагоприятными условиями. В сырых местах растет масса камыша или тростника; а в сухих, песчаных, косматые кусты саксаула, которые достигают иногда сажени в высоту. Твердые, длинные корни этого растения

составляют главное топливо киргизов. Почти у каждого аула лежат большие пуки этих корней, и Гедин встречал целые обозы, нагруженные ими. Там и сям по степи протекают ручьи, но осенью они все пересыхают. Эти ручьи впадают в небольшие соленые озера, на берегах которых весной и осенью собираются бесчисленные стаи перелетных птиц. Около этих ручейков киргизы разбивают свое кочевье, состоящее из черных юрт и навесов, сделанных из камыша. На зиму они строят себе жилища из глины и земли. Летом они направляются на север со своими стадами, чтобы избавиться от зноя и найти пастбища, невыжженные солнцем. Многие киргизы имеют до 3.000 голов овец и до 500 лошадей и считаются богачами. Зимой в северном Тургае стоят суровые холода. В январе и феврале свирепствуют страшные бураны; тогда киргизы спешат укрыться в свои зимние жилища и держат овец в загонах, окруженных тростниковым забором".

Киргизы — полудиккий народ, но очень способный, здоровый и добродушный. Они называют себя „казаками“, т.-е. храбрыми молодцами, и очень довольны своею одинокою жизнью в степях; для них всего на свете дороже свобода, они не признают начальства и презируют тех, кто живет в городах и занимается земледелием. Стада составляют их главные средства к жизни, дают им и пищу и одежду; скудная степная растительность и самая земля служат материалом для постройки их жилищ, а длинные горючие корни и стволы саксаула защищают их от зимнего холода. Язык их не очень богат; когда они разговаривают между собой, они часто поясняют свои слова оживленными жестами.

Киргизы страстно любят свою унылую степь, где предки их жили вольною жизнью; они находят ее красивой и разнообразной, хотя чужестранец напрасно ищет, на чем бы остановить свой взгляд. Правда, степь, подобна морю, величественна и безгранична, но она в высшей степени однообразна и тосклива. Гедин быстро неся по ней день за днем, а ландшафт оставался все

тот же. Тарантас неизменно находился в центре громадного пространства с безграничным горизонтом. Весна — единственное время года, когда путешественник может с удовольствием проехаться по этим местам. Тогда воздух наполнен чудным ароматом цветов; растительность развивается здесь с необыкновенною быстротою, точно торопится воспользоваться коротким промежутком, пока палящее летнее солнце не выжжет все вокруг.

У киргизов сильно развито чутье местности и зрение. Там, где чужестранцу местность представляется совершенно ровною, без всяких отметин, без всяких признаков пути, киргиз сумеет отлично найти дорогу даже ночью. Не одни только звезды служат ему указателями; он замечает каждое растение, каждый камень, каждую неровность почвы. Он может отличить масть лошади, показавшейся на горизонте, прежде чем европеец увидит там что-либо. Киргиз может определить, приближается или удаляется экипаж, который кажется путешественнику, даже в хороший бинокль, просто черной точкой.

Станционные дома все похожи друг на друга как две капли воды: это обыкновенно одноэтажный домик, выкрашенный красной или белой краской; посередине крылечко, с одной стороны его фонарный столб, с другой — столб с обозначением расстояния от двух ближайших станций. Около дома возвышаются большие стога сена и кучи сухого топлива.

Станционные смотрители живут на станциях со своими семьями в полном уединении. Одно, что нарушает ужасающее однообразие их жизни, это — приезд почты или грохот тарантаса какого-нибудь проезжего. Но это соприкосновение с внешним миром обыкновенно очень коротко. Проезжий спешит как можно скорее выехать из этого уединенного дома. Он велит запрягать свежих лошадей, выпивает стакан чаю, пока их закладывают, и несется дальше. В распоряжении старосты находятся четыре ямщика, обыкновенно из татар или киргизов. Их положение еще менее завидно: во всякое время,

во всякую погоду они должны быть готовы сесть на козлы и ехать на своей тройке, по дороге, тысячу раз сделанной ими в дождь и темень, в удушливый зной и в бурю, в холод и снег. Они, правда, имеют привычку дремать, как только выедут на дорогу; но в этом отношении они следуют примеру пассажира, и нельзя не простить им этой маленькой слабости.

Из Орска почтовая дорога шла по прямому берегу реки Ори. Около станции Бугаты-саи расположен был зимний аул киргизов. Жители встретили Гедина не особенно дружелюбно, заметив его фотографические аппараты. Они все спрашивали, не стреляет ли больший из аппаратов, и ни за что не соглашались стать перед ним группой и позволить снять себя. Гедину с трудом удалось сделать несколько портретов с помощью маленькой камеры. Отдохнув в Бугаты-сае, путешественник выехал из долины Ори. Луна бросала свой серебристый свет на пустынную степь, запорошенную снегом; нигде не видно было ни людей, ни следа жилья; мертвая тишина прерывалась лишь звоном бубенчиков, окриками ямщика да хрустеньем снега под колесами тарантаса.

На станции Тамды путешественник остановился переночевать и на следующее утро увидел на льду речки следы целой стаи волков; они были настолько смелы, что ночью вошли во двор и утащили у старосты трех гусей.

Первый русский город за границей Азии — Кара-бутак, маленький городок, в котором тогда было всего 33 дома, и жило человек 30 русских, около сотни татар и несколько киргизов. Кара-бутак имел прежде значение как форт и был построен лет 30 тому назад генералом Обручевым, чтобы сдерживать нападения киргизов, беспокоивших русскую границу.

Кругом Карабутака разбросано много киргизских аулов; вообще аулы встречаются по всей дороге до Иргиза, но южнее они попадают все реже и реже и, наконец, совсем исчезают на границах пустыни Кара-кум.

Дорога на Иргиз шла вдоль пересохшей в это время года реки Иргиз. „День и ночь несли меня быстрые

почтовые лошади, — пишет Гедин, — по однообразной степи. Я так привык к езде в тарантасе, что преспокойно спал по ночам, завернувшись в шубы и войлоки, и просыпался только, когда мы останавливались на новой станции. Я показывал свою подорожную старосте, мне впрягали лошадей, и мы неслись дальше. Пробуждение среди ночи, при 15° мороза, не особенно приятно; чувствуешь себя усталым, разбитым, хочется спать, хочется чаю. Наконец, солнце поднимается над горизонтом, обливает степь своими золотыми лучами, оттаивает иней, покрывший за ночь траву своим нежным белым налетом, и отгоняет волков от почтового тракта“.

Город Иргиз расположен на небольшом возвышении, на берегу реки Иргиза, которая впадает в соленое озеро Чалкар-тенис. Иргиз — укрепление. Гарнизон его состоял из 150 человек, наполовину казаков. Жителей в нем было около тысячи, большею частью сартов, которые ведут торговлю с киргизами и привозят свои товары из Оренбурга, из Москвы и с Нижегородской ярмарки. В Иргизе путешественнику вместо тройки заложили в тарантас четверку.

„И вот мы опять помчались во весь дух. Солнце садится в пять часов; оно медлит на минуту на краю горизонта, пылая словно раскаленное ядро, и матово-пурпурный отблеск разливается по степи. При закате солнца можно наблюдать удивительно странные световые явления. Так как не видно ничего, что могло бы служить для сравнения, то постоянно впадаешь в ошибки относительно расстояния и размера появляющихся предметов. Невинные воробы, сидящие в нескольких шагах от дороги, кажутся величиной с верблюдов, а кустик степной травы представляется высоким деревом. Но вот солнце село, пурпуровая краска сменилась фиолетовой и светло-голубой; через несколько минут они уступили место более темным теням и перешли, наконец, в ночную тьму. Впрочем, ночь здесь не особенно темна: воздух чист и ясен, звезды светятся словно электрические лампочки, и луна заливает все своим серебристым блеском“.

За шесть верст от станции Тереклы начинается пустыня Каракум (Черный песок). Растительность редела все более и более, и скоро путники очутились среди моря песку. Эта местность была в давние времена покрыта водами Каспийского и Аральского морей; до сих пор в песке находят раковинки морских животных.

На станции Константиновской, где помещением для проезжих служила простая киргизская „кибитка“, в тарантас запрягли вместо лошадей трех верблюдов, так как лошади не в состоянии тащить тяжелый экипаж по глубокому песку. Верблюды бегут обыкновенно ровной рысью, переходя иногда в галоп. Они вообще очень послушны, но среди них попадаются и упрямы, которым непременно хочется свернуть с дороги. Тогда ямщику не остается ничего более, как взгромоздиться на среднего из них и таким образом управлять тройкой. Запрягают верблюдов довольно жестоким способом: поводья прикрепляют к палочке, продетой сквозь носовой хрящ.

Почва постепенно понижалась к юго-западу, и в том же направлении висело густое облако тумана над Аральским морем. На севере же и на востоке небо было совершенно ясно. Повременам дорога шла около самого берега озера; тонкий желтый песок был так тверд и плотен, что копыта верблюдов оставляли на нем еле заметный след; но подальше от берега идут так называемые „барханы“ — кучи песку, в которых тарантас вяз по ступицы.

Аральское озеро лежит на 48 метров выше уровня моря. Берега его голы и бесплодны, и вода так солонa, что ее нельзя пить. При сильном юго-западном ветре воду гонит в бухту, и затем она затопляет берег на большом пространстве, наполняя все ямы и впадины. В этих ямах можно тогда ловить руками стерлядей и другую рыбу. Зимой, когда бухта замерзает, караваны переходят по льду, сокращая себе, таким образом, путь; а летом при мелководье проходят вброд через бухту, так как она очень не глубока. Во время жаров, когда песок сух, его сносит ветром в море, и береговая линия

постоянно изменяется, образуются отмели, островки, песчаные бугры. Вдоль берега находится много так называемых солончаков, маленьких озер, которые летом пересыхают; они образовались из заливчиков и бухточек, которые летучие пески отделили от моря. В море водится масса рыбы, и уральские казаки, занимающиеся ловлею ее, закидывают свои невода иногда километров за 15 — 20 от берега.

Климат в этой местности довольно умеренный; зимой не бывает слишком сильных морозов, а летний жар умеряется близостью Аральского моря; зато дожди и туманы здесь самое обыкновенное явление. На правом берегу Сыр-Дарьи, в 30 верстах от Аральского моря, лежит город Казалинск, имевший тогда всего 600 домов; жили в них, кроме русских, главным образом уральских казаков, сарты, бухарцы, татары и киргизы. Дома русских выстроены из кирпича и чисто выбелены; дома сартов, бухарцев и др. серые, из глины, высушенной на солнце, и часто окружены стенами, придающими им угрюмый вид. Самые богатые купцы — бухарцы. Киргизы, напротив, все бедны: они так любят свои степи, что сколько-нибудь зажиточные из них не живут в городах. Во время русских походов на Хиву и Бухару Казалинск имел значение как укрепленное место и как гавань для Аральской флотилии. В городе было всего 24 солдата гарнизона и два каких-то баркаса. Жизнь и движение замерли; только крылья ветряных мельниц да множество рыбачьих лодок и оживляли этот печальный городок. Единственно, что в нем красиво, это — роща чудных серебристых тополей.

От Казалинска дорога идет то берегом реки, то настоящей пустыней, где растет один саксаул да камыш, где в течение целого дня можно не встретить ни одного живого существа.

Только за городом Перовском, расположенным на берегу Сыр-Дарьи и очень похожем на Казалинск, растительность становится богаче: камыш, саксаул и колючие степные кустарники образуют целые заросли, среди

которых дорога идет точно по коридору. В этих зарослях водятся тигры, кабаны, газели, масса диких гусей, уток, фазанов. Фазаны до того смелы, что стоят на краю дороги и поглядывают на проезжих; но стоит экипажу остановиться и человеку прицелиться, как они с шумом и криком улетают. В эту местность часто приезжают охотники из Ташкента и всегда возвращаются с богатой добычей.

Сыр-Дарья, несмотря на свою желтовато-серую воду, представляет по своей ширине величественное зрелище. Дорога идет вдоль ее берега до города Туркестана, который лежит значительно левее ее. Нынешний небольшой городок Туркестан лежит на месте очень древнего и значительного города. В нем находится грандиозная мечеть — мавзолей, воздвигнутый в 1397 г. Тамерланом в честь одного киргизского святого. Ее высокий фасад украшен арками, а по бокам его возвышаются две живописные башни. На кровле мечети несколько дыневидных куполов. Облицовка из фарфоровой глины свалилась с фасада, но на двух стенах здания она вполне уцелела и пестреет голубой и зеленой краской. Мечеть обнесена четырехугольной глиняной стеной, которую построил Худояр-хан ¹⁾, внутри этой стены расположены русские казармы. С башен мечети открывается чудный вид на окрестность.

„Обычное востоку грустное настроение охватывает вас здесь, — пишет Гедин. — С одной стороны памятник древней архитектуры поражает своей красотой и прочностью, с другой новые постройки — жалкие глиняные лачужки с плоскими крышами, отделенные друг от друга кривыми переулками. Я приехал в Туркестан в магометанскую субботу (пятницу) и осматривал мечеть в то самое время, когда там должно было начаться богослужение. Множество сартов в светлых кафтанах и в белых чалмах собралось около дверей; затем они сняли свои

¹⁾ Последний повелитель независимого Кокандского ханства, присоединенного к России в 1875 — 76 г. г.

тяжелые стучащие сапоги и торжественно вошли в мечеть. Посреди мечети стояла на полу огромная чаша, окруженная множеством туг — пучков конских волос на длинных палках. Стены были белые, украшенные разными священными изречениями. Старый ахул (служитель) вежливо попросил меня выйти, так как должна была начаться молитва; но мне удалось пробраться на одну из верхних галлерей; никто меня там не видел и не подозревал моего присутствия, и я мог спокойно смотреть на длинные ряды коленопреклоненных и кладущих поклоны сартов; это была поразительно красивая картина“.

После Туркестана дорога идет глинистая, почва холмистая; в экипаж впрягли пятерку лошадей, и она часто с большим трудом вытаскивала тарантас из липкой грязи, особенно когда приходилось подниматься в гору. Зато под гору ямщику трудно было сдерживать лошадей, и они летели с быстротою ветра. Вдоль дороги по обеим сторонам расставлены столбики из высушенной глины, чтобы указывать путь проезжим. Телеграфные столбы недостаточны для этой цели: дорога беспрестанно виляет от них то направо, то налево, а в буран (снежная мятьель) их совсем не видно. Нередко случается, что почтовые тройки ночью сбиваются с пути в степи и принуждены бывают ночевать в сугробах, ожидая или конца мятели или рассвета.

4 декабря Гедин добрался, наконец, до Ташкента. В 19 дней он сделал 2.060 верст, проехал 96 станций и подвинулся к югу на $11\frac{1}{2}$ градусов. Хотя приближалась середина зимы, но для него дни становились все длиннее, погода все теплее. Около Урала он испытал мороз в 19° , а когда приехал в Ташкент, там было $10 - 12^{\circ}$ тепла.

Г Л А В А II.

Ташкент — Коканд. — Маргелан. — На „крышу мира“ через Алайский хребет.

Гедин прожил в Ташкенте недель семь и все время энергично занимался приготовлениями к своему дальнейшему путешествию на восток. Он вел оживленную переписку, снял множество фотографий в сартском квартале города, проверял свои инструменты на обсерватории и собирал письменно и устно разные сведения о Памире. Все вещи его оказались в порядке, только ртутный барометр разбился во время езды на лошадях, да ящики с боевыми припасами оказались в жалком виде: гильзы с патронами смялись, жестянки, в которых они лежали, скомкались. В Ташкенте же Гедин закупил необходимые припасы для дальнейшего пути: разные консервы, чай, какао, сыр, табак и проч. Кроме того, он накупил множество мелочей для подарков киргизам, китайцам и монголам: револьверов с патронами к ним, часов, компасов, музыкальных ящиков, биноклей, калейдоскопов, увеличительных стекол, серебряных чарок, украшений и проч. Во внутренней Азии материи почти заменяют деньги: за несколько аршин ситцу или коленкору можно приобрести лошадь или провианту для целого каравана на несколько дней. Наконец, Гедин запасся подробной картой Памира, хронометром, берданкой и 25 января 1894 г. в три часа утра выехал из Ташкента.

По мере удаления от Ташкента становилось холоднее; вся окрестность была покрыта снегом, кочковатая земля замерзла, так что ехать по ней было далеко не приятно. В холодном, густом тумане, окутывавшем местность, там и сям проглядывали длинные караваны верблюдов.

Из городов, по которым пришлось проехать Гедину, замечательнее других Коканд, как один из центров мусульманского просвещения.

В Коканде было тогда 35 медресе, или высших духовных мусульманских училищ. Из них особенно

замечательно медресе Джамии с громадным четырехугольным двором, осененным тополями, ивами и тузовыми деревьями, с минаретом, украшенным изящными резными колоннами, с галлереей, потолок которой покрыт пестрою живописью. В этом медресе 86 комнат и 200 учеников.

Население Коканда состоит, главным образом, из сартов и других азиатских народов; русских там было меньше 2.000, считая гарнизон, состоящий из 1.400 человек (на население в 60 тыс. человек ¹⁾). Весною приезжают

Улица в Ташкенте.

обыкновенно несколько китайцев с кашгарскими коврами. В городе было 9 фабрик для очистки хлопка.

В Коканде Гедин осматривал бани, которые очень напоминают наши русские. „Входишь, — рассказывает он, — в большую залу со скамьями, покрытыми коврами, и с деревянными колоннами; это раздевальня. Из нее узенькие коридорчики ведут в темные, наполненные парами, сводчатые комнаты различной температуры. В середине каждой комнаты находится широкая скамья,

¹⁾ В настоящее время в Коканде свыше 120 тыс. жителей.

на которой моющегося растирает и моет голый банщик. Мусульмане часто проводят в бане полдня; они там курят, пьют чай, иногда даже обедают“.

Из Коканда Гедин отправил свои вещи на двух арбах прямо в Маргелан, а сам поехал кружным путем на север, чтобы более подробно изучить Сыр-Дарью. В Урганчи, большом кышлаке киргизов (зимнее становище), была в это время ярмарка, и улицы кишели народом. Дальше дорога вела мимо целого ряда деревень, а по обе стороны ее шли арыки, оросительные каналы, которые наполняются водой Сыр-Дарьи и ее притоков и снабжают водой оазис Коканд. Путешественник два раза переехал Сыр-Дарью на пароме, сделал несколько измерений ширины, глубины реки и быстроты ее течения, ознакомился с ее главнейшими притоками и 4 февраля прибыл в Маргелан, бывший тогда главным городом Ферганской области. Отсюда собственно должно было начаться путешествие его в малоисследованные области Центральной Азии. Первая из этих областей, которую он намеревался посетить, была Памир.

На границах Восточного и Западного Туркестана, Афганистана и Индии возвышается огромное плоскогорье, от которого расходятся высочайшие в свете горные цепи, к востоку Куэнь-лунь, к юго-востоку Гималаи и Кара-корум, уходящий в глубь Тибета; к северо-востоку Тянь-шань, к юго-западу Гинду-куш. Многие ученые полагали, что именно здесь жили первые люди; древние предания рассказывают, что отсюда вытекали четыре райские реки, упоминаемые в библии. Жители нагорной Азии до сих пор относятся с благоговением к Памиру, называя его „крышей мира“, с которой горные великаны окидывают взглядом весь мир.

До завоевания Туркестана Памир находился под властью ханов кокандских. Но когда Россия покорила Коканд, право на владение Памиром перешло к ней, а восточную окраину, с главной вершиной всего Памира горой Мус-Таг-Ата, заняли китайцы. Кроме того, на самом юге Памира, долина р. Вахан-Дарьи (истока Аму-

Дарьи), по соглашению русских с англичанами, была отдана Афганистану; она образует как бы „буфер“ между английскими и русскими владениями. Разграничительная комиссия работала как раз во время путешествия Свена Гедина (см. ниже).

Когда Свен Гедин еще в Ташкенте высказал свое намерение ехать в Кашгар через Памир, многие стали отговаривать его. Военные, бывавшие на Памире, находили, что необходимо переждать месяца три, так как в зимнее время путешествие это представляет громадные затруднения. Один военный, зимовавший на Памире за год перед тем, в русской крепостце на р. Мургабе, говорил, что никто, даже обитатель самого крайнего севера, не может составить себе понятия о суровых морозах и о страшных снежных бурях, свирепствующих на Памире зимою. Даже среди лета, когда разывается внезапно снежная метель, термометр часто вдруг падает до 8° холода. Зимой 1892—93 г. температура доходила в январе до 43° мороза, и чуть не каждый день бывали снежные бури. Эти бураны обыкновенно начинаются совершенно неожиданно. Небо кажется ясным, безоблачным, вдруг откуда-то налетает буря, дорога в одну минуту занесена снегом. Воздух наполнен крутящимися хлопьями. На аршин расстояния ничего не видно. Остается стоять неподвижно, завернувшись в шубу. Если путник имел неосторожность отойти от своего каравана, гибель его почти неизбежна. Он не в состоянии добраться до своих спутников, хотя бы они находились всего в 20 шагах от него. Все окутано падающим снегом, ничего не видно, с трудом можно различить шею лошади, на которой едешь. Кричать бесполезно. Всякий звук, даже выстрел из ружья, заглушается шумом бури. Несчастный путешественник, очутившийся в такую мятьель один, без палатки, без провианта, без войлоков и мехов, неминуемо гибнет.

Несмотря на эти мрачные рассказы, Гедин не захотел отказаться от своего намерения и нашел под-

держку у Вревского и у губернатора Ферганы Повало-Швыйковского. Губернатор Ферганы за неделю до его отъезда из Маргелана послал джигитов (сартских курьеров) к киргизам, кочевавшим в долинах Алайских гор, с приказом принимать путешественника дружелюбно, заготовить для него юрты в определенных местах, снабжать его провиантом и топливом, расчистить от снега дорогу и пробить во льду ступеньки на узких и опасных горных тропинках, вообще оказывать ему всякую помощь и содействие в пути. На Памирский пост (русская крепостца на р. Мургабе) отправлены были верховые с такими же приказаниями; несколько джигитов должны были сопровождать караван. Гедина снабдили письмами к начальнику Памирского поста и к начальнику китайской крепостцы в Булюн-куля около границы.

Расстояние между Памирским постом и Маргеланом всего 489 километров (459 верст), но на этом пространстве приходилось делать три перевала через горные хребты, поэтому сведущие люди, составлявшие Гедину его маршрут, назначили ему 23 дня пути и из них пять дней отдыха, чтобы не слишком заморить лошадей. Он нанял себе десять вьючных лошадей и одну верховую. Джигит Рехим-бай, умевший говорить по-русски и хорошо готовить кушанья, ехал в качестве его слуги на собственной лошади. Два проводника шли пешком, несколько конных джигитов ехали верхами. „В общем составилась длинный, величественный караван, — замечает Гедин, — и я не без гордости наблюдал за его выступлением со двора губернаторского дома“.

В Маргелане путешественнику пришлось оставить многие вещи, ставшие ему ненужными, между прочим свой тарантас и европейские чемоданы. Вместо чемоданов он купил сартские „ягданы“, деревянные ящики, обитые кожей и устроенные так, что их можно было связывать попарно и вешать на спину лошади; кроме того, он запасся седлами, валенками, разными пищевыми продуктами, стальными заступами, топорами и кирками.

22 февраля караван выступил, а 23 утром Гедин, оставшийся ночевать в Маргелане, догнал его около Уч-кургана, большого города, живописно-расположенного на берегу р. Исфайрана, вытекающей из Алайских гор. Сделано было всего $37\frac{1}{2}$ килом. (35 в.), но местность успела подняться на 335 метров, и караван очутился на высоте почти 900 метр. над уровнем моря.

Версты за две от Уч-кургана путешественника встретил волостной старшина этой деревни вместе с своим товарищем, старшиной Аустана, соседней деревни, лежащей еще выше в горах. Один из них был сарт, другой киргиз. На обоих были синие парадные халаты, белые чалмы, пояса из кованого серебра и кривые сабли в окованных серебром ножнах. Им сопутствовала большая свита конных всадников. Они проводили путешественника в деревню, где в ожидании его собралась большая толпа народа, жадная до всякого „тамаша“ (зрелища). После приличного угощения, „достархана“, караван снова выступил в путь, в сопровождении свиты всадников.

Дорога шла по долине вверх, большею частью берегом речки Исфайрана, темно-зеленые прозрачные воды которой весело журчали между каменных глыб. На следующем привале, в Аустане, для путешественника приготовлена была юрта из белой кошмы ¹⁾, украшенная снаружи кусками пестрых материй, а внутри выстланная киргизскими коврами; в ней приветливо трещал огонь очага. Здесь можно было развьючить лошадей, напоить, накормить их и дать им полный отдых. Гедин провел весь следующий день в Аустане, киргизском кышлаке ²⁾ во сто юрт, с красивыми тополевыми садами. Пока лошади и люди отдыхали, он делал разные наблюдения в окрестности; температура была рано утром 5° мороза, а в течение дня поднялась до 16° тепла; деревня лежала на высоте 1375 метр. над уровнем моря.

¹⁾ Войлок туземного (или кашгарского) приготовления.

²⁾ Кышлак (или кишлак)—селение в Туркестане.

Выезжая из Маргелана, Гедин не подумал взять с собой собаку, которая караулила бы его юрту, но на следующий день по выступлении из Аустана к каравану совершенно неожиданно пристала большая желтая киргизская собака. Ее приласкали, накормили, и она следовала за караваном до самого Кашгара и каждую ночь держала строгий караул около палаток. Ей дали кличку Джолчи, что значит „найденная на дороге“.

„Тотчас за Аустаном, — рассказывает Гедин, — дорога пошла круто вверх. Лошади карабкались гуськом друг за другом. Через несколько минут мы уже поднялись так высоко, что журчанье реки еле достигало до нас. Подъем был очень труден: он то вился в узких проходах между обломками камней, то шел по краю обрыва, спускавшегося в долину, то пробивался между гигантскими скалами, то круто спускался к реке, то столь же круто поднимался наверх.

„Долина Исфайрана прорезывает поперек параллельные хребты Алайских гор, и скалистые окраины их поднимаются над ней ступенями, точно боковые стены декорации, представляя дикую и величественную картину. Громадные осыпи, образующиеся вследствие выветривания более слабых пород, спускались вниз до самого дна долины, увлекая за собой деревья и кусты. С обрывов гор свешивались над зияющими пропастями косматые головы старых деревьев можжевельника. Беспреданно приходилось переезжать через реку по животрепещущим деревянным мостикам. Один из них назывался Чокур-купрук, т.-е. Глубокий мост. С вершины скалы, по которой шла дорожка, он казался тоненькой жердочкой, переброшенной через узкое ущелье где-то далеко внизу. Тропинка спускается к мосту почти отвесно и затем так же отвесно вьется зигзагами вверх, по другую сторону реки. Через каждые десять-двенадцать шагов усталые лошади останавливались, чтобы перевести дух. То и дело приходилось поправлять их вьюки, которые съезжали то наперед, то назад. Крики проводников, понукавших лошадей

и предостерегавших друг друга в опасных местах, звонко отдавались среди скал и пропастей. Мы тихо и осторожно подвигались по узенькой, головоломной дорожке. Вскоре после Глубокого моста она оказалась обледенелой; с обеих сторон ее шли покрытые снегом откосы, превращавшиеся несколько ниже в вертикальные стены, у подножия которых торчали острые глыбы сланца. Передовую лошадь каравана, на которую были навьючены мешки с соломой и моя походная постель, вел киргиз-проводник. Тем не менее, дойдя до этого места, лошадь поскользнулась; она делала невероятные усилия, чтобы удержаться, но все напрасно. Она соскользнула с откоса, перевернулась раза два в воздухе, ударилась об утес и была отброшена в реку. Мешки разорвались, и солома рассыпалась. Резкие крики огласили воздух. Караван остановился. Мы тропинкой сбегали вниз. Один из киргизов вытащил мою постель, которую уже уносило течением, другие кричали на лошадь, стараясь ободрить ее и заставить подняться. Но она лежала в воде, положив голову на уступ скалы, и не отзывалась на их крики. Киргизы сняли сапоги, подошли к ней по воде и вытащили ее на землю. Но это был напрасный труд. Бедное животное сломало себе спину, и через несколько времени мы оставили его мертвым среди реки, куда оно снова потащилось в предсмертной агонии. Солому собрали и навьючили на другую лошадь.

„Вернувшись на свою дорогу, мы принялись работать топорами и лопатами, счистили лед и посыпали песком. Лошадей проводили через опасное место поодиночке со всякими предосторожностями. Я, конечно, шел пешком. Прежде чем мы добрались до ночлега, неожиданно наступили сумерки. Ночные тени все гуще и гуще закутывали узкое, глубокое ущелье, наполняя его мраком. Но через несколько времени на небе зажглись звезды, и их бледное сияние одно только слабо освещало наш путь. Много пришлось мне испытать приключений и опасностей во время путешествия по

Азии, но те три часа пути, которые еще оставались нам до Лянгара, были едва ли не самыми тяжелыми из всех. За первой обледенелой тропой пошли другие, такие же обледенелые, одна другой опаснее. Мы шли, ползли и тащились по краям черных пропастей, подстерегавших добычу. Беспреданно приходилось останавливаться, отчищать лед и посыпать дорогу песком. Каждую лошадь переводили через опасные места двое: один вел ее под уздцы, другой держал за хвост, чтобы ухватить в случае, если она споткнется или поскользнется. Несмотря на это, они много раз падали, хотя снова становились на ноги. Одна упала и уже начала скользить по откосу, но, к счастью, ее удалось удержать во-время. Мне самому приходилось ползти на четвереньках по несколько десятков сажен; один из киргизов полз вслед за мной и поддерживал меня на особенно опасных местах. Падение в одну из пропастей было бы неминуемой смертью.

„Одним словом, это был отчаянный переход: темно, холодно, страшно. Единственные звуки, прерывавшие гробовую тишину ущелья, были пронзительные вскрикивания проводников, когда падала лошадь, крики предостережения, которыми они обменивались при приближении к опасному месту, да постоянный шум реки, которая, пенясь, бежала по камням вниз. Когда мы, наконец, добрались до Лянгара, усталые, иззябшие, голодные, оказалось, что мы шли по снегу больше двенадцати часов без отдыха. Как приятно было нам найти две уже приготовленные для нас юрты с пылающим в них огнем!“

Г Л А В А III.

Трудный перевал. — Лавины. — Верблюды-проводники. — Волки. —
Еще перевал. — На озере.

Из Лянгара Гедин направился почти прямо на юг, к Тенгис-байскому горному проходу. Пять перевалов, идущих с запада на восток, соединяют Ферган-

скую долину с Алайской. Из них наиболее удобен Тандыкский (3537 м. высоты), через который проложена порядочная дорога; но он почти всю зиму завален снегом. На Тенгис-байском (3850 м.) обыкновенно снегу меньше, и в самые снежные зимы он бывает непроходим только несколько дней. Февраль особенно неудобен для путешествия по этим местностям, так как это месяц лавин и буранов; если погода не совсем ясная и тихая, самые храбрые киргизы не решаются пускаться через перевал. Редкая зима проходит без несчастий. На одной стоянке недалеко от перевала киргизы рассказывали Гедину, что в начале прошлого года к ним пришел из Уч-кургана приятель, чтобы провести с ними рамазан (пост). На обратном пути его застиг 23 марта на самом перевале сильнейший буран, и он принужден был пролежать на земле четверо суток, завернувшись в свой тулуп. Лошадь его околела; провиант весь вышел. Когда буран прекратился, он увидел, что дорога и назад и вперед завалена снегом. Несмотря на это, он пошел дальше, где ползком, где пешком, и после двух суток добрался до ущелья Кара-кия. Там он встретил нескольких киргизов, которые накормили и согрели его. Оправившись немного, он продолжал свой путь в Уч-курган. Он дошел до дому, но в ту же ночь умер от переутомления.

25 февраля Гедин послал вперед несколько киргизов с лопатами и кирками, чтобы прочистить путь, а на следующее утро двинулся за ними со своим караваном. Им надобно было проходить через так называемую Кара-кию, Черное ущелье, вполне заслуживающее свое название: это узкий проход между двумя высокими, отвесными скалами; лучи солнца никогда не проникают в него, он постоянно окутан мраком. На дне его бежит и пенится река Исфайран, образуя шумный водопад. Через эту реку переброшено несколько узких и весьма ненадежных мостиков. Только что путники благополучно миновали и их и ущелье, как им встрети-

лось неожиданное препятствие: вся долина была завалена недавно скатившеюся лавиной, которая засыпала и реку и дорогу. Вообще на этом пути они натолкнулись на несколько лавин, при этом дорога поднималась круто вверх, лошади скользили, падали и не могли подняться с вьюками, так что беспрестанно приходилось разгружать и снова нагружать их. Переход через последнюю лавину был так труден, что киргизам пришлось нести багаж на себе и вести под уздцы еле передвигавших ноги лошадей, а Гедин почти весь день шел пешком. На следующий день, благодаря киргизам, несколько расчистившим дорогу, им удалось добраться до перевала. В глубоких снежных сугробах протоптана была узкая тропинка, по которой приходилось подвигаться очень осторожно, так как один неверный шаг — и лошадь по шею проваливалась в снег, из которого несколько человек с трудом могли ее вытащить.

На юго-западе виднелись мрачные вершины Кара-киры, которые, точно бакан на море, указывали путь к Тенгис-баю. Тропинка вилась кверху бесконечными зигзагами, лошади еле двигались от усталости, люди были сильно утомлены. Но вот, наконец, они достигли самого высокого пункта перевала и могли несколько отдохнуть.

„Место, где мы находились, — говорит Гедин, — было со всех сторон окружено грядями снежных гор; лишь там и сям из-под снежного покрывала выступали голые, черные вершины скал. К северу у наших ног расстилалась долина Исфайрана. К юго-востоку глазам открывалась чудная панорама: там виднелись резко очерченные гребни Алайских гор, а вдали, с противоположной стороны Алайской долины, хребет Заалайской, вершины которого тонули в облаках, склоны же блестели снежными полянами ослепительной белизны“.

Горы, на которых они находились, составляют водораздел бассейнов Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи. Перевалив через Тенгис-бай, они вступали в область, омы-

ваемую притоками Аму-Дарьи. Спуск оказался так же крут, как подъем. Беспреданно приходилось перебираться через лавины. Одна из самых больших лавин, скатившаяся накануне, имела до 425 м. (200 сажен) ширины свыше 20 метров глубины. Киргизы радовались, что так счастливо избежали встречи с нею. Эти лавины с такой страшной силой несутся с гор, что, вследствие давления, нижний слой их превращается в лед; всякое живое существо, встречающееся им на пути, попадает в средину крепкой стекловидной массы и примерзает к ней.

На следующий день, при переходе через долину р. Дараут-кургана, впадающую в Алайскую долину, несчастным лошадям пришлось чуть не каждые десять минут переходить вброд реку, журчавшую под сводами и мостами из снега. С отвесного обледенелого берега они должны были бросаться в воду и затем сильным прыжком выскочить на противоположный столь же крутой берег. На их счастье, пошел снег, подул сильный ветер, и путникам пришлось не только раньше обыкновенного остановиться на ночлег, но и пробыть весь следующий день в киргизском кышлаке Дараут-кургане, пережидая, пока уляжется непогода.

Когда ветер стих, караван двинулся в дальнейший путь по Алайской долине к Заалайскому хребту. Снегу намело так много, что киргизы, посланные вперед, не могли прочистить дорогу, и пришлось прибегнуть к помощи верблюдов. Впереди каравана два проводника ехали на верблюдах, отыскивая, где был слой снега потверже. Часто случалось, что верблюды проваливались по самые уши, и тогда приходилось поворачивать в сторону и искать пути в другом направлении. При приближении к одной юрте, которая должна была служить путникам убежищем на ночь, снег оказался до того рыхл и глубок, что не было возможности вести по нем лошадей: первая из них сразу провалилась в него и чуть не погибла. Тогда киргизы придумали такой оригинальный исход: они

стащили с юрты кошмы, разостлали их длинной дорожкой по снегу и по этой дорожке осторожно проводили одну лошадь за другой. При этом они рассказывали, что иногда бывает еще хуже. Снегу наваливает наравне с юртами, и, чтобы поддерживать сношения между аулами, прибегают к помощи домашних яков: они своими рогами пропахивают снег точно плугами, и киргизы идут уже по тем коридорам, какие они сделают.

Несколько раз приходилось Свену Гедину проводить целые дни в пустынных юртах, посылая в соседние аулы за киргизами, которые являлись или на верблюдах, или на своих маленьких горных лошадках и расчищали им путь. На одном ночлеге их встретили четверо киргизов, больных, усталых. Оказалось, что, вследствие распоряжения ферганского губернатора, волостной старшина селения Уч-тепе хотел лично встретить путешественника и отправился со свитой через Алайский хребет. На перевале его застиг буран, который у него на глазах засыпал целое стадо баранов. Старшина не решился ехать дальше, а послал шестерых из своих людей, они бились девять дней, чтобы перебраться через занесенный снегом перевал, потеряли одну лошадь, принуждены были бросить юрту и топливо, которые везли с собой. Двое как-то отбились от прочих и неизвестно куда делись, а остальные четверо находились в самом жалком положении: у одного была отморожена нога, другой был поражен так называемой „снежной слепотой“. Эта болезнь происходит от переутомления глаз, когда приходится долго смотреть на блестящий белый снег. Чтобы защититься от нее, киргизы прикрывают лоб и глаза бахромой из конских волос, засунутых под шапку, или широким кожаным ремнем, в котором прорезаны маленькие щелочки для глаз.

Несмотря на сильные морозы, доходившие до 30°, река Кызыл-су, которую надобно было переехать, оказалась незамерзшей посредине. „Очень жуткое ощущение, — пишет Гедин, — когда лошадь останавливается

на краю льда, готовясь прыгнуть в воду. Ей легко поскользнуться или упасть, и тогда холодная ванна неизбежна, что при такой погоде не может доставить удовольствия. Мало того, это просто опасно, так как человек, укутанный шубами, понятен, стеснен в движениях. Когда лошадь благополучно очутилась в воде, у меня закружилась голова, так кипела и пенилась река, готовая унести и коня, и всадника. Стоило мне не так крепко держать лошадь, дать ей уклониться от брода, она потеряла бы почву под ногами, и поток унес бы ее. Летом такие случаи весьма обыкновенны здесь”.

Чем ближе к Заалайскому хребту, тем холмистее становилась местность. Заалайский

Переезд через Кызыль-су.

хребет обрисовывался все яснее, снежный гребень его ослепительно сверкал, отливая серебром и лазурью; высоко над ним сияло бирюзовое небо. Легкие клочки белых облаков повисли над вершиною пика Кауфмана ¹⁾. Медленно и безмолвно подвигался караван по глубоким сугробам. Только в особенно тяжелых местах тишина, царившая вокруг, прерывалась покрикиваньями проводников: „Бисмилах!“ (с богом!) или „Айда!“ (вперед!).

Всех больше наслаждалась путешествием собака. Она то ныряла в сугробах, то каталась по снегу, то ради шалости набирала полный рот снега, то как стрела мчалась впереди каравана. Вообще собака эта была какая-то странная, полудикая. Киргизы считают собак нечистыми животными, присутствие которых оскверняет человеческое жилище. Джолчи была воспитана в этих правилах и твердо держалась их. Ни лаской, ни угрозой нельзя было заставить ее войти в юрту. В метель и холод она лежала на открытом воздухе и добросовестно стерегла хозяйское добро, но ничем не проявляла своего особенного расположения к самому хозяину.

Между холмами часто попадались волчьи следы. Киргизы рассказывали, что в этих местах водится много волков, которые летом таскают у них баранов. Хотя пастушечьи собаки за версту—за две чуют волков, но те часто надувают их: они иногда целыми неделями ходят и выжидают удобного случая для нападения. Кроважадны они невероятно и, если нападут на беззащитное стадо, не оставят в живых ни одного животного. Одиноким путникам тоже достается от них. Киргизы рассказывают массу историй о людях, загрызенных ими. Предыдущей зимой один из проводников Гедина и сарт-джигит наткнулись на целую стаю волков. В одну минуту дюжина хищников окружила их

¹⁾ Самая высокая вершина Заалайского хребта (и вообще самая высокая гора всего русского Туркестана) — 7137 м.

со всех сторон. К счастью, люди были хорошо вооружены и застрелили двух волков. Тогда остальные бросились на убитых товарищей и принялись терзать их, а всадники воспользовались этим, чтобы быстро уехать.

Свен Гедин.

Во время глубоких зимних снегов в Алае волки подвигаются к Памиру и бродят по берегам озер Каракуля, где живут, главным образом, охотой на архаров, огромных горных баранов центральной Азии, кииков (горных козлов) и зайцев. На архаров волки охотятся с большими хитростями, устраивая настоящие облавы. Они окружают стадо широким кольцом, начинают выть, чтобы напугать животных, и сжимают кольцо все теснее и теснее. Подойдя близко к стаду, они отбивают от него нескольких баранов, загоняют их в какое-нибудь ущелье или на скалу. Если скала слишком высока, и волки не могут влезть на нее, они со всех сторон окружают ее и терпеливо ждут, пока тонкие ноги барана онемеют от усталости и он скатится к ногам своих хищных преследователей.

Утром 9 марта предстояло перейти через перевал Кызыл-арт, где часто неожиданно поднимаются страшные бураны. Но на самом деле перевал оказался вовсе не таким трудным, как можно было ожидать. Погода стояла ясная, тихая, и караван уже поднялся на такую высоту, что достигнуть гребня Заалайского хребта (4271 м.) было сравнительно легко. На самом перевале возвышается могила мусульманского святого Кызыл-арта, груда камней, украшенная „тугами“, кольями, на которых навешены куски разных материй и рога архаров и кинков. Киргизы рассказывают, что этот святой, живший еще во времена Магомета, отправился из долины Алая на юг проповедывать истинную веру и открыл этот проход.

На южной стороне перевала оказалось сначала довольно много снега, но затем, чем дальше, тем слой его становился тоньше, и мало-по-малу ландшафт совершенно изменился: почва была почти совсем обнажена от снега и на больших пространствах покрыта песком и мелкими обломками горных пород; горы становятся более округленными, и гребни их отделяются друг от друга широкими, отлогими долинами. Местность повышалась к юго-востоку, и скоро караван достиг

небольшого перевала Уч-булака, с которого виднелась северо-восточная часть озера Кара-куль, покрытая льдом и снегом и окруженная величественными горами, от подошвы до вершины закутанными в блестящее снежное покрывало. От Уч-булака дорога пошла через широкую степь, которая постепенно спускалась к самому озеру и была покрыта корявыми, сухими кустиками терескена, корни которого доставляют превосходное топливо.

Дойдя до озера и переночевав в небольшой землянке на берегу его, Гедин взял с собой двух сартов-джигитов, Рехима и Ислам-бая, и двух киргизов и отправился делать исследования озера. Все они были на лошадях, а две вьючные лошади везли за ними багаж. Остальные люди и лошади должны были отправиться прямо к следующей стоянке около юго-восточного берега озера.

Кара-куль — соленое озеро, площадь которого имеет около 237 кв. километров. Киргизское название свое Кара-куль (Черное озеро) оно получило потому, что вода его кажется летом черною сравнительно с окружающими горами, на которых даже летом лежат снежные полосы. Гедин провел на нем два дня, прорубая в нескольких местах лед и делая измерение глубины воды, ее температуры и толщины ледяного покрова. Когда сделана была последняя прорубь среди залива в южной части озера, трое из спутников Гедина попросили позволения ехать с вьючными лошадьми вперед, к месту, назначенному для ночевки, и приготовить там палатку. „Я отпустил их, — рассказывает Гедин, — и остался один с киргизом Шир. Пока я производил и записывал свои измерения, стемнело. Сначала мы ехали по льду заливчика и ясно видели следы оставивших нас людей. Но, выехав на берег, мы потеряли эти следы. Мы долго ехали по полуострову, покрытому песком и камнями. Скоро над горизонтом поднялся серп луны и своими холодными, бледными лучами осветил пустынный ландшафт. Не слышно было ни звука, не видно было ни одного живого существа.

Мы время от времени останавливались и кричали, — ответа не было. Раз на небольшой снежной полянке мы снова напали на след, но очень скоро потеряли его, когда месяц заволокло вечерним туманом. После четырех часов езды мы выехали на восточный берег озера. Но нигде незаметно было ни всадников, ни огней, никаких признаков бивуака. Очевидно, наши люди поехали другой дорогой. Но какой? Мы проехали еще час наугад, но все напрасно, — мы никого не могли найти. Тогда решено было остановиться на ночлег. Место, на котором мы сделали привал, представляло из себя песчаную площадку с тонким налетом снега. Мы связали лошадей, чтобы они не убежали; бедные животные, не евшие целый день, рыли песок копытами, но ничего не находили, кроме крепких, сухих корней терескена, и с жадностью жевали их. Устроивши себе ночлег настолько удобно, насколько позволяли наши скудные средства, мы уселись рядом и до часа ночи болтали, пугая друг друга разными страшными историями о волках. Шир, впрочем, уверял, что наши лошади издали почуют волков и предупредят нас. Наконец, уставши разговаривать, мы закутались в свои тулупы и улеглись по-киргизски, стоя на коленях, наклонив голову и подставив спину ветру. Вместо подушки я положил себе под голову свой чемоданчик с картами, записными книжками, термометром и проч. Но я не родился киргизом, и потому никак не мог заснуть в такой позе. Шир похрапывал, а я глаз не смыкал. Я попробовал лечь так, как мы, европейцы, обыкновенно ложимся; но скоро холод прохватил меня насквозь, я принужден был вставать и ходить взад и вперед, чтобы согреться. Счастье еще, что ночной ветер был не особенно свеж, и мороз доходил всего до 15°.

На заре они встали голодные, прозябшие, сели на коней и продолжали свой путь к югу. После полудня им, наконец, удалось найти своих спутников, ожидавших их около разложенных костров с горячим чаем и жареной бараниной.

Путешественникам предстоял еще один перевал через горы Ак-байтал. К нему вела, постепенно повышаясь, долина Мус-кол („ледяная долина“), изрезанная ключами, которые питают своими водами реку Мус-кол. Зимой ключи эти замерзают и становятся горными

Ислам-бай.

озерами, в которых отражаются небо и окрестные горы. На берегу одного из этих озер возвышались два интересных ледяных вулкана. Здесь бьют из почвы два ключа. Осенью вода, разливающаяся кругом них, замерзает; но ключи продолжают бить, и мало-по-малу вокруг них образуются ледяные конусы в несколько сажен высоты.

Г Л А В А IV.

Конец трудного пути. — Памирский пост. — Приятный отдых. — Китайская подозрительность.

15 марта, после десятичасового очень трудного перехода, путники достигли вершины перевала Акбайтал (4.852 метра высоты). Поднялась вьюга, разыгрался небольшой буран, поднимавший облака снежной пыли. Спуск был так же крут, как и подъем. Но это были уже последние трудности, встреченные караваном на пути к Памирскому посту. Дальше ему пришлось двигаться долинами, по снегу не особенно глубокому. Навстречу ему начальник памирского поста выслал татарина, переводчика, в парадной одежде с шестью медалями на груди. Он подал Гедину письмо с приветствием коменданта. 18 марта караван вступил в широкую долину Мургаба. Вблизи виднелся Памирский пост — небольшое укрепление, на котором развевался русский флаг. Когда караван приблизился, солдаты и казаки выстроились на стене и приветствовали его громким ура. Около ворот Свена Гедина ожидал комендант, капитан Зайцев, с шестью офицерами. Они приветливо встретили путешественника и провели его в комнату, которая давно была приготовлена для него. Он вымылся в хорошей русской бане и затем явился на обед в офицерское собрание. „Наверно, нигде не

было такого веселья, — замечает он, — как у нас, на „крыше мира“, на высоте 3.610 м. над уровнем моря, в самом центре Азии, в стране, где ближайшими соседями нашими являлись горные бараны, волки да орлы, парящие в поднебесье“.

Памирский пост — укрепление, возвышающееся на правом берегу реки Мургаба. Наружная стена его, сложенная из дерна и мешков с песком, окружает большой двор, на котором расположено несколько землянок с деревянными крышами: казармы, кухня, лазарет, баня, мастерские и проч. Продовольственные запасы и амуниция сохраняются в юртах. Там же находится небольшая метеорологическая станция, на которой три раза в день производятся наблюдения. Переходы температуры здесь необыкновенно резки. Иногда в течение каких-нибудь 5—6 часов термометр от 30 градусов холода переходит на 10 град. тепла; разница между температурой на солнце и в тени громадная. В углу стены, обращенной к северу, находятся две батареи с митральезами. Стена, обращенная к югу, идет по краю террасы и господствует над правым берегом Мургаба. Между укреплением и рекой тянется болотистая местность, из которой пробивается несколько светлых ручейков. Постройка флота на такой высоте и так далеко от цивилизованных мест представляла громадные трудности. Весь материал приходилось привозить из Ферганской области на вьючных лошадях тем же путем, каким шел Гедин. Осенью, когда шла постройка, беспрестанно разражались страшные бураны, засыпавшие все и всех облаками снежной пыли и песку и опрокидывавшие юрты.

В последнее время между Памиром и Кашгаром проложена новая дорога; кашгарские купцы приезжают с своими товарами, выменивают их у киргизов на овец, гонят этих овец на продажу в Фергану и с хорошими барышами возвращаются в Кашгар. Вообще же гарнизону форта приходилось вести совсем уединенную жизнь на этом клочке земли, отделенном от всего

конях с красными седлами и длинным брянчащими стремянами. Я пригласил их войти в палатку и велел подать им изысканный „дастархан“ из сардинок, шоколаду, засахаренных плодов, сладкого печенья и ликера. Я нарочно захватил все эти лакомства из Маргелана, чтобы угощать китайцев. Дзяо-дарину особенно понравился ликер, и он спрашивал, сколько может выпить его человек, не опьянев. Папиросы мои тоже пришлось им по вкусу, хотя Дзяо-дарин находил, что его кальян лучше.

„Нам с мандарином было не очень легко вести разговор. В то время я еще не умел говорить по-киргизски. Поэтому я говорил по-русски; Куль Маметьев (переводчик, сопровождавший Гедина из Памирского поста) передавал мои слова по-тюркски переводчику мандарина, сарту, а тот в свою очередь передавал их по-китайски Дзяо-дарину. Тюря Келды Савган был очень живой, приятный человек, но тонкий и осторожный дипломат. Узнав, что я намерен предпринять восхождение на гору Мус-таг-ату, они заявили, что Куль Маметьев не может сопровождать меня, так как он русский подданный. Но, когда я им показал свой паспорт и письмо китайского посланника в Петербурге к дао-таю в Кашгаре, они уступили, но поставили условием, что немедленно по возвращении с горной экспедиции Куль Маметьев кратчайшей дорогой вернется в русский Памир. Я хотел теперь же отправить Рехим-бая (повара) на верблюде в Кашгар, так как он заболел дорогой и нуждался в отдыхе и удобном помещении; но на это Тюря Келды Савган не согласился; если киргиз умрет по дороге, говорил он, из-за его смерти китайским властям могут быть неприятности. В конце-концов я успокоил их только тем, что обязался по восхождении на Мус-таг-ату вернуться обратно в Булюн-куль и никаким другим путем не направляться в Кашгар. В залог я должен был оставить им одного из своих людей и половину багажа. Придя к такому соглашению, я заявил, что желал бы немедленно отдать

визит своим гостям; но они оба отвечали, что не имеют права пустить европейца в укрепление в отсутствие коменданта Джан-дарина, уехавшего в Кашгар. Переговоры эти продолжались целых пять часов. Когда, наконец, мои гости собрались уходить, я, чтобы расположить их в свою пользу, хотел подарить им тульский кинжал и серебряную чарку. Сначала они отказывались, говоря, что после такого изысканного дастархана мне не следует дарить их, что правильнее было бы им одарить меня, так как я их гость, но в конце-концов они согласились принять подарки, выражая надежду отдарить меня, когда я вернусь из экспедиции на Мус-таг-ата. После этого они любезно распрощались со мной и умчались в облаке пыли, сквозь которое долго еще мелькали их белые кони, их красные мундиры и их блестящее оружие. С тех пор мы ни разу больше не видали их, хотя они и напоминали мне о себе во время моей экскурсии в горы: они запрещали киргизам своей области доставлять мне баранину, топливо и другие необходимые вещи.

„Весь остальной день прошел у меня в приготовлениях к восхождению на Мус-таг-ату. Я решил взять с собой только четырех человек: Куль Маметьева, Ислам-бая (заменившего мне больного Рехима) и двух киргизов. Четыре вьючные лошади должны были везти наш багаж: продовольствие, постель, шубы, подарки, аптечку, фотографический аппарат, научные приборы и другие необходимые предметы. Все прочее я оставлял под присмотром сарта Хаджи, которому я поручил и уход за Рехим-баем. Несмотря на мои старания устроить его как можно лучше, бедняк все не поправлялся. Зимний переход по Памиру совершенно изнурил его. Лицо его побледнело и осунулось, глаза стали какими-то стеклянными, безжизненными. Он изменился просто до неузнаваемости.

„Вечером к нам пришло несколько китайских солдат из крепости. Они попросили позволения осмотреть некоторые из моих ящиков и чемоданов. Как мы узнали

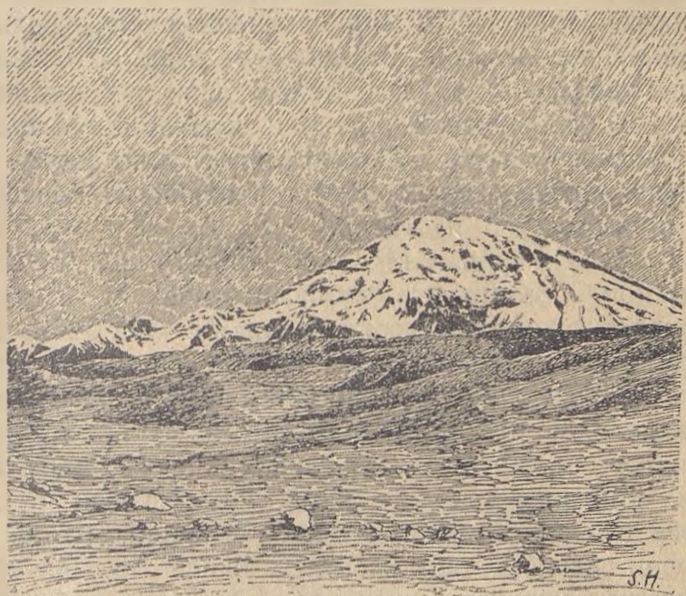
впоследствии, в крепости говорили, что мои сундуки набиты русскими солдатами, которых я таким образом перевожу через границу. То обстоятельство, что в каждом из моих сундуков могло поместиться не больше половины солдата, нисколько не уменьшило подозрений. Я открыл им два-три ящика, и после этого они, повидимому, успокоились. На ночь китайцы поставили сторожей вокруг моей палатки, но догадались держать их на некотором расстоянии и не на виду. Очевидно, они получили приказание следить за мной и разузнать, с какой целью я задумал посетить такой отдаленный уголок обширной Китайской империи“.

Г Л А В А V.

Священная гора. — Легенды. — Лекарь поневоле. — На яках. — Выше всех европейских гор. — Неожиданная неудача. — Снова в Булюн-куле.

Гора Мус-таг-ата считается у местных жителей священной. Проходя мимо нее или издали заведев ее, киргизы становятся на колени и творят молитву. По их словам, там покоится 70 святых; говорят даже, что вся гора громадный „мазар“, могила святых, в которой между прочим лежат Моисей и Али, племянник Магомета. Киргизы даже иногда называют гору Хазрет-и-Муза, т.-е. святой Моисей. Между прочими легендами рассказывают, что в давно прошедшие времена одному старому ишану (святому) удалось взобраться на гору. Он нашел там озеро и речку, на берегу которой пасся белый верблюд. Там был также большой сад, в котором росли сливы и расхаживали почтенные старцы в белых одеждах. Святой сорвал несколько слив и съел их. Тогда один из старцев подошел к нему и сказал, что он хорошо поступил. Если бы он пренебрег плодами, как другие, он был бы обречен вечно оставаться на горе, вечно ходить взад и вперед по саду.

После этого явился всадник на белом коне, взял святого человека и вместе с ним спустился с горы. Когда ишан очутился в долине, он лишь смутно вспоминал все, что с ним произошло. Дальше киргизы рассказывают, что на вершине Мус-таг-аты находился древний город Джанайдар, построенный в то время, когда общий мир и общее счастье царили на земле. После этого

Мус-таг-ата с севера.

все сношения между городом и остальной землею были прерваны, и поэтому жители его до сих пор наслаждаются полным блаженством. Там растут деревья, которые круглый год приносят великолепнейшие плоды, цветут никогда не увядающие цветы, живут никогда не стареющие и не дурнеющие женщины. Все блага жизни даются там в изобилии; смерть, холод и мрак навсегда изгнаны оттуда.

Одним словом, Мус-таг-ата, как, впрочем, большинство особенно высоких гор, окружена ореолом таинствен-

ности, являясь центром целого ряда фантастических легенд и сказок.

Мус-таг-ата, высочайшая гора Памира и одна из высочайших гор в свете, имеет 7.860 м. высоты и представляет главную вершину цепи Мус-таг, или ледяных гор, достойных соперников Гималаев, Кузнь-луня, Каракорума, Гинду-куша. Имя „Мус-таг-ата“, „отец ледяных гор“, показывает ее несомненное превосходство над всею цепью. Это имя как нельзя более подходит к ней. Действительно, вершина ее вздымается словно седая голова отца среди детей, в свою очередь одетых в чистые белоснежные плащи и закованных в блестящие ледяные латы. Словно гигантский маяк, льет громадная гора свое серебристое сияние на необозримое пространство пустыни.

Из Булюн-куля к Мус-таг-ате путь шел по долине Сары-кол. Долина эта, то суживающаяся, то расширяющаяся, окружена высокими горами. Она очень бедна пастбищами и почти необитаема. Подвигаясь по ней к юго-востоку, путешественники дошли до озера Малый Кара-куль, замечательно красивого, обрамленного высокими горами, которые отражаются в его прозрачной воде, придавая ей то синий, то зеленый оттенок. С юга в озеро вливается река Су-баши, на берегах которой паслись стада косматых яков. Тут же стояла небольшая китайская крепость Су-баши. Начальник ее принял Гедина очень любезно и проводил в свою большую, прекрасно убранную юрту.

„Только что мы успели разложить багаж,— рассказывает Гедин,—как к нам явилась масса гостей, и визиты не прекращались до самого вечера. Сначала пришли соседние киргизы, потом китайцы, солдаты гарнизона. Все больные окрестной местности явились ко мне просить лекарств. Одна старуха жаловалась, что у нее кокандская болезнь; у другого болели зубы, у третьего — нос; один из солдат гарнизона жаловался, что во время бури у него сводит желудок и т. д. Я лечил их всех одинаково, раздавая приемы хинина. И они все уxo-

дили от меня совершенно довольные, твердо веруя, что, чем лекарство более горько, тем оно действительнее. На следующий день мы устроили чай для знатнейших киргизов аула и для нескольких солдат-китайцев. Вечером я пригласил к себе Тогдасын-бека и угощал его ликером и игрой ящичка с музыкой. Это привело его в полный восторг. Он уверял, что помолодел на двадцать лет и что ни разу не слышал такой чудной музыки со времен владычества над Кашгаром великого Якуб-бека¹⁾; тогда, лет двадцать тому назад, турецкий султан прислал в подарок Якуб-беку большой ящик с музыкой“.

Когда Гедин расспрашивал жителей Алайской долины о восхождении на Мус-таг-ату, они утверждали, что добраться до вершины горы совершенно невозможно; отвесные скалы и пропасти заграждают путь, склоны горы покрыты льдом, блестящим и гладким как стекло, на вершине постоянно дуют буйные ветры; смельчака, который добрался бы до нее, великан-гора повелит ветрам сдуть прочь, как песчинку. Киргизы Су-баши тоже считали подъем на гору очень трудным, но все-таки многие из них согласились сопровождать путешественника и постараться помочь ему в его предприятии, хотя не скрывали тех опасностей, какие грозили ему. Охотники, которым случалось заблудиться на больших высотах, чувствовали сильное головокружение; ловкие, быстроногие архары, когда их загоняют к отвесным ледяным скалам, в страхе отступают; даже орел не поднимается до вершины горы: крылья его слабеют, прежде чем он доберется до нее.

„17 апреля,—рассказывает Гедин,—меня ожидала при выходе из юрты живописная группа. Она состояла из полудюжины загорелых киргизов в тулулах, с палками в руках, из 9 яков—больших, черных, добродушных, флегматичных созданий, и из двух баранов. Некоторые

¹⁾ В середине XIX столетия после восстания дуочган (китайских магометан) Восточный Туркестан отложился от Китая и представлял самостоятельное государство; повелителем его и был знаменитый Якуб-бек. Впоследствии после смерти Якуб-бека китайцы опять вернули себе Восточный Туркестан.

яки были навьючены необходимым провиантом, кирками, топорами, заступами, канатами, шубами и меховыми коврами, фотографическим прибором и проч. Научные приборы и бинокли лежали в мешках, которые несли киргизы. Остальные яки были оседланы. Мы сели на них, распрощались с беком Тогдасын, и караван двинулся в путь. Яками управляют посредством веревки, продетой в носовой хрящ. Впрочем, управлять ими почти не приходится, так как они обыкновенно идут, куда сами хотят, уткнув нос в землю, и при этом сопят так сильно, что у вас в ушах постоянно стоит шум, точно от лесопилни. Подъем был очень крут и усеян гнейсовыми обломками различной величины. К вечеру мы достигли местечка, защищенного от ветра и свободного от снега, на высоте 4.439 м., и разбили свой незатейливый бивуак. Одного из баранов зарезали, парное мясо опустили в котел с талым снегом, кипевшим над огнем. Так как у нас не было топлива, то наш костер состоял просто из сухого помета яков. Позже вечером приехал еще киргиз с двумя яками, нагруженными терескеном. Мы развели чудесный огонь и уселись вокруг него ужинать. Веселое пламя прыгало и плясало, то задевая легким поцелуем губы кого-нибудь из присутствующих, то поджигая бороду какого-нибудь зазябшего киргиза и вызывая этим общую веселость. Луна взошла из-за склона Мустаг-аты, окруженная сияющим венцом. Огонь мало-по-малу погас, и мы заснули сном праведных под открытым небом.

„На следующий день погода была неблагоприятная: холодная, ветряная, небо покрыто тучами. Несмотря на это, мы решили двигаться дальше. Так как киргизы предпочитали идти пешком, то мы взяли с собой только трех яков, чтобы везти багаж. По извилистым тропинкам, которые становились все круче и круче, взбирались мы вверх. Яки шли очень твердой походкой, но часто останавливались отдыхать. Когда тучи рассеялись, глазам нашим открылась чудная картина. Долина

Сары-кол развertyвалась далеко внизу, точно географическая карта. На севере виднелся Малый Каракуль и Булюн-куль; на юго-западе горные хребты Мургаба, а на западе, внизу под нами, могила батыря Уум-кара-кашки, из долины она кажется лежащею на большой горе, а отсюда эта гора представлялась незначительным холмом.

„Наконец, мы дошли до ледника Ям-булак и устроили около него стоянку. Мы находились на высоте 4.850 м. над уровнем моря, т.-е. выше всех европейских гор. Ледник выступает из ворот своего дворца—глубокого, широкого ущелья; выйдя на открытое место, он становится вдвое-втрое шире, но зато и гораздо тоньше“.

Поднявшись еще выше, до 5.336 м., путешественники были застигнуты страшным бураном, так что им пришлось несколько часов провести на месте и затем очень осторожно, пробираясь по снежным сугробам, спуститься снова к месту своей стоянки у ледника. На другой день буря продолжала бушевать, и Гедин, предполагая, что экскурсия займет больше времени, чем он ожидал, послал в долину за съестными припасами. Почти все киргизы, сопровождавшие его, жаловались на головную боль и тошноту, так что он решил дать им лишний день отдыха, а сам с Исламбаем и двумя здоровыми киргизами, как только буря утихла, предпринял экскурсию для исследования ледника. Он сделал несколько измерений его, снял топографическую карту и сделал несколько фотографий. Громадные трещины, прорезывавшие его по всем направлениям, сильно затрудняли движение; наименьшая толщина ледника доходила до 50 метров.

Гедин решил обойти гору и попытаться взойти на ее вершину с южной стороны. Но его намерение было разрушено самым неожиданным образом. Вероятно, вследствие работ на леднике и блеска снега, у него сделалось воспаление глаз. Страшная боль заставила его бросить все и поспешно спуститься в Су-баши. Несмотря на отдых и более мягкий климат, воспаление

не уменьшалось, и бедный путешественник, разочарованный в своих гордых замыслах, решил вернуться в Булюн-куль за оставленными там вещами и людьми. При отъезде жители аула и солдаты гарнизона провожали его с большим сочувствием.

„Когда караван наш двинулся в путь,—пишет Гедин,—они все стояли молча, точно присутствуя на похоронах. Это грустное впечатление еще более усилилось, когда через час пути нас нагнал отряд солдат, которым обязанности службы помешали присутствовать на проводах. Они пожелали мне счастливого пути и с полчаса провожали нас, распевая в честь меня песни до того заунывные, что в конце-концов наш караван стал казаться мне погребальной процессией, а сам я покойником“.

В Булюн-куле путешественника ждали новые неприятности. По дороге туда его застал сильный буран, он приехал к крепости уже под вечер и тотчас послал к коменданту с просьбой дать ему порядочную юрту. Посланный вернулся с ответом, что комендант пьян, и его нельзя беспокоить. Пришлось довольствоваться прежней старой юртой. Несмотря на это, Гедин решил пробыть тут несколько дней, пока боль его сколько-нибудь утихнет. Не тут-то было. На другой день от коменданта получено было приказание немедленно удалиться, если он не хочет подвергнуться насилию. Делать было нечего! Больной, полуслепой путешественник сел на лошадь и вместе с своим караваном двинулся к Кашгару, отправив Куль Маметьева обратно на Памирский пост. Путь был не легкий. Приходилось подниматься на горы по головоломным тропинкам, ехать по узким дорожкам около пропастей, несколько раз перебираться то вброд, то по ветхим мостикам через Гез-Дарью, быструю, бурливую горную речку. 30 апреля они выехали, наконец, из горной местности, но здесь уже не было следов зимы; термометр поднимался днем до 15° тепла, равнина была покрыта роскошною растительностью. Бедные лошади,

отощавшие во время путешествия, не могли удержаться от искушения пощипать давно невиданную сочную траву. Еще один опасный переезд через поломанный мост, остановка около китайской крепостцы, комендант которой не пропускал путешественника, не осмотрев предварительно его паспорта,—и к вечеру 1 мая караван достиг, наконец, Кашгара.

ГЛАВА VI.

Кашгар. — В приятном обществе. — Любезный дао-тай. — Китайский обед. —
Изменение маршрута.

В Кашгаре Гедин мог вполне отдохнуть и вылечиться от своей болезни. Он жил в доме русского консула Петровского, человека гостеприимного, веселого, не только образованного, но и ученого, вполне знакомого с местным краем, сделавшего не мало археологических изысканий и собравшего в своей библиотеке все лучшие труды по описанию центральной Азии. Все европейцы, жившие в Кашгаре, посещали дом консула; кроме того, к нему и по делам, и просто в гости беспрестанно приходили разные сарты и китайцы; из разговоров этих людей путешественник знакомился с местными нравами, обычаями и образом жизни местного населения. Вообще о своем пребывании в Кашгаре он вспоминает с величайшим удовольствием. „Я помещался,—пишет он,—в уютной комнатке в павильоне, среди сада, и после завтрака обыкновенно прохаживался взад и вперед под тенью тутовых деревьев и платанов, по террасе, с которой виднелись те пустынные области, через которые лежал мой путь на дальний восток. Моими постоянными сотоварищами были ласточки, которые свили себе гнезда под крышей и свободно влетали в комнаты и вылетали из них в открытые окна и двери; погода стояла такая теплая,

что окна и двери не закрывались ни днем, ни ночью. Я прилежно работал в своем павильоне и написал несколько статей. Вообще я чувствовал себя превосходно. Ветер шептал что-то в листве платанов. Я не знаю, что именно, но иногда воображал, что он приносит мне привет с далекой родины...

Кроме европейцев, живших в Кашгаре, путешественник познакомился и с китайцами. Китай разделялся на 19 провинций, управляемых губернаторами; помощниками губернаторов являлись: вице-губернатор, управляющий финансами, судья и дао-тай („указывающий правый путь“). Власть губернатора распространялась и на всю провинцию, власть дао-тая на одну ее часть. Так, в провинции Синь-цзянь, обнимающей весь восточный Туркестан, было несколько дао-таев. Положение этих дао-таев было в некотором отношении важнее губернаторского, так как они контролировали действия всех чиновников и могли приносить на них жалобы императору. Дао-тай кашгарский управлял обширной областью и, кроме гражданских дел, заведывал военной частью, распространяя свое влияние на весь восточный Памир.

В первые же дни по приезде Гедин счел своею обязанностью сделать визит такому важному сановнику. Дао-тай жил в обширном „ямыне“ (дворцовом помещении). Здания ямыня были расположены вокруг лабиринта квадратных дворов, засаженных посредине тузовыми деревьями и окаймленных со всех сторон верандами. Столбы, поддерживавшие веранды, были украшены китайскими письменами, а стены зданий рисунками, изображавшими по большей части драконов и других фантастических животных.

„Дао-тай встретил меня, — пишет Гедин, — у первых ворот и с приветливой улыбкой проводил до приемной комнаты, где мы сели около маленького квадратного столика и принялись пить чай и курить серебряные трубки. У ворот выстроился караул из солдат с длинными аллебардами, а несколько почтенных желтолицых

чиновников, с тщательно заплетенными косами и с шариками на черных шелковых шапочках, стояли вокруг стен комнаты, молча и неподвижно все время, пока продолжался мой визит. Дао-тай был в роскошном одеянии из голубого и черного шелка, в широких складках которого прятались золотые драконы, а золотые львы карабкались по причудливо извивающимся гирляндам. На его шелковой шапочке торчал шарик, показывавший, что он „дарин“ или мандарин второго класса. На шее его висела длинная цепь из твердых, резных косточек плодов. Чтобы заплатить мандарину за честь честию, я тоже оделся в самую лучшую свою черную пару и приехал на белом коне, в сопровождении свиты казаков.

„Мы целых два часа вели разговор, соперничая друг с другом в любезности. Дао-тай спросил меня, нравится ли мне чай? — Хао (хорош), ответил я единственным кита-тайским словом, ко-

Дао-тай Кашгара и его свита.

торое знал. Он всплеснул руками и сказал: — Клянусь памятью моих отцов, что за удивительно ученый человек мой гость! Несколько минут спустя он сообщил мне, что река Тарим, вытекающая из озера Лоб-нора, теряется в пустыне и затем через несколько тысяч „ли“ снова выходит на свет бслшой китайской рекой Хуанг-хо. Я в свою очередь воскликнул: — Какой ваше превосходительство ученый человек! вы все знаете!

„Но я все-таки высказал ему и немножко правды: я рассказал ему, как меня приняли в Булюн-куле, на китайской границе, и выразил удивление, что встретил такую нелюбезность, несмотря на китайский паспорт

и свои рекомендательные письма; я прибавил, что намерен жаловаться высшим властям. Физиономия дао-тая сразу омрачилась, он, видимо, взволновался и стал просить меня не жаловаться, обещая наказать коменданта Булюн-куля. На следующий день дао-тай отдал мне визит со всею азиатскою пышностью. Впереди ехал герольд, который через каждые пять шагов ударял в огромный гонг. За ним следовало несколько человек, вооруженных хлыстами и нагайками, которыми они угощали всякого, кто не сторонился немедленно. Сам сановник ехал в маленькой карете на двух высоких колесах и с тремя окнами. Над мулом, впряженным в экипаж, возвышался балдахин, прикрепленный к оглоблям. Около кареты шли слуги, державшие зонтики и желтые флаги с черными надписями. Шествие замыкалось отрядом солдат, ехавших на красивых белых лошадях, но в самых фантастических костюмах“.

Знакомство Гедина с дао-таем не ограничилось обменом визитами: через несколько дней сановник пригласил его к себе на обед вместе с русским консулом и несколькими европейцами, жившими в Кашгаре. Когда китаец хочет пригласить кого-нибудь на обед, он обыкновенно за день или за два присылает маленькую пригласительную карточку в огромном конверте. Если гость принимает приглашение, он оставляет у себя карточку, в противном случае отправляет ее обратно. Приличие требует приходить позже означенного часа, иначе рискуешь застать хозяина спящим, и весь дом в беспорядке. Когда у хозяев все готово, они еще раз посылают к гостям пригласительную карточку. Только после этого можно начинать одеваться и, не спеша, отправляться на обед.

Наше шествие к дому сановника вышло поистине блестящим, — описывает Гедин. Во главе процессии ехал сарт из русского Туркестана, аксакал (старшина) всех торгующих русских подданных Кашгара. На нем надет был красный бархатный халат, с тремя золотыми русскими медалями на груди. Сзади него казак вез

шелковый консульский флаг, красный с белым, с синим косым крестом в углу. В открытом ландо ехали консул Петровский и я, затем два офицера и Адам Игнатьевич (миссионер-католик), в своей длинной белой одежде, с крестом на шее и четками в руках. В заключение 12 казаков в белой парадной форме, едва сдерживавших своих горячих коней.

„Таким торжественным образом, разодетые в праздничные костюмы, мы ехали тихим шагом под палящим солнцем, по узким, пыльным улицам Кашгара, через базарную площадь, где теснились сотни лавчонок с соломенными крышами, подпертыми наклонными жердями, мимо мечетей, медресе и караван-сараев, мимо рынка, где торговали старым платьем; мы несколько раз сталкивались то с караваном верблюдов, то с вереницей ослов, нагруженных боченками воды, и, наконец, очутились в китайском квартале с его оригинальными магазинами, загнутыми крышами, изображениями драконов и красными объявлениями. Мы подъехали к большим воротам резиденции дао-тая, и навстречу нам вышел сам его превосходительство, окруженный отрядом морщинистых, безбородых солдат, одетых в самые парадные мундиры.

„После легкой закуски хозяин провёл нас и своих китайских гостей в маленький павильон в саду, где был приготовлен обед. Китайский этикет требует, чтобы хозяин прикладывал ко лбу все кубки, из которых пьют гости, и все деревянные палочки, которыми они едят. Кроме того, дао-тай потряс каждый стул, чтобы показать, что он прочен, и провел рукой по его сиденью, как бы стирая пыль. По окончании всех этих церемоний мы уселись вокруг большого красного лакированного стола. Вошла целая вереница слуг; каждый из них нес маленькую фарфоровую мисочку с каким-нибудь кушаньем. Они поставили все эти кушанья на середину стола. Их оказалось больше дюжины, и через несколько времени появилась новая смена, и еще, и еще. Перед каждым гостем стояло,

кроме того, несколько маленьких чашечек с приправами, соусами и соями. Если гость сам не брал кушаньев, хозяин накладывал ему по собственному выбору. В числе блюд стояли: чешуя, хрящи и плавники разных китайских рыб, грибы, кусочки соленого бараньего сала, саламандры, ветчина в разных видах и разные странные кушанья, названия и составных частей которых я не мог узнать. Попробовать их я не решился, так как вид у них был подозрительный и запах весьма неприятный. Обед закончился копченой ветчиной с патокой, чаем и китайской водкой, крепкой и страшно горячей. Большая часть припасов, подававшихся за этим обедом, была привезена из восточного Китая и, вследствие дальнего расстояния, стоила очень дорого. Очевидно, дао-тай, который обыкновенно довольствуется весьма простым столом, хотел угостить нас на славу? А мы, — я, к сожалению, должен заметить, — не отдали чести китайской кухне. Чтобы есть китайские обеды, необходимо привыкнуть к тем странным блюдам, какие на них подаются. Некоторые из них оказываются очень вкусными. Так, например, суп из съедобных ласточкиных гнезд — просто объяденье, но в этой отдаленной местности он редко подается, так как стоит слишком дорого.

„На одной из стен были изображены какие-то надписи, я спросил, что они означают, и мне сказали: „Пей и рассказывай веселые истории“. Нам не нужно было этого напоминания: у нас, европейцев, и без того во все время обеда было самое веселое настроение, и мы беспрестанно нарушали строгие правила китайского этикета. За обедом музыканты-сарты играли на флейтах, били в барабаны и пели. Под их монотонную музыку плясали и кружились двое мальчиков-танцоров. Когда последняя перемена кушаний была съедена, мы, следуя строгому правилу этикета, встали и распрощались с хозяином.

„На возвратном пути домой мы проезжали по совершенно безлюдным и тихим улицам, площадям и базарам; кое-где попадались одинокие пешеходы, какой-

нибудь дервиш или прокаженный нищий. Солнце село за высокими горами Терек-давана. Сумерки продержались всего несколько минут, и скоро настала темная ночь“.

В течение семи недель, проведенных в Кашгаре, Свен Гедин подробно обсуждал с Петровским план своего дальнейшего путешествия. В конце-концов они решили, что вместо одной большой экспедиции лучше предпринять несколько мелких, приняв за исходный пункт Кашгар и возвращаясь туда всякий раз для приведения в порядок собранных материалов и для приготовления к новому походу.

Гедин намеревался отправиться прежде всего на исследование озера Лоб-нора, но в начале июня произошла быстрая перемена погоды, и настало знойное лето. Термометр показывал в тени 38°, а на солнце температура доходила до 65°, и даже ночь не приносила прохлады. Каждый вечер над городом проносился горячий ветер пустыни, принося с собой облака сухой, мелкой пыли и заволакивая улицы удушливой мглой. Чем ближе к середине лета и к центральным областям материка, тем сильнее должен был становиться зной. Путешественник, так недавно испытывший сорокаградусные морозы Памирского плоскогорья, не мог без ужаса подумать о раскаленном воздухе безводных пустынь. Поэтому он решил отложить посещение Лоб-нора до более прохладного времени года, а в течение лета продолжать свои исследования горных областей восточного Памира.

Вечером 21 июня он выехал из Кашгара. Караван состоял из шести вьючных лошадей, нагруженных, кроме продовольственных запасов, приборов, инструментов, походной постели, шуб, мехов и оружия, еще халатами, материями, цветными платками и шапками, предназначенными для подарков киргизам. Вместе с Гедином ехал один миссионер, крещеный магометанин Иоганн, слуга Ислам-бай, заменивший Рехим-бая, переводчик и проводник, которому принадлежали лошади. Кроме того, решено было каждый день нанимать двух местных

киргизов, которые должны были указывать дорогу. Любезность дао-тая превзошла все ожидания. Он не только дал путешественнику два больших, пестрых рекомендательных письма, но и послал комендантам Сары-Кола и Тагармы (две китайские крепости в восточной части Памира) уведомление, что к ним едет человек, равный по чину мандарину с двумя шариками, и что ему следует оказывать соответствующий почет.

„Солнце клонилось к закату, хотя лучи его все еще сильно жгли, — пишет Гедин, — когда караван наш двинулся между рядами ив и тополей по широкому шоссе, проложенному Якуб-беком. Так как день был базарный, то на дороге замечалось сильное движение. Мандарины разных „шариков“ ехали в своих маленьких голубых каретках, запряженных мулами, увешанными бубенчиками и колокольчиками; китайские офицеры и солдаты в светлых мундирах гарцовали на конях; целые компании сартов и китайцев наполняли высокие, живописные арбы с полукруглой соломенной крышей, запряженные четверкой лошадей, из которых одна стояла в оглоблях, а три другие были припряжены толстыми веревками спереди. Эти экипажи служат дилижансами в восточном Туркестане. В такой арбе можно за очень дешевую плату проехать от Кашгара до Яркенда, т.-е. сделать четырехдневный путь. Мы встречали один караван за другим; толпы нищих и всевозможных калек, водоносы с своими большими глиняными кувшинами, булочники и продавцы фруктов с своими лотками сидели по краям дороги, а в грязной воде канав, окаймлявших ее, купались загорелые мальчишки. Мы миновали ряд могил святых, развалины дворца Якуб-бека, переехали по мосту через мутную, темно-красную речонку и, оставив влево китайский городок Янгишар („новый город“), вступили в бесплодную, безжизненную местность, которая тянулась на юг и на восток безграничной равниной“.

Г Л А В А VII.

В горную область. — Киргизские аулы. — Ущелье Тенги-тар. — Благодатный уголок. — У старых знакомых. — Дикая забава.

Возвращаясь из Кашгара в горную область Мус-тага, Свен-Гедин ехал не той дорогой, которой прибыл в город. Он взял более восточное направление на Янги-гиссар. Это небольшой городок, наполовину китайский, наполовину мусульманский, грязный, пыльный, с узкими улицами, с мечетями, медресе и массой садов. Южнее его, подвигаясь по равнине, перерезанной массой горных речек и ручейков, караван прошел еще два городка, Кара-баш и Игиз-яр, и вступил мало-по-малу в горную область. Благодаря распоряжениям кашгарского дао-тая, китайские чиновники везде принимали путешественников приветливо, снабжали их припасами, давали им проводников. У подошвы гор рассеяны киргизские кышлаки с зеленеющими рощицами. Около входа в долину Тазгунг скалы образуют узкий проход, защищаемый маленькой крепостцой с гарнизоном в 24 человека, и дальше, как в этой, так и в соседних долинах, жили только киргизы-кочевники. Деревьев здесь почти нет, но зато пастбища по берегам горных речек превосходны. Киргизы принимали путешественников с тем гостеприимством, каким вообще отличаются кочевые народы. В долине Кинкол караван был застигнут страшным ливнем. Он подходил в это время к аулу, и старшина тотчас же пригласил путешественников в юрту. В ауле было человек 20 жителей: они проводят здесь ежегодно три летних месяца, а на зиму спускаются с своими стадами ниже, так как аул лежит на высоте около 3.369 метров. Каждый вечер овец и коз пригоняют в аул доить, а на ночь запирают в обширные загоны, где их охраняют от волков злые длинношерстные собаки. Как только ночью послышится лай, кто-нибудь из людей бежит к загону и диким криком

старается прогнать волков. Пока путешественники сушились и пережидали дождь, в аул явилась целая толпа разряженных мужчин и женщин; они шли на погребение одного мальчика в другой аул, лежащий ниже, но при виде чужестранцев многие из них предпочли остаться с ними. В юрту старшины набралось человек тридцать гостей, мужчин, женщин и детей; было довольно тесно, но очень весело. Один киргиз играл на „дутаре“ (двуструнным инструменте), другие болтали и смеялись. Женщины в огромных белых головных уборах угощались хлебом и молоком, которое пили из деревянных чашек. Сам хозяин строго исполнял постановление религии и в определенные часы совершал молитвы; остальные, не обращая на это внимания, продолжали вести свои разговоры. Посреди юрты горел по обыкновению огонь.

По мере продолжения пути ландшафты становились все разнообразнее, а природа все более дикой. Караван пересек обширные восточные склоны Мус-тага, представляющие настоящий лабиринт гребней, вершин и долин. Дорогу беспрестанно пересекали горные реки и ручьи. Количество воды этих рек находится в зависимости от таяния снегов на горах и от количества выпадающего снега. Маленький, чуть заметный ручеек может через несколько часов превратиться в грозный поток, все уносящий на своем пути.

Одним из самых трудных переходов был переход через ущелье Тенги-тар (узкий проход). Приходилось делать бесконечные зигзаги, пробираясь между громадными глыбами, свалившимися с соседних гор, и несколько раз переезжать реку. Среди ущелья бьют из земли три горячие ключа. Вода издает неприятный серный запах и окрашивает окружающие камни в желтоватый и коричневый цвета. Столб пара стоял над источниками, вода которых имела температуру в 52°.

За ключами ущелье еще более сузилось и, наконец, превратилось в коридор, имевший всего несколько аршин ширины: воздух в нем был холоден и сыр, точно в погребе, скалы поднимались отвесными стенами

с обеих сторон его, река, наполнявшая почти все его пространство, билась и пенилась, пробиваясь среди обломков скал и образуя множество маленьких водопадов. Над головами виднелась узенькая полоска неба. Каждую минуту казалось, что скалы впереди сходятся и преграждают путь. Но это означало лишь новый поворот дороги. Очень трудно было перевозить тяжело нагруженных лошадей через узкий коридор; большею частью приходилось ехать по воде, и из-за ее пены не видно было, куда ступает лошадь. В самых глубоких местах окрестные жители навалили ряды больших и мелких камней, которые должны были составить нечто вроде мостов через реку; но это только увеличивало опасность: вода смыла песок и глину, которые соединяли камни, и между ними образовались глубокие провалы, в которые попадали ноги лошадей. В конце ущелья проходит горный отрог, и, когда путешественники с трудом забрались на него, глазам их открылась чудная картина: позади лежал узкий проход, а впереди расстилалась широкая, ровная долина с холмами и пригорками, с роскошною растительностью и с весьма удобной дорогой по берегу реки. По этой дороге караван дошел до аула Булак-баши, где было шесть юрт и тридцать жителей-киргизов. Эти киргизы обязаны постоянно жить здесь и нести караульную службу, т.-е. давать помещение и оказывать всякую помощь путешественникам-китайцам, а также перевозить почту. Здесь живут три китайские почтовые чиновника, получающие за свою службу весьма скромное вознаграждение в виде нескольких четвертей пшеницы, которые доставляются им из соседних городов.

После этого путешественникам оставалось перевалить через главный хребет Мус-тага. Они поднялись довольно отлогой дорогой по горному проходу на высоту 4599 м. и оттуда спустились в большую долину реки Тагармы. Направо виднелась четырехугольная стена китайской крепости Бэш-курган с гарнизоном в 120 человек. Долина эта представляет большую котловину,

со всех сторон окруженную горами, которые защищают ее от ветра. Она покрыта чудною зеленью и пересечена множеством горных ручейков. Зимы бывают здесь довольно холодные, но лето стоит страшно жаркое. Во время прохода по ней Гедина в палатке было до 30° тепла, а на открытом поле доходило до 50°. Воздух был удушливо-знойный, небо безоблачно-чистое, от раскаленной почвы поднимался легкий пар. Благодаря обилию тепла и множеству ручейков, орошающих долину, она покрыта богатою растительностью и представляет великолепные пастбища. Киргизы живут в долине и зиму и лето. У них насчитывается всего 80 юрт, и в каждой юрте живет средним числом по четыре человека. Кроме того, в Бэш-кургане живет двадцать семей таджиков. Большинство киргизов бедные люди. У них у всех вместе насчитывается не более 2.000 овец и 200 яков. У некоторых нет ничего, кроме 5 — 6 овец, а у других и того нет. Таджики, напротив, считаются весьма зажиточными. Они не кочуют как киргизы, а живут оседло в глиняных мазанках и занимаются земледелием; сеют, главным образом, пшеницу и ячмень, но не брезгают и скотоводством; у некоторых из них бывает по 1.000 штук овец. Киргизы говорят, что им жилось гораздо лучше прежде, когда Кашгаром правил Якуб-бек. В то время они пользовались большей свободой, и никто не мешал им переходить с своими стадами на запад, на пастбища Памира; теперь же китайцы строго запрещают им переступать через русскую границу.

Диких животных водится здесь множество: встречаются горные козлы, зайцы и другие грызуны, волки и лисицы, каменные куропатки, дикие утки и гуси, разные породы плавающих и голенастых птиц.

Дальше путь пошел на запад и северо-запад, вдоль подошвы Мус-таг-аты и, через небольшой перевал Улуг-рабат, в долину Субаши. У подошвы северного склона Улуг-рабата расположено два аула, один из девяти, другой из пяти юрт; вокруг обоих пасутся большие

стада овец. В первом из этих аулов путешественника встретил очень радушно его старый знакомый, Тогда-сын-бек. Он тотчас повел его к его прежней юрте, которая стояла на старом месте и была убрана так же, как в первый раз; но теперь она была занята несколькими грязными китайскими солдатами, которые с любопытством осматривали путешественника, громко смеялись, показывая на него пальцами, и ощупывали все его вещи. Когда они ушли, явился секретарь коменданта крепости Су-баши и потребовал паспорт путешественника. Осмотрев его, он, повидимому, остался доволен, принял приглашение на чай и старался быть любезным гостем.

Как велик гарнизон какой-нибудь китайской крепости, узнать обыкновенно очень трудно, так как китайцы любят преувеличивать число своих солдат, надеясь этим внушить спасительный страх соседним киргизам. Вооружение гарнизона Су-баши состоит из полдюжины английских и такого же количества русских ружей из луков и копий. С европейскими ружьями солдаты обращаются небрежно, плохо чистят их, иногда даже просто употребляют вместо палок при переходе через грязь. Хороших лошадей у них наберется с десятка, остальные просто караванные клячи. Учение, стрельба в цель и проч. почти никогда не производятся. Тогда-сын уверял, что весь гарнизон, не исключая коменданта, проводит целые дни в курении опиума, в игре, в еде и пьянстве. Эти пограничные гарнизоны сменяются через определенные сроки новыми из Кашгара, Яркенда и Янги-гиссара; из этих же городов им раза три-четыре в год посылают продовольствие. Киргизы не платят им податей, но обязаны каждый месяц поставлять полдюжины баранов, за которых получают полцены и даже меньше.

„Мало-по-малу я стал питать большую симпатию к киргизам, — говорит Свен Гедин, — Я прожил среди них целых четыре месяца, около меня не было ни одного европейца, но я вовсе не чувствовал себя одиноким,

к сыну в семи поколениях. Когда он не был погружен в собственные мысли, он становился очень разговорчивым и охотно рассказывал все, что помнил о добром старом времени и о своих семейных делах. У него было 7 сыновей, 5 дочерей, 43 внука и 16 правнуков. Почти все они жили вместе, в одном ауле, который летом разбивал свои юрты около озера Каракуля, а зимой — около Басык-куля. Старший сын его, Ошур-бек, очень словоохотливый старик, рассказывал мне, что в течение своей долгой жизни отец его имел четырех жен-киргизок, из которых две девяностолетние старушки были живы до сих пор, и около сотни жен-сартянок, которых он в разное время покупал в Кашгаре и отсылал прочь, когда они ему надоедали.

„Хоат-беку так понравились мои очки, что он стал просить меня подарить их ему. Но они были необходимы мне самому, и я объяснил ему, что раз он жил без них 111 лет, то может и еще немножко прожить. Потом я подарил ему разных материй, шапок и платков. Осенью старик собирался с одним из сыновей сходить в Янги-гиссар, через горный проход, который был всего на 100 метров ниже Монблана. У него в Янги-гиссаре была земля и, кроме того, ему хотелось немного повеселиться перед долгой зимней спячкой.

„Перед нами поставили барана. Киргиз одним взмахом ножа отрубил ему голову и дал течь крови, пока она не остановилась сама собой. Баранья туша должна была служить предметом состязания и наградой победителю. Один из всадников подъехал, перекинул тушу себе через седло и умчался с ней. Через несколько минут показалась толпа всадников, которые неслись к нам бешеным галопом. Трава, покрывавшая равнину, была до-чиста съедена пасшимся здесь скотом, и восемьдесят лошадей били копытами по твердой земле. К оглушительному топоту их примешивались резкие, дикие крики людей и бряцанье стремян. Передний всадник бросил убитого барана к самым ногам моей лошади. Словно орда диких гуннов или ватага свирепых разбой-

ников промчались они мимо нас. Затем, описав широкий круг по равнине, снова вернулись к тому месту, где мы стояли. Тот, перед кем бросают тушу, должен выразить свою признательность за эту честь или устроив дастархан, что обыкновенно делают киргизы, или бросив горсть мелких серебряных монет, что сделал я.

„Едва успели мы отступить на несколько шагов, как дикая ватага снова была около нас. Они набросились на тушу, еще не успевшую остыть, и за обладание ею завязалась ожесточенная борьба, точно это был мешок с золотом. Я ничего не мог различить кроме кучи лошадей и людей, двигавшихся в облаке пыли. Лошади падали, взвивались на дыбы, пятились назад. Крепко держась в седлах, всадники наклонялись до самой земли, стараясь ухватить тушу. Некоторые сваливались на землю и рисковали попасть под копыта лошадей, другие свешивались под брюхо лошади, все хваталось за тушу, дрались и барахтались в общей дикой свалке. Прибывали новые всадники и сразбега врезывались в толпу, как будто хотели раздавить все и всех. Люди кричали, лошади ржали. Пыль стояла столбом. Некоторые уловки считались дозволительными: так, напр., можно было схватить лошадь противника за узду, ударить ее ручкой кнута по морде, чтобы заставить отступить, даже выбить противника из седла. Общее смятение еще увеличилось, когда явилось двое борцов верхом на яках. Попад в свалку, яки тыкали лошадей своими острыми рогами; те металась и лягались. Яки, раздраженные их ударами, стали нападать на них еще более яростно, и игра приняла вид настоящего боя быков. Наконец, одному из киргизов удалось схватить тушу. Он вскинул ее на лошадь, крепко зажал между ногой и седлом и, прорвавшись сквозь толпу, помчался с быстротою ветра, описывая широкий круг по равнине. Вслед за ним полетели остальные. Скоро они исчезли у нас из глаз. Прошла минута, две, три. Снова глухой топот, топот десятков лошадиных ног.

Всадники неслись прямо на нас, не разбирая дороги. Казалось, мы неминуемо будем смяты, — нам некуда было своротить. Но вот, не доезжая нескольких сажен, они, не замедляя шага, круто повернули в сторону. К ногам нашим опять бросили тушу, представлявшую теперь бесформенную массу мяса, и борьба снова началась. Так повторялось несколько раз.

„Я заметил Хоат-беку, что нам, старикам, хорошо быть лишь зрителями и не принимать участия в свалке. Старик засмеялся и сказал, что наверно прошло сто лет с тех пор, как ему было столько же лет, сколько мне теперь; но я рассчитал ему, что он всего только вчетверо старше меня.

„Между тем вид борьбы привел Тогда-сын-бека в такое возбуждение, что он сам бросился в свалку и один раз успел овладеть добычей и отскочить на лошади в сторону. Но так как при этом лицо и нос его оказались в крови и синяках, то он быстро присмирел, стал рядом с нами и удовольствовался ролью спокойного зрителя. Во время игры многие сбросили с себя халаты, некоторые обнажились до пояса. Немногие вышли из борьбы невредимыми, без ран и увечий. У некоторых все лица были залиты кровью, так что они поспешили обмыться у соседнего ручья; немало оказалось и хромых лошадей. Шапки и нагайки валялись по всему полю, и по окончании игры хозяева ходили разыскивать их. По правде сказать, я удивлялся, что дело обошлось без особенно серьезных увечий. Это можно объяснить только тем, что киргизы с самого раннего детства привыкают держаться в седле и становятся замечательно искусными наездниками. По окончании игры почетные гости были приглашены на дастархан в юрту соседнего старшины, где местные музыканты увеселяли нас своею музыкою“.

ГЛАВА VIII.

Озеро Малый Кара-куль. Новый дорожный товарищ. — Ледники. — Попытка восхождения на Мус-таг-ату. — В киргизском ауле. — Снова неудача.

Около месяца провел Свен Гедин на берегах озера Малого Кара-куля и на ледниках Мус-таг-аты. Он кочевал по берегам озера, раскидывая свою палатку то в том, то в другом пункте, и делал подробное исследование местности. Для услуг он нанимал нескольких киргизов, а неизменными спутниками его были Ислам-бай и один четвероногий товарищ. Собака Джолчи потерялась в Кашгаре, но взамен ее явилась другая. Во время пути из Кашгара к долине Сары-кол путешественник встретил нескольких всадников китайцев, за которыми бежала жалкая, заморенная киргизская собака. Увидав караван Гедина, животное решило переменить хозяев: китайцы положительно морили ее голодом, и она, должно быть, захотела испытать, не лучше ли иметь дело с европейцем. Несчастная исхудалая собака со всклоченной, местами вылезшей шерстью имела такой непривлекательный вид, что Гедин хотел сначала прогнать ее, но киргизы вступились за нее. Джолдаш (дорожный товарищ), так стали звать собаку, скоро отъелась, поправилась, повеселела и сделалась превосходным сторожем. Гедин привязался к ней, и она ни на шаг не отставала от него: ночью стерегла его юрту, днем сопровождала его во всех экскурсиях.

Гедин составил точную карту озера, определил геологическое строение его берегов, измерил силу течения и температуру воды рек и речек, вливающих в него из соседних гор. Затем, запасшись здоровыми яками, он отправился в сопровождении двух киргизов исследовать близлежащие ледники Мус-таг-аты. Эта гора изобилует ледниками, спускающимися с нее во все стороны и дающими начало многим рекам и ручьям. Некоторые ледники спускаются почти до самой долины,

другие останавливаются на значительной высоте. Все они лежат в более или менее широких долинах и по обеим сторонам их тянутся иногда довольно высокие морены ¹⁾. Особенно высоки морены, обозначающие конечный предел ледника. Некоторые ледники, очевидно, раньше были гораздо длиннее, так как перед ними лежало несколько гряд конечных морен. Гедин делал экскурсии как по моренам, окаймляющим ледники, так и по самым ледникам, определил во многих местах форму и толщину ледяного покрова и быстроту движения ледников и снял несколько видов с разных сторон горы.

Поднимаясь по ледникам, он все время мечтал о том, как бы взобраться на самую вершину Мус-таг-аты. Погода мало благоприятствовала его планам. С первых чисел августа в горах уже началась зима. Шел то снег, то град, дул пронизывающий северный ветер, вздымавший целые облака снежной пыли. Иногда солнце проглядывало на минуту, но затем небо снова заволакивалось тучами и расстраивало все планы путешественника. Несколько раз у него уже были сделаны все приготовления, яки навьючены, ручной багаж разделен между носильщиками, вдруг поднимался сильный ветер, и приходилось откладывать восхождение, довольствуясь небольшой экскурсией по ледникам.

Наконец, 6 августа, день выдался необыкновенно ясный и тихий; в воздухе не шелохнулось, на небе не было ни облачка, все очертания Мус-таг-аты, от подошвы до вершины, были ясно видны, и самая вершина казалась близехонько. Накануне все приготовления к экспедиции были уже сделаны, приведено несколько новых, свежих яков; седла, палки с желез-

¹⁾ Морены — длинные валы или гряды крупных и мелких камней (валунов), перемешанных с песком и глиною, которые ледник увлекает с собой при своем движении: две такие гряды тянутся обыкновенно по обеим сторонам ледника („боковые морены“) и целый вал, часто прорванный вытекающей из ледника рекою, ледник толкает перед собой („конечная морена“). Если ледник образовался из слияния двух (или больше) ледников, то их боковые морены, сливаясь вместе, образуют гряды, которые тянутся по середине ледника („серединные морены“). Камни, из которых состоят морены („валуны“) — обломки скал, свалившиеся с высот, окружающих ледник. *Прим. ред.*

ными наконечниками, веревки, продовольствие, приборы — все было приготовлено.

Гедин оставил Ислам-бая сторожить лагерь, а сам с 5 киргизами и 7 яками двинулся в путь рано утром.

„Мы отправились, — рассказывает он, — сначала через ледник Ям-булак-баши при свете восходившего солнца, затем дальше по крутизнам в тени скал, пока солнце не поднялось настолько, что стало светить нам прямо в лицо. Мы подвигались вперед довольно быстро и в начале восьмого достигли высоты 4.500 м. Склоны были всюду покрыты камнями и мелкими обломками скал. Гравий лежал на земле таким толстым слоем, что уничтожал всякую растительность. Двое из наших яков уже утомились, и мы принуждены были оставить их. Киргизы поочередно вели большого красивого яка, на котором я ехал и который, повидимому, без всяких усилий пробирался между камнями. В 8 часов мы достигли высоты Монблана, а еще немного выше 4.950 м. — снеговой линии. Вначале снег попадался небольшими клочками между кучами камней, а затем сплошным слоем, среди которого там и сям торчали отдельные куски скал. Снежный слой был покрыт тонкой, твердой корой, на которой кожаные сапоги киргизов не оставляли никакого следа и который хрустел под копытами яков. Чем выше мы поднимались, тем глубже становился снег, хотя настоящих сугробов не было. Он сверкал на солнце тысячью искр, и, хотя у меня были надеты двойные консервы, глаза мои с трудом выносили этот блеск. Киргизы, у которых не было очков, жаловались, что у них все вертится в глазах и временами все предметы представляются черными.

„Нам приходилось все чаще и чаще останавливаться отдыхать. Я пользовался этим, чтобы делать рисунки и разные измерения. Мы шли по краю скалистой стены по правую сторону ледника, так что нам открывался чудный вид на весь ледник, сверкавший внизу. Чем дальше мы шли, тем чище и ослепительнее

становился снег, тем слышнее хрустел он под ногами. Мы подвигались медленно, минуя один уступ за другим и строго следуя за всеми поворотами скалистой стены; при каждом повороте перед нами открывались новые перспективы все таких же скал и уступов. На высоте 5.100 м. трое киргизов оставили своих яков, уверяя, что лучше идти пешком; но, пройдя около сотни сажен, они упали на снег в изнеможении, жалуясь на страшную головную боль, и скоро заснули мертвым сном.

„Я продолжал путь с двумя остальными киргизами и с двумя яками. Киргизы чередовались: один из них постоянно вел моего яка, другой ехал на свободном яке; они тоже жаловались на головную боль и на усталость. Я чувствовал себя недурно, хотя и у меня слегка заболела голова, когда мы поднялись повыше. У меня делалась одышка всякий раз, как я слезал с яка ради каких-нибудь наблюдений. То легкое усилие, какое требовалось, чтобы снова влезть на яка, причиняло мне такое сердцебиение, что у меня захватывало дыхание. С другой стороны, движения яка, которые стали гораздо более медленными, не вызывали у меня неприятных ощущений. Киргизы чувствовали себя хуже, чем я, потому что, несмотря на мои советы, они оставили своих яков и, карабкаясь пешком по крутым уступам, слишком утомились, были не в силах бороться против расслабляющего влияния разреженного, горного воздуха.

„Между тем с юго-запада подул свежий ветер, вздымавший снежную пыль; небо покрылось облаками. Мы все так устали, что решили сделать привал. Достали хлеб, чай и топливо, чтобы развести костер. Но при виде пищи все мы почувствовали такую тошноту, что не в состоянии были проглотить ни кусочка. Нас мучила жажда, и мы с жадностью глотали снег; яки тоже набирали его полный рот.

„Вид, открывшийся нам с этого пункта (6.300 метр.), был необыкновенно величествен. Перед нами тянулся хребет Сары-кол, а дальше за ним виднелись живо-

писные снежные горы Заалайской цепи и Мургаба. Немногие вершины Сары-колского хребта имели, повидимому, более 5.000 м. высоты, но в цепи Мус-таг виднелись на севере несколько вершин, немного уступавших самому „отцу снежных гор“. Вся долина Сары-кол расстилалась, словно географическая карта, под нашими ногами. Озера казались блестящими синевато-зелеными пятнами на сером фоне морен и представлялись нам небольшими лужицами. Ям-булак указывал своим ледяным пальцем на долину, а далеко впереди виднелись полукружия его прежних конечных морен. Вверху виднелись еще четыре уступа скал, а за ними северная вершина горы, казавшаяся нам совсем близко.

„Мы держали военный совет. День клонился к концу, становилось холодно. Киргизы утомились до того, что не в состоянии были двигаться; яки пыхтели, высунув языки. Мы дошли до подножия куполовидной возвышенности, которая постепенно переходила в плоскую макушку вершины; на ее склонах лежали толстые, плотные слои снега, а трещины и оползни указывали на возможность образования лавин. Киргизы предостерегали меня против восхождения по этим крутым снежным склонам: яки своею тяжестью легко могли произвести обвал, и в таком случае мы спустились бы с горы скорее, чем рассчитывали, но в очень жалком виде. Они рассказывали, что с нижней долины часто видны обвалы именно на этой стороне горы. Сверху горы поднимается громадное снежное облако, снег скатывается в комья, перескакивает через пропасти, засыпая их снежной пылью, и докатывается до долины в виде ледяной массы.

„С большим сожалением решился я повернуть назад. Мы пошли вниз по своим собственным следам и скоро достигли более теплых слоев воздуха. По дороге мы подобрали отставших людей и яков, которые спокойно стояли на тех местах, где мы их оставили, и в семь часов вечера достигли своего лагеря. Там ждали нас

несколько человек знакомых киргизов, которые принесли нам съестных припасов.

„Эта экскурсия дала мне возможность хорошо ознакомиться с внешним видом горы и сделать несколько интересных наблюдений; кроме того, она убедила меня, что в один день пути невозможно достигнуть северной вершины Мус-таг-аты. Мы решили в следующий раз разделить экскурсию на два дня, переночевать первую ночь на значительной высоте и на второй день с отдохнувшими яками и самым легким багажом продолжать путь до вершины“.

Прежде чем повторить свою попытку восхождения на гору, Гедин хотел исследовать еще несколько ледников и испытать, не удобнее ли будет подъем с другой стороны. С этою целью он спустился к подножию горы и прошел на запад до ледника Терген-булака. Невдалеке от этого места находился небольшой аул. Старшина аула, бек Тогда-бай явился к путешественнику в гости и рассказал, что его аул состоит всего из четырех юрт и 25 человек, что они круглый год проводят в этой местности, но меняют места кочевья; где поживут месяц, где два. Зимой здесь бывает очень холодно, и овцам трудно находить подножный корм. В снежные зимы массы снега сползают по стенам гор в виде лавин и увлекают за собой камни и обломки скал. Добродушный бек принес в подарок барана и кувшин молока и очень сожалел, что старость мешает ему принять участие в горных экскурсиях путешественника. Он рассказал старую историю о шейхе, который взошел на Мус-таг-ату, нашел там белобородого человека и белого верблюда и принес с вершины большой железный котел, который до сих пор хранится в одном мазаре (могиле) в долине Шинди. Долго просидели они, мирно беседуя, и уже совсем стемнело, когда старик отправился назад в свой аул, заброшенный среди морен.

На следующий день Гедин исследовал ледник Чалтумак; он оказался весь изрезанным правильными продольными и поперечными трещинами, в промежутках

между которыми поднимались целые ледяные пирамиды; камни и гравий, падавшие с морены в трещины, придавали им вид черных полос, и издали ледник походил на шахматную доску.

Возвращаясь с осмотра ледника, путешественник заехал к своему вчерашнему гостю Тогда-баю. Бек созвал всех почетных лиц аула и устроил дастархан. Аул лежал на берегу речки, вытекавшей из ледника, и был окружен лугами, на которых паслись верблюды, яки, лошади и овцы. Когда приехал Гедин, женщины аула были заняты доением скота. Но появление редкого гостя-европейца было слишком важное событие, и они не могли спокойно продолжать своей работы. Беспреданно то одна, то другая забегала под каким-нибудь предлогом в юрту, где сидели мужчины, и с нескрываемым любопытством осматривала чужестранца.

11-го августа решено было предпринять второе восхождение на гору со стороны ледника Чал-тумака.

„Когда мы встали рано утром, чтобы еще раз попытаться взять приступом великана, ночной туман еще окутывал гору, а термометр показывал 4° мороза, — рассказывает путешественник. „По берегам речки и между камнями, возвышавшимися из-под воды, сверкали льдинки, о которые плескались струи воды. Погода была необыкновенно благоприятная для восхождения. Ни одного облачка не виднелось на небе, и легкий ветерок скоро совсем улегся. Мы предполагали добраться до высоты 6.000 м., переночевать там и продолжать путь на следующий день. Поэтому мы взяли с собой маленькую палатку, четыре больших связки терескена, палки с железными наконечниками, веревки, топоры, меховые одежды и продовольствие. Все это было нагружено на девять сильных яков.

— Бисмиллах (с богом)! — раздался возглас шести киргизов, когда все было готово, и мы начали медленно подниматься в гору. Я решил утомлять себя как можно меньше, чтобы сберечь свои силы к следующему дню,

когда начнется настоящее восхождение. Поэтому мой як должен был с самого начала изображать из себя вьючное животное. Один киргиз верхом или пешком тащил его все время за веревку, а другой подгонял сзади палкой. Это было необходимо, так как як часто находил мои замыслы слишком высокими и часто останавливался поразмыслить, к чему может привести это постоянное карабканье вверх. Таким образом, я не тратил сил даже на понуканье яка, — что само по себе очень утомительно, — и мог спокойно сидеть, засунув руки в карманы. Наш маленький караван медленно поднимался зигзагами по склону горы к длинному, плоскому кряжу с левой стороны ледника Чал-тумака, Яки пыхтели и сопели, высунув свои синие языки.

„В час мы достигли высоты 5.200 м. над уровнем моря. Здесь снег лежал тонкими полосами в расщелинах камней, а в широких впадинах и углублениях скопился большими массами. Голый кряж становился все уже и, наконец, исчез под ледяным покровом. Он не обрывался круто, а исчезал постепенно, так что мы легко перешли на лед, покрытый легким слоем снега. Сначала яки немного скользили, но когда снежный покров стал толще, они пошли совершенно твердым шагом. Вдруг раздался оглушительный треск и грохот справа, с другой стороны ледника. Это была лавина, катившаяся вниз. Громадные глыбы голубоватого льда сорвались с вершины и летели вниз, сталкиваясь, разбиваясь о скалы и засыпая мелкою снежною пылью поверхность ледника. В воздухе долго стоял гул, точно от удара близкого грома; эхо много раз повторяло его между отвесными скалами, пока он не замер окончательно и не настала тишина, обычная в этих областях. Перед нами расстилалась ослепительно белая ледяная поверхность. Мы понимали, что ледяная кора выдержит нас; но, все-таки, нам было жутко идти по этому пути, на который до сих пор не ступала нога человеческая, и где нас, быть может, подстерегали неожиданные опасности. Вскоре мы очутились в области, изрезанной

целым лабиринтом трещин, которые в сущности были не широки. Когда яки не могли перешагнуть через них, нам приходилось или сворачивать с прямого пути и делать обход, или переправляться через них по снежным мостам. Киргизы говорили, что ради безопасности всего лучше идти по следам горных коз; мы так и делали,

Бек. Тогда-бай.

но часто случалось, что ледяной мост, сдержавший легкую козу, проваливался под ступнями тяжеловесного яка. Дальше трещины стали шире, и наши животные несколько раз чуть не проваливались в них. Но яки удивительно хорошо умели выпутываться из беды. Когда як, ступив передними ногами на снег, прикрывавший трещину, чувствовал, что ноги его провалились, он старался положить морду на противоположный край трещины и, таким образом, выкарабкивался из ямы. Мало-по-малу снежный покров становился все толще, и якам приходилось пробираться по настоящим сугробам. Мы несколько времени шли по такой волнистой поверхности, как вдруг як, шедший впереди каравана, провалился. Из-под снега виднелись только его задние ноги, рога и связки терескена. Бедное животное провалилось в трещину, которая была совершенно скрыта под снегом, и висело над зияющей пропастью. Он сопел и жалобно мычал, но лежал не шевелясь, и этим доказал, что вполне понимает опасность своего положения. При малейшем движении, он неизбежно провалился бы в трещину. Пришлось сделать долгую остановку. Киргизы обвязали веревками туловище и рога яка и впрягли в эти веревки двух других яков. Затем и животные и люди принялись изо всех сил тянуть веревки, пока не вытащили бедного яка. Мы отправились дальше, но скоро чуть не повторилась та же история; к счастью, як успел во-время остановиться и тем спас себя. Затем провалился один из киргизов и повис на руках. После этого мы решили остановиться и поискать дорогу, так как все ледяное пространство перед нами было усеяно предательскими трещинами.

„Тот ледяной холм, на который мы взошли, оказался весь изрезанным трещинами, пересекавшими друг друга и совершенно преграждавшими нам путь. Хуже всего было то, что мы наткнулись на расщелину, имевшую от 3 до 4 метров ширины, при глубине в 6 метров; на дне ее лежали большие сугробы снега. Мы осторожно подошли к краю ее и увидели, что эта трещина тянулась

на далекое расстояние в обе стороны, точно громадный ров. На север она доходила до ложа Чал-тумацкого ледника, на юго-запад — до подножия одного из самых высоких снежных холмов. Перейти через нее и обойти было одинаково невозможно. Мы остановились и стали совещаться. Наступал вечер, и я снова принужден был отступить; бесполезно было ждать следующего дня и пытаться отыскать другой путь. Очевидно, с этой стороны невозможно было взойти на Мус-таг-ату без особых приспособлений, а у нас не было этих приспособлений. Над нами возвышалась самая высокая часть горной вершины, и по ее крутым склонам сползали вечные льды, частью присоединяясь к ледникам, частью громоздясь на уступах и неровностях почвы в виде настоящих террас, стен, башен и громадных глыб. Взойти на нее было выше человеческих сил, насколько мы могли судить с того места, на котором стояли“.

Г Л А В А IX.

Отшельник. — Новая попытка восхождения на Мус-таг-ату. — 6.300 м.
над уровнем моря. — Бешеная скачка на яках.

Подъем по правой стороне ледника Ям-булака вел по гораздо более проходимым местам, чем подъем со стороны Чал-тумака, и Гедин решил еще раз попытаться идти прежним путем.

Следующий день, воскресенье, был посвящен отдыху. Все спутники Гедина отпросились в гости к Тогда-баю, и он остался в лагере один с своим верным другом Джолдашем.

„Я никогда не чувствовал себя одиноким и никогда не скучал среди этих пустынных ледников, где один день был в общем похож на другой, — говорит путешественник. Впрочем, мне некогда было думать о скуке: у меня постоянно было дела по горло, я мучился одним

только, что лето проходит слишком быстро, и я не успею выполнить всего, что предполагал. Дни казались мне слишком короткими. Встав и одевшись утром, я прежде всего делал метеорологические наблюдения, пока Исламбай приготавливал завтрак. Пища наша была неразнообразна и состояла обыкновенно из шашлыка (кусочки баранины, жареные на вертеле), вареного риса и хлеба, который мы иногда доставали от киргизов, иногда пекли сами; все это запивалось большим количеством чаю. Шашлык мне скоро до того надоел, что я не мог глядеть на него, и я питался исключительно хлебом и рисом. Иногда я открывал коробочку с консервами, но запас их был у меня не велик, а путь предстоял длинный, и мне приходилось экономить этими деликатесами. Хорошо, что рис и чай не надоедали мне и что эта простая диета не расстраивала моего здоровья. К чаю у нас всегда было вдоволь якового молока и сливок, — на этот продукт не приходилось скупиться. В Ташкенте я сделал себе обильный запас табаку и, признаюсь, чувствовал бы себя очень плохо, если бы во время странствований по ледникам со мной не было моей трубки.

„Когда погода заставляла нас сидеть дома, у меня всегда было достаточно работы; я чертил карты, делал рисунки, приводил в порядок свои заметки и проч. Внутри моя юрта имела очень уютный вид. Посреди горел прямо на земле небольшой костер из терескена и якового помета; остальная часть пола была устлана войлоками. Против входа стояла моя постель. Багаж был разложен около стен. Я ел только два раза в день; вечером подавались те же кушанья, что и утром. Улегшись в постель, я обыкновенно читал, но недолго: скоро сон овладевал мною, и я засыпал как сурок, не обращая внимания на завыванье ветра вокруг юрты и на вой Джолдаша, почуявшего волков“.

После этого Гедин посвятил два дня на исследование еще трех ледников Мус-таг-аты. Особенно трудно было пробираться вдоль ледника Терген-булака. В леднике

происходило сильное движение, беспрестанно слышался треск и грохот. Большие глыбы льда с оглушительным шумом падали в расщелины. По всем направлениям появлялись новые трещины: быстрые ручейки сбегали между льдов и боковой мореной. Эта морена имела около 400 м. ширины в нижней части ледника и представлялась сначала удивительно гладкой и удобной для перехода. Но мало-по-малу гряда камней и глыб поднялась высоко над поверхностью ледника; там же, где камни лежали тонким слоем, между ними высовывались тонкие ледяные иглы и зубцы.

„Мы прямо запутались в этом лабиринте моренных кряжей, ледяных пирамид и ущелий, — рассказывает Гедин. — Перейдя морену, мы должны были еще пересечь самый ледник. Между тем настали сумерки. Дорога была такая тяжелая, что мы предпочли спешиться и на собственных ногах перепрыгивать через трещины и ручьи. Киргизы гнали яков перед собой, и те с удивительною ловкостью карабкались по крутым ледяным уступам в метр и более вышины. Внизу, у края ледника, нам пришлось пересечь целый ряд старых конечных морен, возвышавшихся, словно крепостные валы, и прорезанных рекой. Было так темно, что я должен был идти по пятам за одним из киргизов, чтобы видеть, куда ступать. Другой киргиз погонял яков, третий разыскивал яка, который отстал от нас и заблудился на моренах. После многих усилий и долгого блуждания нам удалось, наконец, добраться до своего лагеря“.

На следующий день путешественник перенес свой лагерь к месту прежней стоянки около ледника Ям-булака и 16 августа сделал новую попытку взобраться на вершину Мус-таг-аты. Он взял с собой все нужное для двухдневной экскурсии, десять яков, шестерых киргизов, не считая Ислам-бая, и отправился той самой дорогой, которой поднимался 6 августа. Достигнув снеговой линии, караван пошел по своим старым следам, по окраине правой стороны ледника. В эти десять дней снегу в горах не выпадало, и тропа была ясно видна.

На ночлег остановились в том месте, до которого дошли в предыдущую экскурсию. Яков привязали к глыбам сланца, киргизы расчистили насколько возможно место для юрты, и так как площадка была покатая, то и юрту тоже привязали к большим камням. Юрта была очень маленькая, в ней хватало места для спанья только на троих, дымового отверстия не было. Ветер обдавал ее облаками крутящейся снежной пыли, которая набивалась во все щели и отверстия. Для защиты от нее киргизы обнесли юрту валом из снега.

„Сначала все шло хорошо, — пишет Гедин. — Мы развели большой костер из терескена и якового помета; огонь отлично согрел нас, и наши окоченевшие члены отошли. Но, к сожалению, юрта скоро наполнилась удушающим дымом, который ел нам глаза и очень медленно выходил сквозь входное отверстие. Снег внутри юрты, правда, растаял, но когда огонь стал потухать, он превратился в ледяную кору. Киргизы начали жаловаться на головную боль; двое из них чувствовали себя настолько дурно, что попросили позволения вернуться назад, и я охотно отпустил их, так как они, очевидно, не в состоянии были выносить дальнейших трудов. С приближением ночи, у всех нас появились другие болезненные признаки; постоянный звон в ушах, глухота, ускоренный пульс, понижение температуры тела и бессонница, — вероятно, вследствие головной боли, ставшей к утру невыносимой. Кроме того, все мы страдали припадками удушья. Киргизы стонали всю ночь. Тулупы казались нам страшно тяжелыми; лежащее положение усиливало задыхание; я чувствовал, как сильно бьется у меня сердце. Чаю никто не захотел пить. Когда нас охватил ночной мрак, киргизы пришли в полное уныние; в сущности, они ведь не больше моего привыкли проводить ночь на высоте в 6.300 м. над уровнем моря.

„И все-таки более величественного места стоянки у меня не бывало никогда в жизни; на снежном склоне высочайшей в свете горы, у подножья которой лежали

Ледник Терген - булак с юга.

ледниковые поля, закутанные покрывалом ночи, потоки и озера на окраине одного из самых громадных ледников. Стоило сделать несколько шагов на юг, и мы слетели бы с высоты 400 метров на синюю ледяную поверхность, сверкавшую внизу. Я ожидал особенно живописного заката солнца, но в этот день он не представил ничего необыкновенного. Солнце село в тучи, озаренные ярко-желтым сиянием, которое горело долго после заката; на этом фоне горы Памира выступали резкими очертаниями. Долина Сары-кол давно была окутана ночным мраком, когда последние лучи светила еще сияли на вершине Мус-таг-аты. Но вот и наш лагерь погрузился в темноту. Вершина горы горела еще с минуту, словно огненный кратер вулкана, затем дневной свет окончательно исчез.

Ночью я вышел из юрты, чтобы полюбоваться луной. Она сияла таким ослепительным блеском, что на нее едва можно было глядеть. Тихо и величественно поднялась она над высокими темными скалами противоположной стороны ледника. Самый ледник лежал в тени, на дне глубокой ложбины. Повременам слышался глухой треск от образования новой трещины или грохот лавины, оторвавшейся от ледяного покрова. Луна, не скупясь, лила свой свет на наш лагерь и создавала чисто фантастические картины. Черные силуэты яков резкими чертами рисовались на фоне белого снега; они стояли с опущенными головами, неподвижные, безмолвные как те камни, к которым были привязаны. Трое киргизов, которым не хватило места в юрте, развели костер между двумя камнями, а когда он потух, завернулись в тулупы, сели на корточки и уткнулись головами в землю, напоминая каких-то огромных летучих мышей зимой. Наша юрта представлялась сидящею фигурою сказочного великана. От юрты и яков длинные, узкие, необыкновенно темные тени поднимались по северо-западному склону горы, составляя резкий контраст с блестящими снежными полянами, на которых мириады мелких ледяных кристаллов сверкали, точно огненные

мухи. В той стороне, откуда светила луна, картина была очень хороша. Я стоял как очарованный и не мог вдоволь налюбоваться ею! Никакое перо, никакая кисть не в состоянии изобразить ее. Тут голубоватый ледник тянулся между высокими черными утесами, там вздымалась высоко над землей пятиглавая гора-великан. Скалистая стена прямо предо мною была окутана, мраком, а налево, несколько повыше, верхняя часть ледника была залита лунным светом. По темному юго-восточному хребту носились белые фигуры, пробегаая в грациозной пляске над пропастями, по ледяным полям самой северной вершины „отца снежных гор“. Эти легкие облачка, гонимые южным ветром, группировались в кольца, в сияющие венцы и блестели всеми цветами радуги. Кругом мертвая тишина, ни один звук не пробуждает эха в скалах. Редкий воздух не шелохнется; нужен обвал лавины, чтобы привести его в движение...

„Я вошел в юрту. Ислам-бай и Иехим-бай молча сидели, закутавшись в свои тулупы, около самого тлеющего костра. Мы все трое стучали зубами от холода; а когда вздумали опять развести огонь, палатка наполнилась едким дымом. Когда вечерние наблюдения были закончены, мы все закутались в свои тулупы и войлоки; огонь потух, и только луна с любопытством заглядывала во все щели юрты.

„Казалось, конца не будет этой длинной томительной ночи. Как мы ни ежились, прижимая колени к самому подбородку, теплота нашего тела не могла побороть холода, проникавшего извне; он становился особенно чувствительным еще потому, что юго-западный ветер усиливался с часу на час. Никто из нас не мог заснуть ни на минуту; под утро я слегка задремал, но скоро проснулся от недостатка воздуха. Киргизы стонали и охали, точно под пыткой: их мучил не столько холод, сколько страшная головная боль.

„Наконец взошло солнце; но новый день принес нам мало утешения. Юго-западный ветер, почти ура-

ган, носился вокруг склонов горы и осыпал нас тучами мелкой снежной пыли. Киргизы, ночевавшие на открытом воздухе, окоченели от холода и еле дотащились до юрты, где был разведен хороший огонь. Мы все чувствовали себя прескверно. Никто не говорил ни слова; никто ничего не мог есть, и, когда чай был заварен, у меня еле хватило силы поднести его к губам. Яки стояли на том же месте, где мы их оставили накануне, неподвижные, словно статуи. Вершина горы была закутана непроницаемым покровом снежных вихрей. Продолжать восхождение в этот день по льду, по всей вероятности, усеянному трещинами, среди страшного бурана — значило итти на верную гибель. Я сразу увидел, что на этот раз мне невозможно побороть горного великана, но, чтобы испытать своих киргизов, я велел им готовиться в путь. Ни один не сделал ни малейшего возражения. Все встали и тотчас же начали укладывать багаж. Но они не скрывали удовольствия, когда я отменил свое приказание.

„Мы все теснились в юрте, где были хоть сколько-нибудь защищены от ветра, проникавшего сквозь тулупы, войлоки и меховые сапоги. Я надеялся, что к полудню ветер стихнет, и нам можно будет продолжать путь. Но, напротив, буря разыгрывалась все сильнее, и в 12 часов стало очевидно, что день для нас пропал. Я велел трем киргизам собирать юрту и навьючивать яков; а мы с Ислам-баем и Иехим-баем, закутавшись как можно теплее, уселись на яков и пустились вниз по снежным сугробам. Яки во всю прыть неслись по крутизнам, ныряли в снег, словно выдры, и, несмотря на свою неуклюжесть и тяжеловесность, ни разу не споткнулись, не поскользнулись. Сидеть в седле было все равно, что ехать по бушующему морю в маленькой валкой лодке. Потерять равновесие и разбиться вдребезги ничего не стоило. Часто мне приходилось откидываться назад и почти касаться спиной спины яка, балансируя в такт его неожиданным, но всегда ловким и целесообразным движениям.

„Как приятно было выбраться, наконец, из вихрей слепившего глаза снега и увидеть внизу наш лагерь! Мы пообедали, напились чаю и скоро все заснули сном праведных. Но весь следующий день мы чувствовали слабость, точно после тяжелой болезни.

„Так неудачно кончились мои попытки взобраться на вершину Мус-таг-аты“!

Г Л А В А X.

Тайком через границу. — Снова на Памирском посту. — Самодельная лодка. — Мирная жизнь дикарей.

Выезжая из Кашгара в июне, Гедин предполагал провести не больше двух месяцев в окрестностях Мус-таг-аты, но он плохо рассчитал время; через два месяца он увидел, что работы его еще далеко не кончены, а между тем продовольственные запасы его приходили к концу. Чтобы пополнить их, ему надобно было съездить на Памирский пост. Но, еще живя на берегах Кара-куля, он слышал, что китайцы очень подозрительно относятся к его исследованиям и подсылают шпионов следить за всеми его движениями. Если бы он отправился в русские владения, это убедило бы их, что он человек опасный, и они, быть может, помешали бы ему продолжать путешествие; поэтому он решил переехать границу тайком, ночью, через горный проход, около которого не было китайского караула, и вернуться таким же путем. Гедин оставил свои вещи и научные коллекции на сохранение Иехим-бая, а сам с Исламбаем и двумя киргизами отправился в путь.

„Мы готовились к отъезду в юрте Иехим-бая, — рассказывает Гедин. — Мы уложили разные необходимые вещи и припасы для трехдневного путешествия, так как нам предстояло ехать по совершенно необитаемой стране, и уселись вокруг огня, мирно беседуя, распивая

чай с яковыми сливками и закусывая бараниной. Но как только взошла луна, мы навьючили своих лошадей и, закутавшись хорошенько, так как дул сильный ветер, отправились гуськом между старыми моренами Мустаг-аты. Часа через два-три мы были в долине Сарыкол. Отсюда дорога шла вверх, через долину Мускуран к перевалу того же имени, находящемуся в Сарыкольском хребте. В этой-то долине Мускуран и находилось самое опасное для нас место: китайский сторожевой пост, охранявший русско-китайскую границу. Мы проехали мимо него в гробовом молчании, тихим шагом и так близко от караула, что зоркие киргизы видели его юрты. Но никто нас не окликнул, даже собаки не залаяли, хотя Джолдаш был с нами. Киргизы сильно трусили и успокоились только, когда оставили пост далеко за собой! Они знали, что, попадись они, и им не миновать китайских палок. Не могу не сказать нескольких слов о моем верном товарище Джолдаше. Он был со мной и во время этого путешествия по Памиру. Безропотно делал он все самые трудные переходы, ночью бдительно охранял наш бивуак и всегда был неизменно весел. Когда мы подходили к какому-нибудь аулу, он стрелой мчался вперед и непременно заводил драку с местными собаками. Хотя он был очень ловок и решителен, но ему почти всегда приходилось терпеть поражение. Несмотря на это, он никогда не обнаруживал ни малейшего страха даже перед неприятелем, в десять раз превосходившим его числом. Во время нашего путешествия на Памирский пост он стер себе кожу на задних лапах. Тогда киргизы сшили ему кожаные сапоги, в которых он стал похож на кота в сапогах. Нельзя было без смеха смотреть, с какою осторожностью он пробовал ходить в этой странной обуви. Сначала он ступал только на передние лапы и весьма неграциозно тащился, присев на задние; затем он попробовал бежать на трех ногах, приподнимая одну из задних поочередно; но в конце-концов он-таки понял, что сапоги вещь полезная и защищают его задние лапы от новых ран“.

Через два дня путники без всяких приключений достигли Памирского поста. Там Гедин нашел своих старых знакомых и новых офицеров, недавно приехавших из России. В их обществе он провел несколько приятных дней, но долго заживаться не стал: наступала осень, а многое из программы, намеченной им себе, не было выполнено. Он сделал небольшую экскурсию в юго-восточный Памир, исследовал озеро Яшиль-куль и снова вернулся в форт. Тут до него дошли слухи, будто бек Тогдасын получил 300 палочных ударов за то, что не донес Джан-дарину о его переходе через границу, и лежит при смерти. Он поспешил распространиться со своими русскими друзьями и, снова тайно перебравшись через китайскую границу, благополучно достиг западного склона Мус-таг-аты. Оказалось, что слух относительно Тогдасын-бека был неверен. Старик был здоров, весел и сам приехал в гости к путешественнику. Правда, китайцы встревожились внезапным исчезновением Гедина и делали разведки. Тогда Иехим-бай, боясь, чтобы они не отыскиали хранившиеся у него вещи, спрятал их под большим камнем в конечной морене одного из ледников, предварительно окутав все сундуки войлоками, чтобы предохранить их от сырости. Гедин нашел все в полном порядке и исправности.

Между тем зима быстро приближалась. Весь Сарыкольский хребет был покрыт тонкой белой пеленой, реки сузились и превратились в чуть заметные ручейки, вся природа точно готовилась к долгому зимнему сну. Делать новые попытки взобраться на Мус-таг-ату было немыслимо.

Гедин исследовал еще несколько ледников и хотел обойти вокруг всей подошвы горы, но и это оказалось невозможным, так как восточные склоны, представляющие целый хаос крутых, зубчатых гребней, непроходимы даже для пешеходов. Оставалось одно — обогнуть горную группу по старому пути через Улуграбат и вернуться к Кара-кулю. Путешественник

с удовольствием отдыхал на берегу этого красивого зеленовато-синего озера, в кругу своих друзей-киргизов. На этот раз ему хотелось сделать в нескольких местах промеры глубины озера. Для этого необходимо было выехать на середину его в лодке. Оказалось, что киргизы не имеют ни малейшего понятия ни о каких судах. Материала для постройки лодки тоже негде было взять: во всей долине Сары-кол растут всего шесть тощих березок около одной почитаемой могилы и взять их было нельзя. Гедин решил употребить в дело выгнутые жерди, из которых делают остовы юрт, и шкуры животных. Он сделал из палочек и просмоленного холста небольшую модель лодочки с парусом, рулем и килем; лодочка эта, к великому удивлению киргизов, отлично держалась на воде. Но все-таки Тогдасын уверял, что если ее сделать в больших размерах, она непременно потонет, и советовал подождать с измерениями, пока озеро замерзнет, т.-е. недель шесть. Этот срок казался нашему путешественнику слишком долгим, и он предпочел немедленно приняться за постройку судна. Гибкие жерди он связывал и переплетал крепкими бичевками; таким образом, получился остов лодки, имевший около сажени в длину и полсажени в ширину. Этот остов обтянули шкурами, поставили мачту с красным парусом, а чтобы лодка — своими кривыми боками сильно напоминавшая поломанную коробку из-под сардинок — не вздумала погрузиться на дно, к бортам и корме ее привязали козьи турсуки ¹⁾. Весла устроили тоже из жердей, расщепленных на одном конце в виде вил, между зубьями которых была натянута кожа. Рулем служила лопата, укрепленная на корме. В день спуска судна съехались и ближние и дальние киргизы, а за камнями притаилось с десяток киргизок в белых головных уборах. Тогдасын внимательно осматривал неуклюжее сооружение. „Так вот

¹⁾ Мешки из шкуры животного, надуваемые воздухом и употребляемые для плавания через бурные горные реки.

какие бывают лодки!“ — казалось говорила его гримаса. — „Довольно некрасивая штука!“ Но он имел деликатность не высказывать словами своего нелестного мнения о судне.

Киргизы следили, затаив дыхание, за всеми движениями лодки, спущенной на воду, и не мало дивились храбрости Гедина, который влез в нее и, несмотря на довольно сильный ветер, прокатился по озеру. Тогдасын увлекся до того, что согласился даже сам сесть в лодку и принять участие во втором пробном рейсе. Вообще это событие произвело сильное впечатление на простодушных кочевников, и слух о нем быстро распространился по всему восточному Памиру. Впоследствии на обратном пути, далеко от Кара-куля, в киргизских аулах, где приходилось останавливаться Гедину, его не раз спрашивали:

— Правда ли, что один чужестранец, у которого были крылья, взлетал на Мус-таг-ату и летал через озеро?

Кроме некрасивого вида, лодка имела и другие недостатки. Так, она соглашалась идти не иначе, как с попутным ветром; если же ее заставляли плыть против ветра, она преспокойно поворачивала назад. Так как во время пребывания Гедина на берегу озера почти постоянно дул южный ветер, то приходилось лодку перетаскивать на южный берег и уже оттуда начинать плавание.

„Первый раз мы попробовали применить этот способ 4-го октября, — рассказывает Гедин. — Было довольно тихо, хотя холодно, так что я надел тулуп. Только-что мы отъехали на несколько сажен от берега, как налетел шквал и развел сильное волнение. Мы спустили парус и крепко держались за борта, так как лодка прыгала, словно взбесившаяся лошадь. Наше положение было прямо критическое: лодка быстро подвигалась к середине озера, а оттуда было далеко до обоих берегов. Я правил рулем, как вдруг корма нырнула, — вода наполнила лодку до половины и вымочила нас. Турсук,

поддерживавший корму, оторвался и плавал около лодки сам по себе. Волна за волной налетали на нас, хотя я и старался рассекать их своим веслом, между тем как киргиз Магомет усердно вычерпывал воду. Наше положение было действительно серьезно, особенно когда оба турсука, висевшие слева, начали сжиматься: воздух со свистом выходил из них, и лодка сильно накренилась на левый бок. Волны со всех сторон лезли на нас, словно какие-то бешеные морские чудовища с растрепанными волосами. Я очень боялся, что турсуки оторвутся от лодки или что весь воздух выйдет из них прежде, чем мы достигнем берега, и мысленно рассчитывал, смогу ли я добраться до него вплавь. К довершению неприятности, у Магомета появилась морская болезнь. Он был бледен, — нельзя сказать, как полотно: он был слишком для того желт, — и сильно мучился. Бедняга никогда раньше не ездил по воде и не слышал ни о какой морской болезни. Он был твердо уверен, что пришел его последний час.

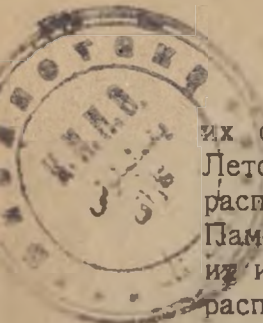
„Киргизы конные и пешие собрались на берегу и ждали каждую минуту, что лодка потонет. К счастью, нам удалось продержаться с ней до мели, и мы благополучно выбрались на берег, хотя промокли до костей. Мы поспешили в свой лагерь и развели большой костер, около которого и высушились“.

Несмотря на существенные недостатки лодки, она все-таки оказала большую услугу путешественнику. Когда не было сильного ветра, она весьма прилично исполняла свою роль, и, благодаря ей, он сделал в разных пунктах 103 измерения, так что составил себе полное понятие о глубине Малого Кара-куля. Самая большая глубина—24 м. находится в южной части озера; в средней части она колеблется между 15 и 20 метрами.

Делая наблюдения окружающей природы, Гедин в то же время знакомился и с жизнью местных обитателей. Киргизы в общем казались ему очень симпатичным народом. Главное занятие их — скотоводство, и переход

На Малом Кара-куле.

их с места на место обуславливается именно этим. Лето они проводят в „яйлаках“ (горных пастбищах), расположенных на высоких склонах Мус-таг-аты и Памирских гор; зимой, когда холод и снег прогоняют их из горных местностей, они спускаются в кышлаки, расположенные в долинах. Жители каждого аула принадлежат обыкновенно к одному роду и постоянно останавливаются в одних и тех же яйлаках и кышлаках. Другой аул не имеет права, без предварительного соглашения, пользоваться пастбищами, уже занятыми раньше.

Когда в киргизской семье рождается ребенок, все родственники приходят с поздравлениями. Зарезывают барана, устраивают угощение, произносят известные молитвы. На третий день ребенку дают имя: мулла заимствует его из книги, где для каждого дня есть соответствующее имя. К этому прибавляется слово оглы (сын) и имя отца ребенка, например, Кенче-Сатовалды-оглы.

Когда молодой киргиз захочет жениться, родители выбирают ему подходящую жену, и он обязан взять ее; если же невесте не понравится жених, она может отказаться от него. Если у молодого человека нет родителей, он сам себе выбирает жену, но во всяком случае обязан выплатить калым (выкуп) ее родителям. Богатые киргизы платят иногда за невесту 9—10 тысяч рублей (до-военных), бедные — пару лошадей или яков. Поэтому родители всегда стараются найти для своей дочери богатого жениха; а родители жениха, напротив, ищут ему бедную, некрасивую невесту, за которую не требуют большого калыма. Свадьбу назначают только тогда, когда калым выплачен весь сполна. Тогда строят новую юрту и сзывают гостей. Все надевают свои самые дорогие халаты, невесту одевают как можно наряднее. Гостям подают дастархан из баранины, риса и чая; мулла читает молитвы и объясняет жениху и невесте, как они должны относиться друг к другу. Устраивается байга. Если жених из другого аула,

свадьбу играют в ауле невесты, и затем все гости провожают новобрачных до их нового жилища.

Когда киргиз умирает, тело его моют, одевают в чистое белое платье, заворачивают в холст и в войлок и как можно скорее относят на кладбище. Яму роют в метр глубиной, от нее вырывают боковое отверстие и в него всовывают тело. Затем яму засыпают землей и заваливают камнем; а если покойник был человек богатый, над могилой его ставят памятник в виде купола на четырехугольной подставе.

Имущество киргизской семьи обыкновенно невелико. При перекочевках для перевозки его достаточно двух или трех яков. Самую громоздкую часть является юрта с ее деревянными жердями и толстыми войлоками, седла, упряжь и ковры. Затем идет хозяйственная утварь, главную принадлежность которой составляют „казан“ — большой железный котел, фарфоровые чашки, плоские деревянные блюда, железные или медные кувшины с ручками и крышками. В зажиточных семьях встречаются кроме того: ткацкий станок, корыто, сито, топоры, мешки для зерна и муки, гитара, скрипка, треножник для котла и проч. Большинство этих вещей покупаются в Кашгаре, Янги-гиссаре и Яркенде, хотя в долине Сары-кол есть свои местные кузнецы и столяры.

В каждой юрте есть особое отгороженное место, в котором хранятся молочные продукты и другие съестные припасы. Любимый напиток киргизов: „айран“ — кипяченое молоко с водой, которому дают закиснуть; это очень приятное, освежающее питье. Киргизы питаются, главным образом, яковым молоком и бараниной. Раз или два в неделю зарезывают барана, и все население аула наедается вплотную. Все собираются в юрту вокруг огня, над которым варится в котле мясо. Затем куски его разделяются между присутствующими. Каждый берет свой нож и срезает с своей порции куски, пока не дойдет до кости; кость разбивают и выедают из нее мозг, который считается большим лакомством. Перед пищей и после нее все моют руки.

Самые тяжелые работы исполняют у киргизов женщины. Они ставят и снимают юрты, ткнут ковры и ленты, вяжут веревки, сучат нитки, доят яков и коз, ходят за овцами, нянчатся с детьми, ведут все хозяйство. Мужчины почти ничего не делают, разве пригонят яков

Киргизская женщина.

с нагорного пастбища. Они часто ездят к соседям покупать, продавать или выменивать скот; а зимой обыкновенно сидят по целым дням в юрте около огня и занимаются разговорами.

Мирно и однообразно течет жизнь киргиза день за днем, год за годом. Понятно, какой интерес возбудило появление чужестранца-европейца в их среде! Они с любопытством присматривались к нему и ко всему, что он делал. Им было совершенно непонятно, для чего он лазает по ледникам, что-то рисует, отламывает куски камней от скал и прячет их в ящики; для них все окружающее представлялось совершенно простым и нисколько не интересным. Их сведения о внешнем мире крайне скудны. Они знают только ту местность, в которой живут, но ее зато знают вполне хорошо. Знают также дороги через Памир и в главные города западной части восточного Туркестана. Но все, что лежит за этими пределами, им неизвестно. О существовании России, Англии, Китая, Персии, Кашмира, Тибета, Индостана, Большого Кара-куля, Лоб-нора и Пекина они знают только по смутным слухам. От странствующих купцов или из ближних городов до них доходят иногда вести о шумном свете; но они мало интересуются ими, так как это не имеет отношения к их собственным делам. Для них земля есть плоскость, окруженная морем, и солнце каждый день обходит вокруг нее. На все рассказы о движении земли они отвечают с невозмутимою уверенностью, что во всяком случае то место, на котором они живут, стоит неподвижно и никогда не двигалось от сотворения мира.

„Не знаю, чувствовали ли киргизы сожаление, прощаясь со мной,—замечает Гедин.—Они живут среди такой холодной, скупой, скудной природы, что и сердца их стали суровы, малоотзывчивы, неспособны к нежным чувствам. Но при отъезде меня провожали дружескими восклицаниями и пожеланиями. Целая толпа долго стояла на берегу Малого Кара-куля и следила удивленными глазами за моим караваном“

ном; вероятно, многие из них задавались вопросами: „Откуда он явился и куда едет? Что ему здесь было нужно?“

9 октября Гедин оставил берега Малого Кара-куля, а 19-го сидел в своей прежней комнате в доме консула Петровского, в Кашгаре.

Г Л А В А XI.

На восток в арбе. — Первые сведения о пустыне. — Заколдованная страна. —
Могила святого. — Приготовления к путешествию. — Выступление каравана.

В Кашгаре Гедин пробыл всю зиму. В обществе европейцев он вполне отдохнул от всех понесенных трудностей и в то же время приготовился к новой экскурсии. На этот раз он решил отправиться на восток от Кашгара и 17 февраля 1895 г. двинулся в путь с своим неизменным спутником Ислам-баем, с миссионером Иоганном и киргизом Хашим-ахуном. Они поехали в двух арбах (больших крытых телегах) на высоких колесах, окованных железом. Арбы были сверх соломенной крыши прикрыты еще войлоками, в защиту от пыли. Внутри положены были тоже войлоки-подушки, так что сидеть было удобно, хотя по худой дороге экипаж качало точно лодку в бурю. Каждую арбу тащила четверка лошадей; одна лошадь была впряжена в оглобли, а три другие бежали впереди на длинных постромках; возница, с длинным кнутом в руках, то присаживался на облучок, то шел рядом с экипажем. Сзади привязаны были две собаки: Джолдаш и еще новая, приобретенная Гедином в Кашгаре, Хамра. С грохотом и скрипом тащились арбы по большой дороге, поднимая целые облака пыли. Тракт этот очень бойкий, и потому путешественникам непрерывно попадались то пешие, то конные путники, то большие караваны ослов, перевозящих между Кашгаром и городом

Ак-су (свыше 550 километров) хлопок, чай, ковры, кожи и проч.

Дорога разделена на перегоны, километров по 30 в каждом. Арба делает в день не больше одного перегона. На станциях можно найти удобное помещение для ночлега, молоко, яйца, хлеб. По дороге попадаетесь несколько местечек; наиболее значительный пункт представляет город Фейзабад (Обитель благодати). Гедин проезжал его в базарный день, и узкие улицы кишели пестрой, суетливой толпой. Сюда стекаются жители окрестных селений, чтобы запастись на целую неделю всем необходимым в хозяйстве. На длинной базарной улице стоял шум и гам, покупатели с бранью проталкивались сквозь толпу, продавцы громко выкрикивали свои товары. Среди халатов местных жителей — сартов и киргизов — мелькали женщины в больших белых головных уборах и в белых покрывалах, китайцы в синих кафтанах, ослы, навьюченные товарами.

Дорога шла большею частью серовато-желтой равниной, покрытой толстым слоем сухой, мелкой пыли, которая поднималась столбом от малейшего дуновения ветерка. Пыль проникала всюду, даже сквозь войлок, покрывала все, что лежало в арбах, и собиралась густым слоем на их крышах. Колеса арб тонули в ней, точно в мягкой перине, и с трудом могли поворачиваться. Бедные лошади выбивались из сил до того, что с них буквально капал пот. Пыль покрывала их и окрасила всех в одинаковый грязно-серый цвет. Местами по дороге попадались заросли тамариска и других кустарников; несколько верст пришлось даже проехать довольно густым лесом, где водятся тигры, волки, лисицы, олени и антилопы.

Через 6 дней путешественники миновали китайскую крепость Марал-баши, обнесенную зубчатою стеною из кирпича, с башенками по углам, и остановились в маленьком городке того же имени. На следующее утро к ним явился китайский чиновник и четыре бека приветствовать их от имени амбая (начальника города). Они были учтивы, разговорчивы и нашли, что план Гедина перейти

через пустыню Такла-Макан удобоисполним. Они рассказывали, что когда-то, в древние времена, существовал большой город по имени Такла-Макан в пустыне, на полдороге между Яркенд-Дарьей и Хотан-Дарьей, но он давно занесен песком. Вообще внутренняя часть пустыни находится под властью „телесмата“ (арабское слово, означающее колдовство, сверхъестественную силу); там есть и башни, и стены, и дома, и целые кучи золотых и серебряных монет. Но если человек найдет их и вздумает нагрузить деньгами своего верблюда, он никогда не выйдет из пустыни: духи не выпустят его. Необходимо как можно скорее побросать все золото, и тогда можно еще кое-как спастись. Беки находили, что, имея с собой достаточное количество воды и следуя вдоль хребта Мазар-тага, можно перерезать пустыню, но ни в каком случае не на лошадях. Им не выдержать пути.

Из Марал-баши Гедин в сопровождении одного только проводника и Ислам-бая сделал небольшую экскурсию в горы Мазар-таг, на склонах которых он нашел несколько „мазаров“, могил святых, на поклонение которых собирались окрестные жители, и несколько развалин каких-то очень древних крепостей. Везде, где он заговаривал о путешествии через пустыню, ему приходилось выслушивать разные фантастические рассказы о ней. Один старик сообщил ему, что в молодости знал человека, который по дороге из Хотана в Ак-су заблудился в пустыне и набрел на какой-то древний город, где нашел в домах бесчисленное множество китайских башмаков; как только он дотронулся до них, они превратились в прах. Другой человек тоже случайно набрел в пустыне на город, среди развалин которого вырыл массу золотых и серебряных монет. Он набил ими карманы и целый мешок. Но только он двинулся в путь со своей добычей, как на него напала стая диких кошек и напугала его до того, он все побросал и пустился бежать. Через несколько времени он пришел в себя и захотел еще раз попробовать счастья, но

никак не мог найти места, где лежали деньги. Песок снова поглотил таинственный город. Один хотанский мулла оказался счастливее. Он наделал много долгов и ушел в пустыню, чтобы умереть. Но вместо этого он нашел там клад и стал богатым человеком. Много людей ходят в пустыню с надеждой разбогатеть и не возвращаются оттуда. Старик с полным убеждением объяснял, что, прежде чем искать скрытые сокровища, необходимо прогнать злых духов заклинаниями. Иначе они околдовывают путников, путают их разум. Несчастные, сами не понимая, что делают, бродят кругом по своим собственным следам, падают от усталости и, наконец, умирают от жажды.

„Я, как любопытный ребенок, заслушивался всех этих баснословных рассказов, — говорит Гедин. — Они придавали еще большую привлекательность той экспедиции, какую я намеревался предпринять. Я не думал ни о каких опасностях, — духи пустыни уже заколдовали меня. Даже песчаные бури, — этот страшный бич Центральной Азии, — берущие свое начало в этой раскаленной степи, даже они представлялись мне чем-то красивым, очаровательным. Там, на краю горизонта, виднелись закругленные формы песчаных холмов, которыми я не уставал любоваться; а за ними тянулась безмолвная, неизвестная, заколдованная страна, о существовании которой не упоминается ни в каких источниках, которой до сих пор не касалась нога путешественника!“

Чтобы сделать все необходимые приготовления к путешествию, Гедин переехал в Лайлык — селение, лежащее на пути к пустыне и граничащее с Яркендским округом. Он отпустил своих возниц с арбами, киргиза Магомет-Якуба послал в Кашгар купить 8 верблюдов, а Ислам-бая отправил в Яркенд закупить разные необходимые предметы: железные сосуды для воды, хлеб, рис, веревки, разные инструменты, а кроме того кунжутного масла и кунжутных выжимок. Выжимки и масло идут в пищу верблюдам. Верблюд может

целый месяц питаться исключительно этим маслом без всякой другой пищи.

Так как посланный в Кашгар не мог вернуться раньше как через 10 дней, то Гедин решил воспользоваться этим временем, чтобы посетить могилу Урдан-Падишаха, находящуюся в пустыне за два дня пути от Лайлыка. Он взял проводника, хорошо знавшего дорогу, и отправился с ним верхом сначала по лесу, который мало-по-малу перешел в кустарник, затем по степи, которая перешла в песчаную пустыню. Песок, впрочем, был не глубок, и песчаные холмы не очень высоки. В этой местности до тех пор не бывал никто из европейцев. Первый привал всадники сделали в большом селении Тарим, которое в прежнее время славилось своими богатыми полями и роскошными лугами. Теперь окружающая его земля потеряла значительную часть своего плодородия. Это зависит, вероятно, от того, что река Яркенд-Дарья переменила свое русло и значительно удалась от селения, которое орошается большим арыком, разносящим на громадное пространство воду из реки Гёз.

За несколько километров до мазара, всадники нагнали партию из 45 паломников, мужчин, женщин и детей, которые шли поклониться могиле своего святого. Мужчины несли „туги“ — длинные палки с белыми или разноцветными лоскутьями на конце. Во главе процессии ехал музыкант, игравший на флейте, а рядом с ним шли два барабанщика, изо всех сил колотившие по своим барабанам. Время от времени все паломники разом вскрикивали: „Алла!“ Когда они подошли к мазару, они приветствовали шейха, заведующего им, оглушительными криками: „Алла! Алла!“, а мужчины, несшие туги, исполнили какой-то религиозный танец. Около мазара находится деревня, с двадцатью пятью дворами; большинство жителей не живут здесь постоянно; только четыре семьи остаются круглый год в своих домах и охраняют могилу. В течение года здесь перебывает от 10.000 — 12.000 паломников. Кроме главного шейха,

при мазаре постоянно находятся: имам, обязанный читать молитвы, мутеваллий, охраняющий имущество мазара, и двадцать слуг. Все они кормятся на счет паломников. Эти паломники жертвуют, кто что может, по мере средств: лошадей, овец, кур, яйца, хлеб, плоды, халаты и проч. За исключением живого скота, все приношения складываются в самый большой из жертвенных котлов. Таких котлов пять, и все они вмазаны в кирпичную печь в „котельном доме“. Самый большой из них сделан из бронзы и имеет (1½ м.) в диаметре: говорят, что ему более 800 лет. Следующий за ним очень красивый, медный, имеет в диаметре 1 метр. Когда является большой наплыв паломников, служители мазара варят плов в самом большом котле для всех сразу. Когда наплыв не особенно велик, употребляются меньшие котлы. „Котельный дом“ построен недавно. Старый до половины засыпан песком; песчаный холм надвигается и на новый дом. „Ханка“ (дом молитвы) имеет большую залу с галлереей, поддерживаемой 16-ю колоннами. В некотором расстоянии от него находится гробница святого, удивительно оригинальное сооружение. Оно все состоит из вязанок тугов с развевающимися флагами, образующих высокую башню. Эти туги приносятся сюда паломниками, и число их постоянно возрастает. Чтобы ветер не свалил их, они скреплены поперечными перекладинами. Туги поменьше образуют вокруг могилы наружную четырехугольную ограду. Могила помещается на высоком песчаном холме, который виден издалека. Чтобы укрепить холм, вокруг него натканы вязанки камыша. Путешественнику интересно было узнать, чем замечателен святой, могила которого привлекает так много поклонников, и имам рассказал ему, что Урдан-Падишах, настоящее имя которого султан Али-Арслан-хан, жил 800 лет тому назад и вел войну с племенем Тогдара-шид-Ноктарашид, которое старался обратить в ислам. В самый разгар битвы налетел „кара-буран“, черный песчаный вихрь, и засыпал как его самого, так и все его войско.

Гедин вернулся в Лайлык, и вскоре приехал из Яркенда Ислам-бай со всеми покупками. Путешественник перебрался в Меркет, большое селение на берегу Яркенд-Дарьи, откуда предполагал выступить с караваном в пустыню. Жители селения встретили путешественников очень приветливо, и местный бек предоставил в их распоряжение свой дом. Можно себе представить, с каким нетерпением ожидал Гедин верблюдов и возможности поскорее выступить в путь! День проходил за днем, все ближе подвигалось знойное время года, когда нечего было и думать путешествовать по раскаленным пескам пустыни... Но вот Магомет-Якуб вернулся из Кашгара, он привез письма, газеты — и ни одного верблюда! Гедин готов был прийти в отчаяние; но тут вступился в дело Ислам-бай и объявил, что поедет за верблюдами в Яркенд и не вернется без них.

Действительно, через две недели, 8 апреля, он приехал с 8 тщательно выбранными верблюдами, привыкшими ходить по песку и по жаре, привыкшими обходиться без воды и без корма. Все верблюды были в периоде линяния; густая длинная зимняя шерсть сваливалась с них целыми клочьями, что очень безобразило их. Все они были оседланы мягкими вьючными седлами, набитыми сеном и соломой. Их поставили во двор против дома бека и дали им вволю хорошего сена. Они с наслаждением жевали его, а собаки каравана с остервенением лаяли на них. Особенно Джолдаш терпеть не мог верблюдов и был очень доволен собой, когда успевал вырвать клочок шерсти у которого-нибудь из них.

В Яркенде Ислам-бай нанял двух надежных людей: Магомет-шаха, 55-летнего старика с седой бородой, опытного вожака верблюдов, необыкновенно спокойного человека, невольно внушавшего доверие, и Касим-ахуна, 48 лет, караван-баши (руководителя караванов) по ремеслу. Так как казалось, что двух человек мало, то бек порекомендовал им еще одного, тоже Касима-ахуна. Он шесть лет подряд ходил весной в пустыню искать

золота. Он брал с собой вьючного осла и не заходил дальше тех мест, где можно было дорыться до грунтовой воды. Выбор этого спутника, которого в отличие от первого Касим-ахуна стали звать то Джолчи, то Купчи (человек пустыни), оказался неудачен. Он был груб, вспыльчив и постоянно ссорился с товарищами.

Кроме верблюдов и собак, с караваном должны были идти три овцы, с полдюжины кур и петух; они предназначались в пищу каравану, куры и петух путешествовали в корзине, прикрепленной к вьюку верблюда. Первые дни куры приносили каждый день по два, по три яйца; но когда явился недостаток в воде, они перестали нестись. Петуху почему-то очень не нравилось путешествие на спине верблюда: он несколько раз вылезал из корзины и, постояв с минуту на верхушке ее, с громким криком слетал на землю.

9 апреля сделаны были последние приготовления: мешки с хлебом увязаны, железные водохранилища наполнены свежей речной водой, которой должно было хватить на 25 дней пути. Эти водохранилища были длинные железные ящики, обделанные в крепкую деревянную решетку, защищающую их от пробоин. Между ящиками и решеткой насовали травы и тростника, чтобы вода не слишком скоро согревалась на солнце.

Путь по прямой линии через пустыню, на основании имевшихся карт, равнялся 287 килом.; путешественники рассчитывали делать 20 килом. в день, значит, быть в пути всего 15 дней, и запас воды должен был вполне хватить им.

10 апреля, гораздо раньше солнечного восхода, на дворе дома, где жили путешественники, началось движение. Все ящики, тюки и прочий багаж вынесли и свесили, чтобы для каждого верблюда устроить парные вьюки одинакового веса. Затем вьюки расставили так, чтобы верблюд мог пройти между ними. Верблюд становился на колени, вьюки привязывали с обеих сторон к седлу и для большей крепости перехватывали

еще веревкой. Поклажи оказалось очень много. Кроме запаса воды и разных пищевых продуктов, Гедин брал с собой зимнее платье, тулупы и ковры, так как намеревался прямо из Хотана проехать в Тибет, — научные приборы, фотографический аппарат, несколько книг, шведскую газету за целый год, походную кухню со всеми принадлежностями, металлическую и глиняную посуду, 3 ружья, 6 револьверов, два тяжелых ящика с боевыми принадлежностями и много разных мелких вещей.

„Весь двор, все соседние улицы, все крыши близлежащих домов были усеяны народом, пришедшим посмотреть, как мы двинемся в путь.

— Они не вернутся, ни за что не вернутся! — слышались голоса. — Верблюды слишком тяжело навьючены, — им не пробраться по глубокому песку. — Эти зловещие предсказания нисколько не смущали меня; я сгорал нетерпением скорее пуститься в путь. В ту минуту, как мой верблюд двинулся, присутствовавшие индусы, с криком „Счастливого пути!“, бросили через мою голову несколько горстей „дацянъ“ (китайская бронзовая монета с дырочкой посередине), и это окончательно изгладило впечатление дурных пророчеств“.

Верблюды были связаны по четыре вместе. Сквозь носовой хрящ животного продевалась палочка, к одному концу которой привязывалась веревка, прикрепленная к хвосту верблюда, шедшего впереди, таким образом, что, если задний верблюд падал, узел сам собою развязывался. Впереди шли четыре молодые верблюда, за ними верблюд, на котором сидел Гедин и висели ящики с инструментами и разными вещами, необходимыми на бивуаках, а дальше остальные три верблюда. „Магометшах вел моего верблюда в поводу, — рассказывает Гедин, — так что мне не нужно было управлять им, и я мог сосредоточить все свое внимание на компасе, на часах и на изучении окружающей местности. Исламбай отлично приладил вьюк на моем верблюде. Поверх обоих ящиков, между горбами верблюда он наложил

кошмы, ковры, подушки, и я сидел точно в кресле, спустив ноги по обе стороны переднего горба.

„Когда все было готово, я распростился с своим хозяином, щедро вознаградив его за гостеприимство, с Хашимом и с миссионером Иоганном, который не решался пуститься в опасное путешествие. Признаки наступавшей весны давали себя чувствовать с каждым днем сильнее и сильнее. Температура уже не спускалась ниже нуля. Солнце начинало сильно припекать. Поля были засеяны, рисовые плантации залиты водой. Мухи и другие насекомые наполняли воздух своим жужжанием. В это-то роскошное в Азии время года, в это время вечно новых надежд мы отправлялись в страну, окованную тысячелетним мертвенным сном, в страну, где всякий песчаный холм есть могила, где стоит такой нестерпимый зной, что сравнительно с ним самая суровая зима представляется благодеянием. По узким улицам местечка, между толпами народа спокойно и величественно выступала длинная вереница наших верблюдов. Это была торжественная минута. Зрители как бы сознавали ее важность: в толпе царило гробовое молчание. Когда я вспоминаю теперь наше выступление, мне невольно думается, что оно походило на погребальную процессию. Я так и слышу мерный, глухой звук караванных колокольчиков — настоящий похоронный звон!...

„Местность была ровная. Дома селения раскинулись между рощами тополей, полями, огородами и арыками. С полчаса мы благополучно подвигались вперед, как вдруг поднялась суматоха. Двое самых молодых верблюдов разорвали связывающую их веревку, сбросили свои вьюки, и, точно веселые щенки, принялись бегать по полю, вздымая облака пыли. На одном из них были навьючены резервуары с водой; резервуар получил пробоину, но, к счастью, около крышки, так что беда оказалась невелика. Беглецов скоро поймали и снова навьючили. После этого каждого из них повели отдельно, — в помощниках у нас не было недостатка, так как нас

проводжала целая сотня всадников. Через час вырвались два другие верблюда. Несколько вещей рассыпалось, ящик с порохом свалился; Магомет-шах объяснил, что верблюды всегда шалят после долгого отдыха; через несколько дней ходьбы они станут смиренны как ягнята. Мы решили, чтобы, ради предосторожности, каждого верблюда вел отдельно кто-нибудь из людей.

„На следующий день все пошло более правильно и спокойно. Пользуясь опытом первого дня, мы более равномерно распределили вьюки и навьючили особенно дорогие для нас вещи, главным образом воду, на самых смиренных верблюдов. Я восседал на значительной высоте над уровнем почвы, и с моего места открывался великолепный вид во все стороны. Сначала от езды на верблюде у меня немного кружилась голова; но я скоро привык к этому однообразному колыханию взад и вперед и покачиванию направо и налево; они несколько на меня не действовали, хотя человек, подверженный морской болезни, наверно почувствовал бы себя дурно“.

Г Л А В А XII.

Преддверие пустыни. — Через лес к озерам. — Приятный бивуак. — Неверные сведения. — Песок и ничего, кроме песка. — Роковая оплошность. — „Корабли пустыни“ начинают сдаваться.

Первые десять дней пути прошли для каравана совершенно благополучно. Та местность, по которой он подвигался; следуя северо-восточному направлению, не могла быть названа настоящей пустыней. Хотя в ней попадались полосы песку и ряды песчаных холмов, но зато встречались рощицы тополей, заросли камыша и тамариска. Почва во многих местах была покрыта налетом соли. Во время бивуаков, чтобы не тратить своих запасов, пробовали рыть колодцы и почти

всегда находили на небольшой глубине воду, правда, иногда соленую, но все-таки годную для варки яиц и для мытья посуды. От местных жителей Гедин слышал, что хребет Мазар-таг прорезывает пустыню и доходит до самой Хотан-Дарьи. Поэтому он зорко высматривал, не покажутся ли на горизонте горы, по которым ему и можно будет безошибочно направить путь. Действительно, через несколько дней вдали ясно вырисовались очертания горы. Но прежде чем дойти до нее, путники очутились в густом тополевом лесу; земля была покрыта глубоким слоем сухой листвы хвороста. Каравану приходилось идти зигзагами, пробираться между сучьями деревьев. За лесом лежало большое озеро. На берегу этого озера, под тенью густолиственных тополей, караван разбил свой бивуак. Место было прелестное. С вершины холма открывался красивый вид. На востоке виднелся горный кряж, к северу по желтой песчаной равнине разбросаны были зелеными пятнами группы тополей и заросли камыша; холм отливал лиловым цветом, а у подножия его расстиралось синее озеро. Развьюченные верблюды и овца, единственная оставшаяся в живых, лакомились камышом, собаки, получившее по куску мяса от только-что зарезанной овцы, беззаботно играли, куры весело кудахтали, все вдоволь напились воды и потому чувствовали себя хорошо. Караван провел лишний день в этом местечке, чтобы дать вполне отдохнуть и людям и животным. На следующий день они миновали еще несколько озер и, к своему удивлению, заметили на берегах их следы людей и заброшенные шалаши из тростника; еще дальше они ясно увидели колеи арбы; а на берегу озера, у подножия гор, паслись три лошади. Вскоре отыскался и владелец этих лошадей. Оказалось, что это житель Марал-баши. Он рассказал, что приезжает в эти горы добывать соль, которой здесь очень много и которую он продает на базаре, в Марал-баши. О дороге на юго-восток и о расстоянии до Хотан-Дарьи он не мог сказать ничего определенного; но слышал,

что к югу идет сплошной песок, что там нет ни капли воды и что пустыню эту называют Такла-макан.

Караван двинулся на юго-восток, вдаль горного кряжа и по берегу озера. Дойдя до конца озера и предвидя, что это, может быть, последняя стоянка со свежей, пресной водой, сделали большой привал. Джолчи уверял, что отсюда до Хотан-Дарьи всего 4 дня пути на восток. Но Гедин велел людям наполнить резервуары с водой до половины, т.-е. чтобы ее хватило на 10 дней, сам же взошел на вершину холма, у подошвы которого лежало озеро, и оглядел окрестность. Горный хребет шел на юго-восток и врезывался в пустыню, но конец его, небольшой скалистый пригорок, был ясно виден. Рассказы о том, что он тянется до самой Хотан-Дарьи, были, несомненно, баснями. На юг, юго-восток и запад расстилалась, насколько хватал глаз, безбрежная бесплодная пустыня.

После целого дня отдыха караван бодро вступил в нее. Сначала попадалась еще редкая растительность, но часа через полтора она совершенно исчезла, а песчаные холмы, целые гряды холмов попадались все чаще, становились все выше. Некоторые из них достигали 20 метров над уровнем поверхности, и пробираться по ним было очень трудно. Верблюды, однако, шли твердой, уверенной поступью, между тем как люди сплошь да рядом скатывались вниз. Иногда дорогу преграждала такая длинная гряда холмов, что ее нельзя было обойти, и подъем на нее так был крут, что приходилось останавливаться и с помощью заступов проделывать для верблюдов ступеньки. Для перевалов выбирали, конечно, наиболее отлогие холмы; но иногда невозможно было обойти крутого спуска. Тогда все, не отрывая глаз, следили за движениями верблюдов, а те после минутного колебания начинали спускаться по глубокому, рыхлому песку, в который чуть не до колен вязли их ноги. Нигде не видно было ни былинки, ни листика, ничего, кроме песку, мелкого желтого песку, целых гор песку, тянувшихся на бесконечное

пространство, насколько мог охватить глаз, вооруженный полевым биноклем.

День был знойный, и особенно страдали от жары собаки в своих толстых шубах. Хамра выла, пищала и несколько раз отставала от каравана. В сумерки нашли, наконец, местечко с твердым грунтом, на котором можно было разбить бивуак. Попробовали вырыть колодец, но до воды не могли докопаться. Вдруг заметили, что Хамра исчезла. Принялись кликать ее, свистать — все напрасно. Магомет-Шах вспомнил, что она рыла песок под одним из последних тамарисков, попавшихся им на пути, и легла в яму. Что случилось с животным, осталось неизвестным. Может быть, она погибла от солнечного удара, а еще вероятнее, что ей надоело тащиться по песку, — она сообразила, что путешествие по пустыне и в будущем не доставит ничего, кроме неприятностей, и повернула обратно к тому озеру, где был последний ночлег, где можно было и напиться вдоволь и выкупаться. Оттуда ей не трудно было добраться до Марал-баши, может быть, с тем самым солепромышленником, которого встретил караван.

„Странное, необъяснимое чувство овладело мною, — пишет Гедин, — когда мы в первый раз разбили лагерь среди этой самой бесплодной из всех пустынь в мире. Люди мало разговаривали, никто не смеялся. Необычное молчание царило вокруг костра из корней тамариска. Мы привязали верблюдов около самой палатки, чтобы они не вздумали отвяжаться и уйти назад к озеру, где в последний раз имели хороший подножный корм. Могильная тишина царила вокруг, даже колокольчики редко позванивали. Слышалось одно только тяжелое мерное дыхание верблюдов. Две или три бабочки кружились около моей свечки в палатке, но мы, вероятно, сами занесли их сюда“.

На следующий день рано утром разразилась сильнейшая буря. Целые тучи песку неслись на палатку, нигде ничего не было видно, кроме барханов, на кото-

рых крутились столбы песку выше человеческого роста. Желтовато-красный туман окутывал горизонт, но небо над головами путников было ярко-синее, и ни одно облачко не смягчало палящего зноя солнечных лучей. Тонкий летучий песок проникал всюду: в рот, в нос, в уши, набивался в платье и вызывал неприятный зуд во всем теле. Особенно неприятно было попасть в средину песчаного столба, поднимаемого вихрем. Несчастные путники закрывали глаза, плотно сжимали губы и низко опускали головы; а ветер свистел и дул им прямо в уши. Когда вихрь стихал, они стряхивали с себя целые кучи песку. Несмотря на такую неблагоприятную погоду, никому не пришло в голову желание переждать бурю на бивуаке. Все почему-то надеялись, что песчаные холмы скоро понизятся, что к вечеру найдется местечко, где можно будет вырыть колодезь. Ислам-бай шел впереди каравана с компасом в руке; держались прямо на восток, так как это был самый близкий путь до Хотан-Дарьи. Караван медленно двигался по его следам. Все впадали в уныние, когда Ислам-бай вдруг останавливался, входил на самый высокий холм и, приставив руку к глазам, осматривал окрестность: было очевидно, что прямой путь представляет затруднения. Случалось, что Ислам-бай уныло возвращался назад и кричал: — Хер йол йок (совсем нельзя пройти)! — Хер тараф яман кум (всюду дурной песок)! или просто: — Кум таг (горы песку)! Тогда каравану приходилось делать большой обход на север или на юг. Все шли босиком, молчаливые, усталые, мрачные; пот лился с них крупными каплями, и они часто останавливались, чтобы напиться, хотя вода в резервуарах была совсем теплая. К полудню ветер стих, но караван подвигался вперед медленно, словно улитка. Когда попадался особенно высокий холм, на него всякий раз влезал кто-нибудь и с надеждой глядел на восток; но увы, кроме однообразного песчаного моря, ничего не было видно! Во время трудных переходов через песчаные перевалы всеми овладевало уныние,

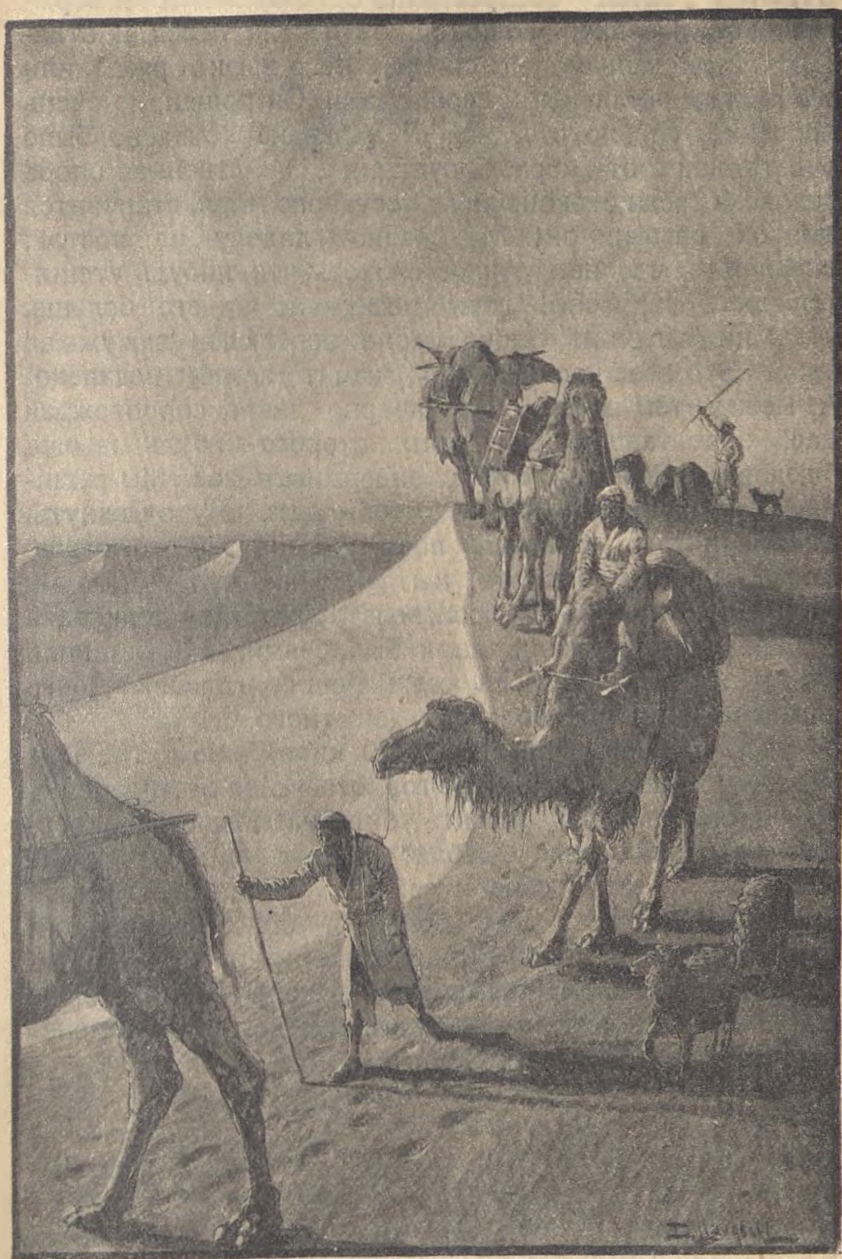

Песчаный буран.

но как только открывался порядочный кусок пути по твердому грунту между песочными холмами, все оживали и ободряли друг друга радостными восклицаниями.

Между тем верблюды стали уставать; они часто падали на крутых склонах и не могли подняться без помощи людей. Пришлось разбить лагерь, сделав всего 13 килом. В местечке, выбранном для ночлега, почва была такая твердая, что нечего было и думать рыть колодезь. Поужинав и напившись из своих запасов, киргизы принялись с тревогой толковать о том, что ожидает их завтра. Ислам-бай всячески старался подбодрить товарищей: он рассказывал им, как путешествовал с Гедином в горах, какие снежные сугробы они встречали в Алайской долине. — „А снег гораздо хуже, чем песок!“ — прибавлял он, — каким опасностям подвергались они на ледниках Мус-таг-аты.

„Утром 25 апреля я сделал неприятное открытие, — рассказывает Гедин. — Я заметил накануне, что вода сильно бултыхается в резервуарах, и захотел узнать причину этого: оказалось, что *в резервуарах было воды всего на два дня!* Я спросил людей, отчего они не налили столько воды, сколько я приказал. Они отвечали, что за наполнением сосудов наблюдал Джолчи. В ответ на мои упреки Джолчи возразил: — „Будьте спокойны, от последнего озера до того места, где можно вырыть колодезь, никак не больше четырех дней пути!“ — Я поверил ему тем более, что до сих пор все его сведения оказывались верными, да и мои карты подтверждали его слова. Мы все были уверены, что очень скоро дойдем до воды, никому из нас и в голову не приходило вернуться к озерам. Однако, мы все согласились, что следует очень беречь наши запасы воды. Я просил Ислам-бая ни на минуту не упускать из виду резервуаров. Верблюдам решено было не давать больше пить. Благодаря пыльному туману, носившемуся в воздухе и закрывавшему солнце, было не очень жарко. Я весь день шел пешком, отчасти, чтобы облегчить своего верблюда, отчасти, чтобы подбодрить людей.

Перевал через бархан.

Верблюд „Бабай“ беспрестанно останавливался и обрывал свою веревку. Наконец, он лег на песок и отказался идти дальше. Мы сняли с него вьюк и разделили его между остальными верблюдами. Он пошел, но очень медленно, сильно отставая от каравана. Ужасно было видеть, как этот „корабль пустыни“, единственная опора человека среди бесконечного песчаного моря, становится жалкой развалиной! Мы жадно глядели на восток, в надежде, что нам откроется хоть что-нибудь утешительное. Напрасно! горы песку — и ничего больше, куда ни взгляни! Вдруг около верблюдов зажужжал овод. Это всех нас оживило: значит „земля“ недалеко! А между тем этот свод наверно давно сопровождал нас, запрятавшись в шерсти которого-нибудь из верблюдов! „Бабай“ продолжал задерживать нас. Мы решились остановиться на час, чтобы дать ему отдохнуть. Мы дали ему немножко воды и сена из его седла. Когда седло было снято, мы заметили, что у него на спине открытая рана; произвела ее жесткая подкладка седла. Ноги дрожали, язык был белый. Мы оставили с ним Магомет-шаха, а сами пошли дальше. Долго слышался нам рев больного животного.

„Мы прошли в этот день 20 килом., но тут „Чонкара“, большой белый верблюд, отказался идти дальше. Это заставило нас разбить бивуак. Мы отдали верблюдам остатки седла „Бабая“; в остальных седлах был достаточный запас сена и соломы. Наша собственная пища становилась все более и более умеренной; я питался чаем, хлебом и консервами; киргизы — чаем, хлебом и талканом (поджареной мукой). Топливо наше приходило к концу, и мы сжигали некоторые наименее нужные деревянные ящики“.

Г Л А В А XIII.

Сон и действительность. — Рытье колодца. — Ночное совещание. — Угрызения совести. — Телесмат. — Кара-буран. — Ничего лишнего.

„На следующее утро, пока люди еще возились с приготовлениями к выступлению, я пошел вперед один. С компасом в одной руке и полевым биноклем в другой, я торопливо шагал на восток, прямо на восток, туда, где текла река — наша спасительница. Лагерь и верблюды скоро исчезли из глаз моих за верхушками песчаных холмов. Моим единственным товарищем была муха, на которую я смотрел необыкновенно дружелюбно. Без нее я был бы один, совершенно один среди этой могильной тишины, среди этого желтого моря с его песчаными волнами. Более торжественного безмолвия не могло царить ни на каком кладбище; для полного сходства с кладбищем не хватало только могильных крестов.

„Песчаные холмы достигли высоты 40 — 50 метров. Они угрожали нам медленную, но верную смертью. Длинные гряды их преграждали нам путь, а между тем нам необходимо было перейти через них — обойти их не было возможности. И мы тащились по ним под унылый перезвон колокольчиков, словно грустная погребальная процессия...

„Около полудня я почувствовал, что обессилел от усталости и жажды. Солнце жгло, точно раскаленная печь. Я не мог сделать ни шагу больше. Вдруг моя приятельница муха подлетела ко мне с таким веселым жужжаньем, что я как-то невольно оживился. „Попытайся пройти еще немножко, — пела она мне в самое ухо, — поднимись еще на один холм, пройди еще тысячу шагов. Ты все-таки будешь ближе к Хотан-Дарье, к свежим струям реки, которая шепчет песнь о жизни, о весне и о весне жизни!“ Я прошел еще тысячу шагов, затем упал на вершине холма, растянулся

на спине и прикрыл лицо своей белой фуражкой. Я сделал 13 километров. Приятно было отдохнуть, тем более, что на вершине холма дул легкий ветер. Я заснул... Мне пригрезилось, что я лежу на зеленой лужайке, под тенью серебристого тополя, и легкий ветерок шелестит его листву. Я слышал журчанье и плеск волн, катившихся у самых корней тополя; птица пела в ветвях его... Чудный сон! Но увы! недолго продолжался он. Унылый звон похоронных колоколов вернул меня к суровой действительности. Я вскочил. Голова моя была тяжела; блеск желтого песку ослеплял меня. Верблюды подвигались неровною поступью. Глаза их были мутны, взгляд покорен и равнодушен. Они дышали тяжело, с трудом, и запах их дыханья был еще неприятнее обыкновенного. Пришло всего шесть верблюдов, с Касимом и Ислам-баем, Магомет-шах и Джолчи остались с „Бабаем“ и „Чонкарой“, которые с самого начала пути еле двигались.

„Между двумя холмами песку мы нашли странную вещь: часть скелета осла или дикой лошади, — одни только задние ноги, которые были белы как известка и так хрупки, что рассыпались от первого прикосновения. Как попало сюда это животное? Долго ли пролежали здесь эти кости? Кто знает? Может быть, целые столетия! Сухой песок обладает способностью надолго сберегать органические тела.

„Мы все изнемогали от усталости и жажды, так что очень рано остановились на ночлег, на небольшой твердой глинистой площадке. Под вечер подошли Магомет-шах и Джолчи, также сильно истомленные; они шли одни, опираясь на палки. Верблюды отказались итти, и они бросили их. Когда стало прохладнее, я послал за ними человека, и к ночи они дотащились до лагеря. Вечером наше настроение обыкновенно становилось лучше. Я посмотрел в бинокль на восток, и мне показалось, что холмы значительно понижаются. Завтра мы, наверно, минуем песчаные кряжи и разобьем бивуак в лесах Хотан-Дарьи! Эта

мысль оживляла всех нас. Мою палатку не разбивали, — надобно было беречь силы людей. Мы легли все рядом под открытым небом. Только Джолчи сторонился нас и ни с кем не разговаривал; в глазах у него светился недобрый огонек.

„Вечером, часов около шести, мне вдруг пришло в голову: отчего бы нам не попробовать вырыть колодезь? Ислам-бай и Касим с радостью схватились за мою мысль. Пока первый поспешно приготавливал мой „обед“, второй принялся за дело. Он засучил рукава, поплевал на руки и начал рыть глинистую землю сартским заступом, распевая при этом песни. Когда подошли отставшие товарищи, они тоже стали рыть по очереди. В ответ на мой вопрос, можно ли надеяться найти здесь воду, Джолчи презрительно улыбнулся и сказал: „Воды найдете сколько угодно, только пройдите тридцать сажен глубины!“ Касим вырыл около аршина: попадалась глина, смешанная с песком и сырая. Джолчи пристыдили, и он стал усердно рыть в свою очередь. Наши надежды ожили. Я наскоро проглотил обед и поспешил вместе с Исламом к колодцу. Мы все пятеро работали из всех сил. Яма становилась все глубже. Человека, работавшего на дне, не видно было сверху, и он не мог выбрасывать песок на поверхность земли. Мы спустили вниз ведро на веревке и с помощью его вытаскивали из ямы песок и глину. Мало-по-малу около ямы вырос целый вал, и я разгребал его, чтобы расчистить место. Когда мы начали работу, на воздухе было 28°, а на поверхности земли 26°. На глубине 5 футов было 12°. Необыкновенно приятно было лечь на этот свежий песок! Мы зарыли в него один из наших резервуаров, и вода остыла настолько, что мы могли утолить ею жажду. Чем дальше мы рыли, тем сырее становился песок. На глубине сажени он был настолько сыр, что мы скатывали из него шарики, и руки наши становились влажными. А как приятно было прикладывать его к горевшим щекам! В работе прошло несколько часов. Люди начали уставать. Голые

грудь и плечи их покрылись потом. Они останавливались все чаще и чаще и выпивали по глотку воды. Мы могли позволить себе эту роскошь, так как наши резервуары скоро должны были наполниться свежей колодезною водою. Между тем совершенно стемнело, и мы продолжали работать при свете двух огарков, вставленных в углубления стенок колодца. Инстинкт привел всех животных к нашей яме. Верблюды вытягивали свои длинные шеи и нюхали сырой песок. Джолдаш растянулся на нем; куры беспрестанно подходили посмотреть, что делается. Мы работали с энергией отчаяния, работали для спасения жизни. Надежда придавала нам новые силы. Мы решили не отступать и, если нужно, рыть весь следующий день, но дорыться до воды.

„Мы все стояли вокруг ямы и глядели на Касима, который был на дне ее. Его полуголая фигура, освещенная тусклым светом огарков, принимала какие-то странные, фантастические очертания. Вдруг он остановился, выпустил из рук заступ и с полусдавленным стоном упал на землю.

— Что такое? что случилось? — в испуге спрашивали мы.

— Курук кум! Песок сух! — раздался голос как бы из могилы.

„Несколько ударов заступом убедили меня, что он прав. Сырость, замеченная нами, объяснялась, может быть, ливнем или снежным заносом, растаявшим в этом месте. При этом ужасном открытии, мы сразу почувствовали, как мы утомлены, сколько сил потратили напрасно! Вся наша энергия в миг исчезла, мрачное уныние овладело нами. Не глядя друг на друга, мы побрели к своим постелям, чтобы забыться хоть во сне. Но, прежде чем улечься, мы с Ислам-баем имели совещание наедине. Мы не скрывали друг от друга опасности положения, но решили до последней крайности поддерживать бодрость и в себе, и в других. Когда другие заснули, мы осмотрели резервуар; в нем

Первые два верблюда, брошенные на произвол судьбы.

оказалось воды всего на один день. Надобно было беречь ее как золото. Что я говорю — золото! Если бы мы могли купить воды еще на один день, мы не задумавшись отдали бы за нее все свои деньги! Мы решили раздавать остатки драгоценной жидкости порциями, по два стакана в день на человека. Тогда нам могло хватить ее на три дня. Три дня верблюды уже не получали питья и в следующие дни тоже не могли получить. Джолдаш и овцы до сих пор имели по кружке в день и чувствовали себя хорошо. Окончив свой разговор, мы тоже улеглись спать; только терпеливые верблюды стояли вокруг вырытой нами ямы и напрасно ждали того, чего она не могла дать.

„Утром 27-го апреля мы сделали все возможное, чтобы подкрепить силы верблюдов. Мы вытащили сено из одного седла и дали им его; они просили пить, но мы могли только смочить их губы. После сена каждый из них получил еще порцию хлеба и масла. Чтобы облегчить их, мы бросили мою походную постель, ковер и несколько других вещей. Я наскоро проглотил свой чай и ушел вперед. Барханы были ниже, чем раньше, и мне страстно хотелось скорее добраться до конца их. Но увы! через час я опять был со всех сторон окружен высокими холмами, и опять они тянулись на бесконечное пространство впереди! Ни следа жизни, ни кустика тамариска, ничего, что указывало бы на близость земли! Голова у меня кружилась, когда я глядел на этот океан песку, в котором мы затерялись!

Погода была великолепная. Небо покрыто легкими перистыми облачками; жар не особенно силен. Через три с половиной часа караван догнал меня. Все шли довольно хорошо, только не было Магомета-шаха и двух больных верблюдов. — Они идут потихоньку сзади, — утешали меня другие. Я сел на своего верблюда, и он безропотно вынес это увеличение груза. Я чувствовал себя страшно усталым, но когда я заметил, как дрожат ноги бедного верблюда, я слез с него и пошел пешком. В этот день песчаные холмы достигли наибольшей

высоты — 60 метров. Понятно, что путешествие по ним не могло идти быстро. Часто нам приходилось делать большие обходы, иногда даже вместо востока поворачивать на запад.

„Джолдаш держался все время около резервуаров воды и выл всякий раз, как слышал, что она плескается о стенки ящиков. Когда мы останавливались, не зная, в какую сторону повернуть, он начинал лаять, обнюхивать резервуары и рыть песок, точно хотел показать нам, что мы должны вырыть колодец и дать ему скорее напиться. Когда я ложился отдыхать, он садился прямо против меня и смотрел мне прямо в глаза, точно хотел спросить: „неужели нет надежды?“ Я гладил его, старался успокоить и указывал ему на восток, повторяя, что вода там. Тогда он настораживал уши, вскакивал и пускался бежать в том направлении: но он вскоре возвращался печальный, разочарованный.

Мы двигались в этот день вперед до тех пор, пока верблюды в состоянии были идти. В 6 часов вечера, при подъеме на один из холмов, они все остановились, и мы решили разбить бивуак. Вскоре к нам подошел Магомет-шах. Он рассказал, что верблюды с самого утра отказывались идти, и он принужден был бросить их. Один нес два пустых резервуара, другой шел совсем без ноши. По словам старика, они могли прожить не больше двух дней, но, конечно, если бы мы нашли воду сегодня, они были бы спасены. А так как воды не было, они обречены на гибель, на мучительную смерть! Как хорошо было бы, если бы их страдания скорее прекратились! Рассказ Магомета произвел на меня страшно мучительное впечатление. Я был виновником смерти невинных животных. Я нес ответственность за каждую минуту физической боли или нравственного страдания людей и животных, составлявших мой караван! Я не присутствовал при том, как эти верблюды были брошены на произвол безжалостной пустыни; но в воображении я ясно рисовал себе все подробности их медленной агонии, и эта картина не давала мне всю ночь сомкнуть глаз!

„Поздно вечером мы завидели на западе тяжелые синевато-стальные тучи. В них была вода и жизнь, вокруг нас — жажда и смерть. Они все росли и сгущались; мы не могли отвести от них глаз. Надежда на дождь все усиливалась. Мы выставили пустые резервуары; мы растянули на земле непромокаемую парусину от палатки, и четыре человека приготовились поднять ее за углы. Мы ждали и ждали. Но тучи медленно прошли на юг, не подарив нам ни капли.

„Ислам-бай в последний раз испек для меня хлеб. Магомет-шах объявил, что мы попали под власть духов пустыни, что мы заколдованы и никогда не выберемся отсюда. Ислам отвечал с поразительным спокойствием, точно говорил самую обыкновенную вещь, что сперва один за другим погибнут все верблюды, а уж потом придет наша очередь. Я возражал ему, я высказывал твердую уверенность, что мы не погибнем в пустыне. Джолчи стал насмехаться над моим компасом и уверял, что он обманывает нас и заставляет кружиться около одного и того же места. Мы можем идти сколько угодно, мы никуда не придем. Самое лучшее не утомлять себя напрасно: нам все равно умереть от жажды через несколько дней. Я постарался уверить его, что компас вполне надежный указатель пути и все время вел нас прямо на восток. Стоит посмотреть на восток и на закат солнца, чтобы убедиться в этом. Он отвечал, что пыльная мгла и телесман (чары духов) оказывают влияние и на солнце, так что и ему нельзя вполне доверять.

28-го апреля нас разбудил страшный ветер, который заносил нас тучами песку. Весь воздух был пропитан пылью; не видно было даже ближайших холмов. Направлять путь по солнцу было невозможно; ни один проблеск света на небе не указывал, где оно находится. Это был страшный „кара-буран“, черный вихрь, превращающий день в ночь. Мы накануне улеглись под открытым небом. Так как ночью стало холодно, то я завернулся в свой тулуп и надел на голову башлык. Утром, проснувшись, я увидел, что буквально засыпан

песком. Толстый слой мелкого желтого песку покрывал мою грудь и шею, мелкий желтый песок проник сквозь каждое отверстие моей одежды. Когда я встал, он посыпался мне за рубашку, так что я должен был совсем раздеваться, чтобы вытрясти его. Мои шубы совсем сравняло с землей. Все другие вещи были тоже засыпаны песком. Мы совсем не видели, куда итти. Но в воздухе было прохладно; благодаря этой прохладе и ветру, мы меньше чувствовали мучения жажды. В этот день я не мог итти впереди каравана: мои шаги замело бы немедленно. Мы должны были держаться все вместе — и люди и животные. Потеряв из виду товарищей, невозможно было бы дать знать о себе ни криком, ни выстрелом. Оглушающий шум бури покрывает все другие звуки. Я видел только того верблюда, который шел впереди меня, все другое исчезло в глубокой мгле. Я ничего не слышал, кроме своеобразного свиста и шороха миллионов песчинок, пролетавших мимо.

„Да, трудно было итти. Среди дня несколько раз наступала полнейшая тьма; в остальное время нас окружал тусклый, полужелтый, полусерый свет. Много раз мы чуть не задыхались от песку, летевшего нам прямо в рот. При особенно сильных порывах ветра мы ложились головой на землю или прятались за верблюдами, которые, в свою очередь, становились задом к ветру и протягивали шеи к земле. Песчаные холмы и не думали понижаться. Едва удавалось нам перевалить через одну гряду их, как из тумана выступала прямо перед нами другая, не менее высокая. В этот день погиб еще один верблюд. Ясно было видно, что силы оставляли его. Он шатался, ноги его дрожали, глаза стали какие-то стеклянные, нижняя губа отвисла, ноздри расширились. Мы только-что взобрались на высокий холм, на вершине которого буря свирепствовала особенно сильно, когда к нам подошел Джолчи, который вел больного верблюда сзади прочих. Он объявил, что верблюд не в состоянии был взойти на холм, и он бросил его, боясь потерять наши следы. Я тотчас остановил

караван и послал двух людей посмотреть, нельзя ли как-нибудь поднять больного верблюда и привести его к нам. Они исчезли в окружавшей мгле, но через несколько минут вернулись и объявили, что наши следы совсем замело, и они не решились отойти далеко от каравана. Таким образом, мы потеряли третьего верблюда, мы бросили его как и двух первых в жертву мучительной смерти! Мало-по-малу чувства наши притуплялись, мы равнодушнее смотрели на такие потери. Все наши заботы сосредоточивались на одном — как бы спасти собственную жизнь. Каждое утро, когда мы выступали, я мысленно спрашивал себя: чья сегодня очередь отправиться в тот дальний путь, с которого нет возврата?

„В шесть часов мы остановились на ночлег, сделав в этот день 20½ килом. После недолгого совещания решено было бросить все вещи, кроме самых необходимых. Мы с Ислам-баем пересмотрели весь наш багаж. Большая часть провианта, взятого нами на 3 месяца, а также несколько войлоков и шуб, подушки, книги, газеты, походная кухня, котел и многое другое было уложено в ящики, прикрыто коврами и поставлено в углублении между двумя холмами. Наверху одного из холмов, видного издалека, мы воткнули шест, прикрепив к нему № газеты в виде флага. Мы предполагали, в случае, если найдем воду, вернуться на это место и забрать вещи.

„Вечером мы нацепали из крышки ящика лучинок, навязали на них нумера газеты и хотели по дороге втыкать эти флаги в самые большие холмы, чтобы по ним найти обратный путь к этому лагерю. Остаток воды сохранялся в двух железных кувшинах. На случай, если найдется вода, мы решили взять с собою два пустых резервуара. Верблюдам отдали еще одно седло. Но они ели без аппетита, у них пересохло в горле. Я в последний раз напился чаю и закусил консервами, в которых была какая-нибудь жидкость“.

Г Л А В А XIV.

Новая вина Джолчи. — Последние капли воды. — Лагерь смерти. — Напрасные жертвы. — Только двое.

„29-го апреля мы выступили всего с 5 верблюдами. Ислам-бай подошел ко мне с расстроенным лицом и сообщил грустную весть, что один из кувшинов пуст. И он и прочие люди подозревали, что воду выпил Джолчи: они слышали, как он возился ночью. Впрочем, других доказательств его вины у нас не было. Наши подозрения усилились, когда он подполз ко мне со слезами, жалуясь на боль в груди и в желудке. Мы были уверены, что он притворяется. Так как я обязан был подавать другим пример и поддерживать их мужество, то я отдал ему половину своей порции воды. После этого он скрылся, и мы не видали его до следующего утра.

„Весь день мы шли по глубокому песку, шли мучительно медленно. Звон колокольчиков слышался все реже и реже; наши бедные верблюды изнемогали от усталости. Несмотря на это, они двигались с своим обычным спокойным достоинством. Я прошел пешком не останавливаясь 12½ часов, мы сделали в этот день 27 кил. На востоке попрежнему не замечалось никаких утешительных признаков. Море песчаных волн сливалось с горизонтом, взору не на чем было остановиться, кроме песку и песку!

„30 апреля термометр упал ночью до 5°, и утро было свежее. Облака пыли еще носились в воздухе, но все-таки можно было разглядеть светлую полоску на том месте, где было солнце. Мы дали верблюдам сено еще одного седла и весь остаток хлеба. В одном из кувшинов оставалось стакана два воды. Пока навьючивали верблюдов, Ислам-бай увидел Джолчи, который, повернувшись спиной к товарищам, приставил кувшин с водой к губам. Произошла тяжелая, отвратительная сцена. Ислам-бай и Касим с яростью бросились на

Джолчи, повалили его на землю, били по лицу, топтали ногами и наверно убили бы, если бы я не вмешался и не заставил их оставить его. Он выпил половину нашей воды, так что осталось всего около трети бутылки. В полдень я предложил помочить губы всем людям, а вечером предполагал разделить остаток на пять равных частей.

„Снова раздавался похоронный звон колоколов, снова двигался караван на восток, снова нам приходилось пробираться по лабиринту крутых песчаных холмов... Вечером мы остановились на том месте, где верблюды упали от изнеможения. Мы исследовали в полевой бинокль всю местность к востоку. Песчаные горы по всем направлениям, ни былинки, никакого признака жизни! Джолчи исчез с утра и не появлялся ни вечером, ни ночью. Киргизы уверяли, что он вернулся к тому месту, где мы оставили багаж, и будет питаться моими консервами, пока к нему не явятся товарищи и не помогут ему увезти все вещи. Ислам-бай думал, что он погиб. Когда мы хотели разделить остатки воды, оказалось, что Касим и Магомет-шах, которые вели караван, выпили ее всю до последней капли. Мы все были страшно слабы, и люди и верблюды!

„На следующее утро снова появился Джолчи, которого мы считали погибшим, и стал уверять, что к вечеру мы наверно найдем воду. Остальные не хотели и говорить с ним. Они сидели молчаливые и унылые и ели черствый хлеб, облитый кунжутным маслом. Накануне я не выпил ни капли воды, жажда страшно мучила меня, и я решился выпить с полстакана отвратительной китайской водки, которую мы захватили собственно для спиртовой лампы. Она обожгла мне все горло, но что за беда? это все-таки была жидкость! Когда Джолдаш увидел, что я пью, он подбежал ко мне, махая хвостом. Но когда я ему показал, что это не вода, он завыл и грустно отошел прочь.

„Караван медленно двинулся на восток, а меня силы окончательно оставили. В тихом неподвижном воздухе

похоронные колокола верблюдов отдавались яснее, чем когда-либо. Мы оставили за собой трех мертвецов. Скольким еще суждено пасть на нашем пути? Погребальная процессия быстро подвигалась к кладбищу...

„Ислам-бай шел вперед с компасом в руке. Верблюдов вели Магомет-шах и Касим. Джолчи шел за последним верблюдом и погонял его. Полумертвый от усталости и жгучей жажды, я плелся далеко позади каравана. Он то исчезал за барханами, то снова появлялся на вершине холма. Звук колокольчиков раздавался все слабее и слабее и, наконец, замер в отдалении. Я тащился шаг за шагом, падал, вставал, опять тащился и снова падал. Звон колокольчиков перестал доноситься до меня. Кругом царила гробовая тишина. Но следы каравана были ясно видны, и я тащился по ним тяжелыми, неверными шагами. Наконец, с одного высокого холма я увидел караван. Он сделал привал. Все пять верблюдов окончательно обессилели и упали на землю, Магомет-шах лежал, уткнувшись лицом в песок, шептал молитвы и призывал на помощь Аллаха. Касим сидел в тени одного из верблюдов и тяжело дышал. Он сказал мне, что старик совсем плох и не может итти дальше. Всю дорогу с самого утра он бредил, все толковал о воде. Отдохнув немного, мы хотели двинуться дальше, и Ислам взялся вести караван. С белого верблюда сняли его вьюк, и я с помощью Ислама влез на него. Но верблюд отказался итти. Мы поняли, что нам невозможно тащиться дальше по такой страшной жаре, тем более, что Магомет сильно бредил; он то смеялся, то плакал, говорил несообразные вещи, играл песком, пропуская его между пальцами. Он не в состоянии был двинуться дальше, а мы, конечно, не могли бросить его.

„Поэтому мы решили остаться на месте, пока пройдет самое жаркое время дня, и затем продолжать путь вечером и ночью. Мы развьючили верблюдов, но не трогали их с того места, куда они легли. Ислам и Касим разбили палатку, чтобы нам было где укрыться от солнцепека. Они разостлали на полу наш послед-

ний ковер и несколько войлоков, а вместо подушки положили свернутый мешок. Я вполз в палатку, буквально вполз, разделся до нага и растянулся на постели. Ислам и Касим тоже вошли в палатку, Джолдаш и овца последовали их примеру. Джолчи поместился около нее в тени. Магомет-шах продолжал лежать на прежнем месте. Одни только куры не теряли бодрости: они бродили по солнцепеку и поклевывали то вьючные седла, то мешки с провизией. Когда мы остановились, было всего половина девятого утра; мы прошли в этот день только $4\frac{1}{2}$ кил., и нам предстояло провести на месте бесконечно длинный день.

„Я совершенно изнемог от усталости и с трудом мог повернуться с боку на бок. Мною овладело отчаяние; никогда ни прежде, ни после я не испытывал ничего подобного. Вся моя прошлая жизнь промелькнула в уме моем, словно сон. Мне вспомнился родной дом далеко, на севере, и сердце мое мучительно сжалось при мысли о той тревоге, о том горе, какое охватит моих близких, если я не вернусь к ним. Они будут ждать год, два, и ждать напрасно. До них не дойдет никаких известий обо мне: мы погибнем бесследно... Затем, в воображении моем пронесся бесконечный ряд картин из моих прежних путешествий по Азии, ярких, красивых картин, великолепных дворцов, тенистых садов, плещущих фонтанов.

„Я целый день лежал без сна, с открытыми глазами, поднятыми к белому потолку палатки; я ни на что не глядел и смутно различал предметы. Иногда я впадал в легкую дремоту, и тогда мне постоянно представлялось, что я лежу на зеленом лугу под тенью серебристых тополей. Как горько было всякий раз пробуждение! Кто из нас умрет первым? Кто будет так несчастен, что переживет остальных?

„Время тянулось бесконечно медленно. Я часто смотрел на часы, и каждый час казался мне вечностью. Но... что это такое? На мое тело вдруг повеяло прохладой, свежестью! Полы палатки были подняты,

легкий ветерок дул с холмов. Он все усиливался и стал настолько свежим, что в четвертом часу я должен был прикрыться войлоком. Вскоре после этого со мною произошло положительное чудо. По мере того, как солнце близилось к горизонту, силы мои постепенно возвращались, и к тому времени, как его раскаленное ядро остановилось над западными холмами, я совершенно выздоровел. Прежняя гибкость возвратилась моему телу. Я чувствовал, что могу еще много дней итти и итти. Я горел нетерпением отправиться в путь. Я не хочу умирать! Я решил напрягать свои силы до последней крайности и итти, ползти, тащиться, но так или иначе подвигаться на восток, даже если весь мой караван не выдержит и умрет.

„На закате Ислам-бай и Касим тоже ожили. Я рассказал им о своем решении, и они согласились со мной. Магомет-шах лежал все на том же месте, Джолчи растянулся на спине около палатки. Они оба бредили. Они не отвечали на вопросы и лепетали что-то бессмысленное. К вечеру Джолчи пришел в себя, и дикий зверь проснулся в нем. Он подполз к тому месту, где я лежал, и стал грозить мне кулаком и закричал глухим, сердитым голосом: „Воды! воды! Давай нам воды, господин!“ Затем он упал на колени, заплакал и начал жалобно просить немножечко, несколько капелек воды. Что мне было делать? Я напомнил ему, что он украл половину нашего последнего запаса воды, что он пил больше всех нас, а потому должен быть терпеливее. Он с глухими рыданиями отполз от меня.

„Мы все страшно страдали от жажды. Неужели неоткуда взять хоть немного жидкости, чтоб только помочить губы и глотку! Глаза мои случайно упали на петуха, важно разгуливавшего около верблюдов. Не попробовать ли его крови? Кто-то из людей перерезал ему горло, — кровь медленно потекла, но ее было слишком мало. Надобно было пожертвовать еще одной невинной жизнью. Киргизы долго колебались; им жаль

было резать нашу покорную спутницу овцу, которая, точно собачка, следовала за нами всю дорогу и разделяла все наши невзгоды. Но я напомнил им, что это нужно для спасения нашей жизни, и Ислам с болью в сердце всадил ей нож в горло. Кровь полилась густой темнокрасной струей и тотчас же запеклась. От нее шел отвратительный запах. Пока она была еще теплою, мы осторожно попробовали ее, но не в состоянии были пить. Мы отдали ее Джолдашу, тот лизнул раз и отошел. Оказалось, что мы напрасно загубили своего верного товарища. Ислам до того мучился жаждой, что приготовил себе еще более отвратительный напиток. Он взял мочу верблюдов, прибавил в нее уксусу, сахару и выпил ее. Мы с Касимом не решились даже попробовать эту гадость и хорошо сделали, так как она вызвала у Ислама страшную рвоту.

„Джолчи, исхудавший, с безумно блуждающими глазами, сидел около палатки и жевал сырые легкие овцы. Руки и лицо его были покрыты кровью, он был ужасен.

„Мы решили оставить здесь большую часть своего багажа. Я отобрал то, что считал для себя необходимым, свои заметки и путевые карты, научные приборы, образцы горных пород и проч.; Ислам взял провиант на три дня, сигары, папиросы, несколько мелочей, вроде фонаря, свечей, веревок, заступа и проч. Я хотел было оставить все китайские серебряные деньги, какие у меня с собой были, но он отговаривал меня от этого. Все оставшиеся вещи были уложены в восемь сундуков, и полы палатки подвернуты под них, чтобы палатку не снесло ветром. Мы рассчитывали, что если вернемся в эти места, то издали увидим белую палатку на высоком холме. Вещи, которые мы брали с собой, были запакованы в пять небольших переметных сум из парусины. Мы освободили верблюдов от вьючных седел и накинули на них эти сумки. Один только вьюк был довольно тяжел; он состоял из ружей, заступов и т. п., завернутых в кошму. Перед выступлением в путь мы вскрыли

еще одну коробку с консервами; но хотя они содержали в себе влагу, мы с трудом могли проглотить их, до того пересохло у нас горло. Верблюды лежали целый день на том месте, куда упали утром. Их тяжелое дыхание нарушало могильную тишину. Несчастные животные были, очевидно, близки к смерти, но сохраняли равнодушный и покорный вид. Их широкие пасти сморщились и посинели. С трудом можно было заставить их подняться на ноги.

„В 7 часов вечера погребальные колокольчики зазвонили в последний раз. Чтобы поберечь свои силы, я сел на белого верблюда, который был бодрее остальных. Ислам-бай, ослабевший от рвоты, вел караван медленным шагом. Касим шел сзади и подгонял верблюдов. Так двинулись мы от лагеря смерти на восток, все туда, на берега Хотан-Дарьи. Как только мы отошли, Джолчи влез в палатку и лег на мою постель, продолжая жадно высасывать сырое мясо. Старик Магомет-шах лежал на прежнем месте. Перед отъездом я подошел к нему, назвал по имени, приложил руку к голове его. Он посмотрел на меня широко-раскрытыми, мутными глазами; лицо его было спокойно, даже как-то радостно, точно он видел перед собой открытые райские двери и готовился войти в них. Кончена его тяжелая, трудовая жизнь, не придется ему больше мучиться с упрямыми верблюдами, ходить с караванами из одного города в другой, — он может отдохнуть. Он как-то весь съежился, иссох и казался совсем маленьким старичком. Дышал он тяжело и неровно, в горле слышалось предсмертное клокотанье. Я еще раз провел рукой по его сухому морщинистому лбу, уложил его поудобнее и сказал как можно спокойнее, что мы идем за водой и скоро найдем ее, мы нальем полное ведро и принесем ему; пусть он полежит пока, а потом идет по нашим следам. Он пытался поднять руку, что-то сказать, но я разобрал одно только „Аллах“! Я сознавал, может быть сознавал и он, что мы больше никогда не увидимся!

„Сердце мое обливалось кровью, упреки совести мучили меня, когда я отошел от этого человека, умиравшего по моей вине.

„Я попрощался и с Джолчи, и ему посоветовал идти по следам каравана: это было для него единственное средство спасти жизнь. Я не сказал ему ни слова упрека ни за то, что он обманул нас, уверяя, будто отлично знаком с пустыней, ни за то, что он не наполнил резервуаров около озера, ни за то, что он украл у нас воду. Упреки могли только бесполезно отравить последние часы его жизни...

„Мы двинулись в путь. Джолдаш, худой, как скелет, следовал за нами. Мы шли медленно, отчаянно медленно, но все-таки оставляли за собой один высокий холм за другим. Наконец, еще один верблюд пал. Он сразу протянул ноги и принял позу умирающего. Мы переложили его груз на белого верблюда, который казался сильнее. Мы отвязали умирающее животное от веревки, соединяющей его с передним, но оставили ему его колокольчик. С остальными четырьмя верблюдами мы продолжали путь. Ночь была непроглядно темная. Звезды ярко блистали в чистом воздухе, но свет их был слишком слаб: он не мог показать нам неровностей почвы. Мы беспрестанно натыкались на стены песку. Силы верблюдов были истощены. Даже холодный ночной воздух не мог оживить их. Они то и дело останавливались; то один отставал, то другой. Веревка, связывавшая их, развязывалась. Мы не скоро замечали, что не все они налицо, и должны были возвращаться искать отставших.

„Ислам-бай совсем изнемог, у него были сильнейшие спазмы в желудке и припадки страшной рвоты. Он иногда кидался на песок и прямо выл от боли.

„Так мы ползли в темноте, словно какие-то черви. Но я понимал, что брести таким образом, наугад, не имеет смысла. Я слез с верблюда, зажег фонарь и пошел вперед, стараясь отыскивать более удобные переходы через гигантские песчаные холмы. Я нес с собой ком-

пас и шел прямо на восток. Фонарь бросал слабый свет на откосы холмов. Мне часто приходилось останавливаться и поджидать остальных. Около 11 часов я перестал слышать звон колокольчика. Ночная тьма и мертвое молчание окружали меня со всех сторон. Я поставил фонарь на вершину холма и попробовал заснуть; но сон бежал от глаз моих. Я сел и, затаив дыхание, прислушивался, не услышу ли я хоть слабые звуки. Я жадно глядел на восток, не мелькнет ли огонек пастушечьего костра на берегу Хотан-Дарьи. Ничего!.. Все было темно и безмолвно как могила.

„Наконец, вдали послышался звон колокольчика, он звонил редко, но все приближался. Когда караван дошел до вершины холма, на котором я сидел, Исламбай упал на землю около фонаря и прошептал, что не может сделать больше ни шагу, что силы окончательно оставили его.

„Я видел, что настает последний акт в ужасной драме нашего путешествия и что скоро все будет кончено. Я решил все бросить и спешить на восток, пока хватит сил. Ислам прошептал чуть слышным голосом, что не может идти со мной. Он просил позволения остаться с верблюдами и говорил, что умрет на этом месте. Я старался ободрить его и уверить, что силы вернутся к нему, когда он полежит часа два; я приказал ему, когда он почувствует себя лучше, бросить все и идти по моим следам. На это он ничего не ответил: он лежал на спине с открытыми глазами и открытым ртом. Я попрощался с ним и ушел в полной уверенности, что ему осталось недолго жить.

„Я взял с собой только два хронометра, колокольчик, компас, перочинный нож, карандаш, лист бумаги, коробочку спичек, носовой платок, коробочку омаров да круглую коробочку шоколаду; еще захватил нечаянно с полдюжины папирос. Касим, который был еще бодр, захватил еще заступ, ведро и веревку, на случай, если нам придется рыть колодезь. В ведро он положил овечий курдюк, несколько кусков хлеба и кусок запек-

шейся овечьей крови. Второпях он забыл свою шапку, так что утром мне пришлось отдать ему свой носовой платок, который он обвязал вокруг головы в защиту от солнца“.

Г Л А В А XV.

Вперед с мужеством отчаянья. — Первый куст тамариска. — В лесу. — Касим изнемог. — Вода, вода! — Спасительные сапоги. — Скорее к людям.

„Ровно в полночь мы с Касимом покинули последние остатки каравана, который всего несколько дней тому назад имел такой внушительный вид. Мы в буквальном смысле потерпели крушение и, бросив наши корабли пустыни в добычу безжалостному песчаному морю, пытались вплавь добраться до берега. Наши четыре верблюда лежали безмолвно, неподвижно, покорно, словно жертвенные ягнята. Они тяжело дышали, вытянув длинные шеи на песке холма. Ислам-бай не взглянул на нас, когда мы уходили; но Джэлдаш проводил нас удивленным взглядом. Он наверно думал, что мы скоро вернемся и, может быть, принесем воды, так как караван оставался на месте, а мы до сих пор никогда не отходили далеко от каравана. Я поставил зажженный фонарь около Ислама, и он несколько времени служил нам маяком, помогая определять пройденное расстояние и направлять шаги на восток. Но бледные лучи его скоро скрылись за холмами, и темная ночь поглотила нас“.

Всю ночь и все следующее утро одинокие путники бодро шагали вперед, останавливаясь только немножко отдохнуть. Но около полудня жар стал настолько силен, что у них потемнело в глазах, и они упали в полном изнеможении. Чтобы немного прохладиться, они вырыли себе ямы на северном склоне холма, разделись до-нага и зарылись по шею в песок, еще не успевший нагреться

после ночного холода. Это, действительно, освежило их, и, переждав жар, они снова двинулись в путь. Поздней ночью они остановились, поспали часика три и снова в путь. В это утро угасавшие надежды их снова оживились. Касим вдруг остановился и молча указал на восток. Глаз европейца ничего не мог различить там, где киргиз ясно видел зеленый куст. Путники на время забыли усталость, не обращали внимания на крутизну подъемов и спешили к этому кусту, как к якорю спасения. Добравшись, наконец, до него, они стали, точно животные, жевать его молодые веточки и затем с наслаждением разлеглись под его скудной тенью.

Между тем и холмы стали заметно понижаться, между двумя из них путники нашли несколько клочков травы, а дальше опять виднелись кустики тамариска. Снова провели они день, зарывшись в песке, а вечером набрали на три дерева тополя, росшие рядом. Они попытались вырыть около них колодец, но это было выше их сил: заступ выпадал у них из рук, колени их подкашивались. Вместо этого они собрали сухие ветки и листья, валявшиеся под деревом, и разложили большой костер: им хотелось, таким образом, подать сигнал Ислам-баю, если он еще был жив, и привлечь внимание людей, которые могли быть на берегу Хотан-Дарьи. Касим изжарил кусочек бурдюка, но с большим трудом мог съесть его. Гедин нашел, что и омары также не проходят в горло, и они побросали всю свою провизию, как совершенно бесполезную. На следующий день, 4 мая, ходьба казалась обоим путникам страшно тяжелою. Сон не подкрепил их сил, которые быстро слабели, ноги их дрожали и заплетались, им часто приходилось останавливаться и отдыхать. К довершению неприятности, им больше не попадалось деревьев, а кусты тамариска росли так редко, что от одного не видно было другого. Ужасная мысль приходила им в голову: они попали в ложбину, а за ней снова потянется прежняя холмистая пустыня! Уныние лишило их последних сил. Они упали под куст тамариска

и пролежали весь день на солнцепеке, не говоря ни слова, почти не шевелясь. Когда знойное солнце зашло, наконец, и распространилась вечерняя прохлада, Касим безнадежно махнул рукой, давая понять, что все кончено. Гедин, несмотря на слабость и усталость, двинулся вперед один и шел, пока ноги его не подкосились окончательно. Он упал под куст тамариска и задремал. Но что это? песок зашуршал... шаги...

— Ты это, Касим?

— Я, господин! Я отдохнул и пошел по вашим следам.

Эта встреча несколько ободрила несчастных путников, и, отдохнув немного, они, несмотря на ночную тьму, пошли дальше. Им приходилось делать невероятные усилия, чтобы бороться с усталостью и сонливостью. Когда им попадались холмы с крутыми спусками, они сползали с них и затем несколько времени ползли на четвереньках. Ими овладело какое-то вялое равнодушие, они как-то инстинктивно продолжали бороться за жизнь. И вдруг на склоне одного холма они ясно увидели следы человеческих шагов. Это сразу оживило их. Следы были свежие, — очевидно, люди где-нибудь близко! Они взошли по следам на верхушку холма, где песок был более твердый и где они вырисовывались вполне ясно. Касим опустил на колени, чтобы лучше разглядеть их, и вдруг проговорил упавшим голосом:

— Да ведь это наши следы!

Сомнения не было! Отпечаток сапог был совершенно ясен, а рядом видны были ямки от заступа, на который опирался Касим вместо палки. Значит, они кружились около одного и того же места! Было отчего прийти в отчаяние! К счастью, Гедин вспомнил, что только в самый последний час, одолеваемый усталостью, он перестал смотреть на компас. Во всяком случае, они не в состоянии были идти дальше и должны были поспать часа два.

„На заре мы проснулись, — рассказывает Гедин, — и поплелись дальше. На Касима страшно было гля-

Первый куст тамариска.

деть. Язык у него был белый, сухой и опухший, губы синие, щеки ввалившиеся, глаза мутные. Его мучила судорожная икота, от которой вздрагивало все его тело; он с трудом держался на ногах, но все-таки не отставал от меня. Горло у нас пересохло и горело как в огне. Нам чудилось, будто все наши суставы скрипят и готовы загореться от трения при ходьбе. Глаза наши были до того сухи, что мы с трудом могли открывать и закрывать их.

„Когда солнце взошло, мы устремили жадные глаза на восток. На горизонте виднелась не зубчатая линия, образуемая бесконечными грядами холмов, а темная полоса с еле-заметными неровностями. Какая радость! какое счастье! Это, несомненно, был лес на берегу Хотан-Дарьи! Наконец-то мы близки к цели!

„Вскоре после этого мы вышли на „дере“ — гладкую ложбину, на которой росло несколько тополей. Я был уверен, что это старое русло речки, значит, вода должна находиться не на большой глубине. Мы еще раз попробовали взяться за заступ, но у нас опять-таки не хватило сил вырыть колодец, и мы поплелись дальше на восток. За ложбиной тянулась полоса голого, сухого песку, а за ней сразу начинался большой, густой лес. Деревья были покрыты свежей листвой, распространявшей тень и прохладу. Приложив руку ко лбу, я стоял очарованный этим чудным зрелищем. Мне трудно было прийти в себя: я был ошеломлен, я точно пробудился от ужасного сна, от мучительного кошмара. Целые недели мы, умирая медленною смертью, тащились по пустынным пескам, и вдруг!.. Куда ни обращался взор, всюду жизнь и весна, пение птиц, чудные ароматы, зелень всех оттенков, прохладная тень и между стволами лесных патриархов бесчисленные следы диких животных: тигров, волков, лисиц, антилоп... В воздухе жужжали мухи и комары, жуки стрелой проносились мимо нас, с каждой ветки раздавалась утренняя песня птицы. Лес становился все гуще и гуще; местами стволы тополей были обвиты лианами; нам часто

В поисках за водою.

преграждали путь упавшие деревья, кучи сухого хвороста и валежника, густые, колючие кустарники. Минував эту чашу, мы заметили между деревьями слабые следы человеческих ног и лошадиных копыт. Мы пошли по ним, и они повели нас на юг. Между тем жар становился невыносимым, и в десятом часу мы легли под тенью тополей. Я вырыл себе руками яму между корнями их, лег в нее и пролежал таким образом весь день, ворочаясь с боку на бок, но не заснув ни на минуту. Касим лежал, растянувшись на спине, и даже не приходил в себя, когда я его тряс. День казался мне бесконечным. Я был уверен, что река где-нибудь близко, и томился нетерпением добраться до воды. В семь часов я оделся и позвал Касима идти за водой. Но он покачал головой и знаком показал мне, чтобы я шел один, напился и ему принес воды, иначе он умрет. Тогда я взял заступ, снял железный налопатник и повесил его на сук, свешивавшийся над тропинкой, чтобы легче найти это место, а древко захватил с собой в виде посоха. Я двинулся по лесу, направляясь опять прямо на восток; раза два-три я чуть не завяз в чаще колючих кустарников; я изорвал себе платье, исцарапал руки. Толстые корни и свалившиеся деревья беспрестанно преграждали мне путь. Я чувствовал страшную усталость. Сумерки сгущались. Стало совсем темно. Мне было невыразимо трудно преодолевать сонливость. И вот, вдруг, совершенно неожиданно, лес кончился, и к востоку открылась равнина, покрытая твердою, сухою глиною и песком. Она лежала метра на 2 ниже уровня леса; на ней не было ни следа песчаных холмов. Я сразу понял, что это должно быть русло Хотан-Дарьи. Но песок здесь был так же сух, как среди пустыни; русло реки было безводно в ожидании летнего притока с гор. Неужели же мне суждено умереть около той самой реки, к которой я так стремился? Нет, это невозможно! Я вспомнил, как Яркенд-Дарья постоянно уклоняется к востоку, — может быть, Хотан-Дарья обладает тем же свойством,

и у восточного берега ее я найду более глубокие места русла, где сохранилось сколько-нибудь воды. Я повернул на юго-восток. Почему я это сделал? Не знаю. Может быть, меня притягивала луна, которая сияла на юго-востоке и обливала своими бледными лучами безмолвную окрестность. Опираясь на древко заступа; я твердою поступью перебирался на противоположный берег русла. Повременам меня охватывала страшная сонливость, но я боролся с ней: я боялся, что если засну, то больше не проснусь. Пульс мой был страшно слаб, я еле различал его биение. Я прошел 2½ километра, и очертания противоположного берега стали ясно вырисовываться передо мною. Он был покрыт лесом, я различил заросль кустов и тростника. Мне оставалось до него всего несколько шагов, как вдруг дикая утка, встревоженная моим приближением, взлетела около самых моих ног. Я услышал плеск воды и через минуту стоял на краю озерка с свежей, чистой, чудной водой!

„Никакое перо не в состоянии описать тех чувств, какие охватили меня! Я вынул из кармана жестянку из-под консервов, наполнил ее и выпил! Какая вкусная вода! Это может понять только тот, кто умирал от жажды. Я тихонько, не торопясь, подносил жестянку ко рту и пил, пил, пил. Какое наслаждение! Какое блаженство! Никакое вино, никакой нектар богов не могли быть вкуснее этой воды! Я, наверное, выпил сразу бутылок пять или шесть. В жестянку входило около стакана, а я раз двадцать наполнил ее. Мне и в голову не приходило, что пить сразу так много может быть вредно. Впрочем, я и не чувствовал никаких дурных последствий от питья, напротив, эта чистая, холодная вода вливалась в меня новые силы; все сосуды и ткани моего тела, точно губка, впитывали в себя живительную влагу. Пульс мой снова окреп, кровь свободно потекла по жилам; сморщенные, засохшие, одеревяневшие руки начали разбухать; жесткая, как пергамент, кожа сделалась снова мягкой и

упругой, на лбу появилась испарина. Одним словом, я чувствовал, что все мое тело вновь оживает, приобретает новые силы. Это были чудные, незабвенные минуты“.

Вполне насладившись счастьем возвращения к жизни, путешественник вспомнил о своем товарище, умиравшем в лесу. Несчастный Касим не в состоянии был пройти трех километров; надо было снести ему воду, но в чем? конечно, не в жестяной коробке: этого было бы слишком мало! Гедин придумал вот что: у него были шведские, непромокаемые сапоги; он налил их доверху водой, продел в ушки древко от заступа, надел его на плечо, точно коромысло, и таким образом зашагал обратно через русло реки в лес. Пока он шел по руслу, ему не трудно было при свете месяца различать собственные следы, но когда он вошел в лес, дело пошло хуже. Лунный свет не проникал сквозь чащу, ноги его в тонких чулках беспрестанно кололись об иглы и щепки. Следов совсем не было видно. Он попробовал освещать себе путь спичками, попробовал звать Касима, — никто не откликнулся. Тогда он развел большой огонь в надежде, что больной увидит его и подаст какие-нибудь признаки жизни. Напрасно! В лесу все было тихо и совершенно темно. Бродить наугад в этой темноте было, конечно, нелепо. Гедин лег около своего потухавшего костра и решился дожждаться рассвета. С первыми проблесками зари он встал и прежде всего осмотрел свои сапоги. Они стояли целы и невредимы, ни капли воды не просочилось сквозь них. Следы найти было не трудно, и через несколько минут он был около Касима. Больной лежал в прежнем положении и посмотрел на Гедина безумными глазами. Узнав его, он прошептал:

— Я умираю!

— А не хочешь ли воды? — спросил Гедин спокойно. Он покачал головой и снова впал в забытие. Гедин поставил сапоги около него и стал нарочно трясти один из них, чтобы вода плескалась. Услыша этот

Гедин, несущий воду Касиму.

звук, Касим вздрогнул и как-то дико вскрикнул. Гедин поднес сапог с водой к его губам, и он выпил его весь, не останавливаясь; затем он точно так же опростал второй. Вода оказала на него такое же благотворительное действие, как на Гедина. Он пришел в себя, оживился, мог разговаривать и ходить. Путники решили прежде всего направиться к своему озерку, чтобы там еще напиться и выкупаться. Касим все еще был не тверд на ногах, часто останавливался и присаживался отдохнуть. Гедин горел нетерпением скорее отыскать людей, кроме того и голод начинал мучить его. Поэтому он вывел товарища на верную дорогу к воде, а сам пошел вперед, вымылся, выкупался, немножко отдохнул и, не ожидая Касима, отправился вдоль берега на юг.

Недалеко удалось ему уйти. В десятом часу поднялся страшный вихрь, тот черный буран, который он уже испытал в пустыне, и ему пришлось укрыться от него в лесной чаще. К вечеру, когда ветер стих, он развел большой костер, а ночью пошел дальше на юг по руслу реки. По дороге он встретил еще несколько луж воды, так что мог утолять жажду; но голод сильно мучил его. Чтобы сколько-нибудь заглушить его, он жевал молоденькие листочки деревьев, проглотил даже несколько головастика. Весь следующий день он продолжал свое одинокое путешествие, останавливаясь отдыхать только во время сильной жажды. Людей все не было и следа. Он пересек неширокий лес и по правую и по левую сторону реки, но нигде не видно было не только проезжей дороги, даже тропинки. Уже 8 мая, под вечер, он наткнулся среди русла реки на два островка, покрытые лесом и кустарником. Между островком и берегом реки ясно виднелись следы двух босых людей и четырех ослов. Это оживило одинокого путника.

Гедин поит Касима.

Г Л А В А XVI.

Пастухи и их шалаш. — Добрая весть. — Неожиданная радость. — Жизнь в беседке. — Экспедиция в пустыню. — Снова в путь. — Еще смерть. — Ак-су и дорога в Кашгар.

„Сумерки начинали окутывать своими тенями безмолвную окрестность, — рассказывает Гедин, — когда, проходя около мыса, вдававшегося в реку, я вдруг услышал какой-то странный звук. Я остановился, притаил дыхание и прислушивался. Все снова затихло. Я подумал, что это наверно дрозд или какая-нибудь другая птица, которая уже не раз обманывала меня и заставляла останавливаться. Но нет! раздался крик, а затем несмелое мычанье коровы. Звуки эти показались мне слаще самого чудного пения. Я поспешил надеть на ноги свои мокрые сапоги, чтобы меня не приняли за сумасшедшего, и чуть не бегом пустился туда, откуда слышались эти звуки. Я пробирался сквозь колючие кустарники и густые заросли камыша, перескакивал через поваленные деревья, спотыкался, падал и снова бежал. Чем дальше я шел, тем яснее слышались голоса разговаривавших людей и блеяние овец; наконец, через просеку в чаще я увидел целое стадо и пастуха с длинной палкой в руках. Когда я подошел к нему в своих лохмотьях и синих очках, он был поражен и испуган. Должно быть, он принял меня за лешего или за злого духа пустыни, нечаянно зашедшего сюда. Он стоял как пригвожденный к месту и смотрел на меня во все глаза. Я приветствовал его обычным: „селям алейкум!“ (мир вам) и начал вкратце объяснять, как попал сюда. Но он быстро повернулся и убежал в лес, оставив стадо на произвол судьбы.

„Через несколько минут он вернулся с другим пастухом, постарше и поумнее. Я приветствовал его также словами: „селям алейкум!“ и рассказал ему исто-

рию своего путешествия по пустыне. Когда я сказал, что не ел целую неделю, и попросил у них кусочек хлеба, они свели меня в свой маленький шалаш, сплетенный из ветвей. Я сел на рваный войлок, и младший пастух принес мне деревянный поднос со свежим маисовым хлебом. Я поблагодарил их и начал есть; но когда я откусил несколько кусков, мне вдруг сделалось дурно. Пастухи дали мне козьего молока, которое я выпил с удовольствием. После этого они ушли и оставили меня с двумя большими собаками, которые все время лаяли на меня.

„Когда стемнело, оба пастуха вернулись в шалаш вместе с третьим товарищем. На ночь они заперли стадо в загон, чтобы обезопасить его от нападения тигров и волков. Я лег спать вместе с ними под открытым небом, около большого костра. На рассвете пастухи ушли со своим стадом. Шалаш их стоял на маленьком холмике, у опушки леса, и между деревьями открывался вид на русло Хотан-Дарьи. Недалеко от шалаша река образовала заливчик, в котором была свежая вода. Кроме того, пастухи вырыли еще колодец, так что у них был достаточный запас чистой, хорошей воды. Около полудня они вернулись, чтобы провести со стадом жаркую пору дня у колодца“.

Эти пастухи пасли стада, принадлежавшие одному хотанскому баю (богачу). Они проводили лето и зиму в лесу, получая за свой труд самое ничтожное вознаграждение. Когда подножный корм на одном месте был съеден, они переходили на другое и строили себе новый шалашик. Питались они исключительно маисовым хлебом, водою и чаем. Хлеб этот они пекли из маисовой муки, замешенной на воде с солью. Когда к вечеру пастухи опять погнали стадо на пастбище, оставив Гедина одного, мимо него проехал караван, состоявший по меньшей мере из сотни ослов, нагруженных рисом. Купцы, сопровождавшие караван, не заметили путешественника, но затем, встретив пастухов и услышав рассказ о нем, они вернулись к нему.

Гедин пригласил их сесть, вступил с ними в разговор и услышал от них очень приятную весть. Накануне, когда они ехали левым берегом реки, им встретился человек, скорее похожий на мертвеца, чем на живого; он лежал неподвижно около белого верблюда, который щипал траву. Они остановились и спросили, что с ним. Он мог только прошептать: „су! су!“ (воды, воды). Один из купцов съездил к ближайшему озерку и привез целый кувшин воды. Умиравший — Гедин сразу догадался, что это был Ислам — выпил весь кувшин сразу. Затем купцы дали ему хлеба, изюма и орехов. Он ожил, рассказал им, как попал в такое горестное положение, и умолял их разыскать его господина и дать ему возможность доехать до Кашгара. Купцы все время высматривали путешественника и теперь предложили ему взять одну из лошадей и отправиться в Хотан. Гедин поблагодарил их от души, но решил, что не двинется с места, пока не увидится с своим верным Исламом. Тогда купцы распрощались с ним, наделив его пшеничным хлебом и дав ему взаймы несколько денег, которые он обещал возвратить им в Кашгаре.

На следующий день дул сильный ветер, вздымавший облака пыли. То напряжение, в каком жил все последнее время Гедин, не могло не отозваться на его здоровье. Он чувствовал себя слабым, разбитым и весь день спал в шалаше. На закате солнца его вдруг разбудил рев верблюда. Он быстро выбежал из шалаша. Один из пастухов вел белого верблюда, а сзади шли Ислам-бай и Касим. Завидев Гедина Ислам со слезами радости бросился перед ним на колени и обнимал его ноги. Гедин, сам не менее взволнованный, поднял его и старался успокоить.

Вьюк белого верблюда состоял из двух переметных сум. В одной из них были некоторые научные инструменты, рисунки, дневник путешествия, бумага, перья и т. п., в другой китайское серебро, фонарь, чайник, папиросы и разные мелочи. Кроме того, Ислам привез

два ружья, завернутые в войлок. Поевши и немного отдохнув, Ислам рассказал свою историю. Второго мая он пролежал несколько часов на том месте, где его оставили товарищи, потом он собрался с силами и, хотя очень медленно, но все-таки поплелся по их следам, ведя за собой всех четырех верблюдов. Вечером третьего мая он заметил вдали их сигнальный огонь, и это придало ему бодрости. Утром четвертого мая он дошел до трех тополой и видел следы неудачной попытки вырыть колодец. Но так как день был страшно жаркий, то он провел его почти весь в тени. Своим топором он сделал надрез на коре одного из деревьев, собрал в чашку сок и выпил его; это несколько утолило его жажду и подкрепило его. Пятого мая он продолжал идти по следам и на следующий день подошел к первому пересохшему руслу. Там молодой верблюд, который был развьючен, убежал от него и самостоятельно направился на восток; там же исчез и Джолдаш, который до тех пор, хотя с трудом, но тащился за караваном. Седьмого мая Богра, верховой верблюд, упал, а через час упал и Нэр, который нес часть инструментов, сигары, чай, сахар и т. п. Наконец, Исламу удалось с одним белым верблюдом добраться до реки; но когда он увидел, что она суха, он впал в отчаяние и лег, решившись спокойно ждать смерти. Это было утром восьмого мая; а около полудня мимо него проезжали купцы, напоили, накормили его и спасли ему жизнь. Вскоре после этого он встретил Касима, и они вместе пошли искать Гедина по дороге в Хотан.

„Таким образом, — замечает Гедин, — Ислам-бай оказался настоящим героем. Мы с Касимом думали только о спасении своей собственной жизни, а он употребил все усилия, чтобы спасти ту часть моих вещей, которыми я особенно дорожил. Благодаря ему, я получил возможность продолжать свое путешествие по тому плану, который раньше составил. В этот вечер мы устроили около пастушьего костра „роскошный“ пир в честь нашего спасения из когтей

пустыни. После долгих переговоров пастухи согласились продать нам овцу. Ее тотчас освежевали. Я поел поджаренных почек, а другие варили для себя в котле какие-то лакомые кусочки“.

Подножный корм был весь съеден в этом месте, и пастухи решили перекочевать на другие пастбища, на правом берегу реки. Гедин со своими спутниками последовал за ними. Они навьючили свое имущество на белого верблюда, а сами пошли пешком. Местом стоянки выбран был небольшой холм на берегу реки, поросший старыми тополями, окруженный кустами и камышом. Между двумя тополями устроили из ветвей беседку для Гедина. Пол устлали войлоками, вместо стола поставили ящик из-под папирос, подушкой служил ему полотняный мешок с деньгами. Ислам и Касим устроились под третьим тополем, поближе к костру. Пастухи со своим стадом расположились в соседних камышах.

На следующий день на русле реки показался небольшой караван, ехавший с севера. Ислам и Касим выбежали на берег и зазвали купцов. Оказалось, что эти купцы гнали на продажу в Хотан лошадей, ослов и коров. Гедин купил у них трех хороших лошадей с седлами и полною упряжью, мешок маиса для корма лошадям, мешок пшеничной муки для людей, сапоги Исламу, небольшое количество чая, котел и две-три фарфоровые чашки. Благодаря этим покупкам, он мог снова пуститься в путь и снарядить экспедицию для отыскания вещей, оставленных в пустыне. Сам он был еще слишком слаб, чтобы принять участие в этой экспедиции; но Ислам и Касим с удовольствием согласились на нее. В помощь им Гедин пригласил еще двух туземцев-охотников, которые приходили в эти леса издалека, чтобы стрелять маралов (олений). Караван состоял из трех лошадей и верблюда. Из запасов взяты были: хлеб, мука, баранина, три тыквенные бутылки и козий бурдюк с водой. Ахмет, старший охотник, шел пешком, с ружьем за плечами, остальные трое ехали верхом.

Гедин остался один в своей беседке. Пастухи приносили ему три раза в день хлеб и молоко; все остальное время он был предоставлен себе. Он занимался приведением в порядок и дополнением тех записей, какие сделал во время путешествия по пустыне, и мог вполне отдохнуть среди этой однообразной, мирной жизни. Впрочем, однообразие ее нарушалось довольно часто проездом караванов и в Хотан и в Ак-су. Три дня брел он вдоль русла реки и не встретил ни одной живой души, а тут, как нарочно, беспрестанно стали проходить караваны, и купцы обыкновенно заходили к нему в беседку. Разговоры с ними доставляли большое удовольствие путешественнику. От них он узнавал много нового и интересного о местных нравах, о торговле в этой стране, о реке, о климате и проч. Оказалось, что слухи о его переходе через пустыню и о чудесном спасении уже облетели всю местность от Ак-су до Хотана; о нем говорили на всех базарах и с нетерпением ждали его появления.

Через неделю вернулся Ислам с товарищами. Выехав из леса, они направились прямо на запад; но зной стоял такой удушливый, что они не решились углубляться в пустыню и не добрались до того места, где была оставлена палатка. Одно, что им удалось спасти, был вьюк, оставленный Исламом около трех тополей. Около этого же места они видели труп Богры. Странно было, что они не нашли ни трупа другого павшего верблюда Нэра, ни его вьюка, в котором содержались разные научные инструменты, полевой бинокль, револьверы, сигары, патроны и проч. Место, где Ислам оставил Нэра, легко было узнать по кусту тамариска, к которому Ислам привязал свой пояс. Тамариск они нашли, но вместо пояса на ветвях его висел лоскуток войлока. Кроме того, около куста виднелись следы человеческих ног в сапогах, между тем как Ислам шел босиком. Ахмед заметил в лесу следы верблюда и пошел по ним. Но они привели его к молодому верблуду, который вырвался на свободу и убежал

от Ислама. Ему, очевидно, удалось добраться до воды, и за эти десять-двенадцать дней свободной жизни в лесу он отлично отъелся. Но, с другой стороны, он совсем одичал, так что Ахмету с большим трудом удалось поймать его.

Потеря важных научных приборов и невозможность на месте достать разные нужные вещи заставили Гедина отказаться от прежнего намерения отправиться сразу в Тибет. Он решил съездить прежде в Кашгар и запастись там всем необходимым для экспедиции. Ехать в Кашгар он хотел на Ак-су, хотя этот путь был длиннее.

Двадцать третьего мая караван готов был к выступлению после своего продолжительного привала. Гедин поблагодарил пастухов за их гостеприимство и подарил каждому из них по тридцать тенег (около семи довоенных рублей), чем они остались очень довольны. Караван состоял из трех лошадей и двух верблюдов.

„Наш старый колокольчик,—замечает Гедин,—звенел теперь громко и весело, призывая не к похоронам, а к новой жизни, к новым надеждам.“

Дорога в Ак-су шла большею частью по руслу Хотан-Дарьи. Лесом ездят только в конце лета, во время полноводья, когда, благодаря горным потокам, Хотан-Дарья становится настоящею, широкою, глубокою рекой. На пути им встретились один-два каравана да несколько пастухов, кочевавших со своими стадами; но за целую неделю они не видали ни одного селения. Только оставив русло Хотан-Дарьи и свернув на северо-запад, они в некотором расстоянии от Ак-су, наконец, встретили селение Абат, имеющее около тысячи домов. Здесь живет бек, китайский чиновник, сборщик податей, и есть удобный караван-сарай, где путешественники могли остановиться. Следующий день, 1 июня, им все время пришлось ехать по дороге, окаймленной с обеих сторон канавами и обсаженной тузовыми деревьями и ивами. Затем они выехали на большую Кашгарскую дорогу, переправились через Ак-су-Дарью,

миновали китайский город Янги-шар, обнесенный крепостными стенами, и третьего июня были в магометанском городе Ак-су. Там Магомет-Эмин, аксакал (старшина) купцов западного Туркестана, встретил путешественников самым приветливым образом, отвел им удобное помещение в собственном доме, а верблюдов и лошадей отослал в ближайший караван-сарай.

Последние три дня белый верблюд был нездоров. Он ничего не хотел есть, пожевал только немножко белого хлеба и жалобно ревел, когда кто-нибудь подходил к нему, точно боялся, что ему сделают больно. „Утром 4 июня, — рассказывает Гедин, — ко мне вошел Касим с грустным видом и сообщил, что Ак-тюя очень плох. Я поспешил к нему и увидел, что бедный верблюд лежит во дворе на боку, подогнув под себя ноги и вытянув шею. Он дышал тяжело и после нескольких глубоких вздохов околел у меня на глазах. Это был тот верблюд, на котором Ислам вывез из пустыни разные дорогие мне вещи. Понятно, как огорчила меня его смерть! Всю дорогу до Ак-су я при каждой остановке подходил к нему и ласкал его; но он всякий раз отворачивался от меня и стонал, как будто понимал, что я виновник тех страданий, какие ему пришлось вынести. В то утро, когда он умер, во дворе караван-сарая была необычная тишина. Это был праздник байрама, и в этот день караваны не приходят и не уходят, все обычные работы прекращаются, никто не сидит у себя дома. Все гуляют. Улицы и базары кишели новыми халатами самых ярких цветов, пестрыми шапками, белоснежными тюрбанами. Все казались веселыми и довольными; самый простой работник получает в этот день от своего хозяина подарок. С высоты минаретов звучнее обыкновенного раздаются молитвенные возгласы муэззина. Какой контраст представляла эта пестрая картина жизни и уличного веселья с тем, что происходило на тихом дворе, где лежал мой мертвый верблюд. Я чувствовал, как будто потерял верного друга, друга, на которого мог вполне поло-

житься, который пожертвовал своим здоровьем и даже жизнью, чтобы оказать мне услугу!

„Его товарищ, молодой верблюд, которого охотник Ахмет поймал в лесу, оставил свои ясли, подошел к нему и долго, с удивлением глядел на него. Затем он спокойно вернулся к своим яслям и снова принялся с аппетитом пережевывать сочную траву, наполнявшую их. Это был последний из моих восьми верблюдов. У меня не хватало духа продать его, не зная, в чьи руки он попадет. Хозяин караван-сарая говорил, что, пожалуй, и он тоже скоро околеет вследствие тех лишений и трудов, какие перенес. В конце концов я подарил его аксакалу, с условием, что он даст ему летом отгуляться.

„Мы прожили три дня в Ак-су, приготавливаясь к дороге в Кашгар, и я имел отчасти возможность ознакомиться несколько с городом Белой воды (Ак-су), названным так вследствие массы чистой, свежей воды, которая притекает к нему с вечных снежных полей и ледников. Город расположен на левом берегу Ак-су-Дарьи; летом это очень многоводная река, зимой она пересыхает, и остающаяся в ней вода замерзает. На востоке, недалеко от города возвышаются отвесные скалы; с остальных сторон вокруг него раскинуты деревни, плодоносные поля и луга, великолепные сады и целая сеть водопроводных каналов. Рис, пшеница, маис, ячмень, хлопок, опиум и разные плоды разводятся здесь с большим успехом. Ак-су, имеющий 15.000 жителей, вдвое меньше Кашгара, но по своей производительности стоит гораздо выше его. Кроме туземцев, в городе живет много китайцев, и есть купцы из русского Туркестана, которые ведут торговлю шерстью, хлопком и кожами, отправляя свой товар в Ташкент большими караванами на верблюдах.

„В Ак-су, как и во всем магометанском мире, существует обычай праздновать первые дни байрама парадными обедами, на которых съедается невероятное количество аша (пилав) и шурпы (суп с зеленью и макаронами)“.

Так как Гедин в дороге потерял все свое платье, то он купил себе в Ак-су костюм полу-китайский, полу-сартский и также одел заново Ислама и Касима. Для путешествия в Кашгар, до которого было всего 450 килом., он нанял четверку лошадей в прибавку к своим трем, и седьмого июня новый караван выступил в путь. Аксакал Магомет-Эмин, отлично знавший дорогу и местные обычаи, провожал его. Восьмого июня они переехали вброд Ак-су-Дарью; при этом им объяснили, что вода прибывает, скоро для переправы устроят паром, а еще недели через четыре и паром окажется бесполезным: приток воды будет так силен, что сообщение по реке совсем прекратится. Каждый год в это время тонет с полдюжины человек, пытающихся переплыть быструю реку. На другом берегу путешественники встретили караван сотни в две лошадей и быков. Каждое животное везло по два длинных тополевых бревна, волочившихся за ним по земле. Оказалось, что несколько выше города строят вдоль левого берега Ак-су-Дарьи большую плотину и что не менее 3.000 человек занято ее сооружением. Цель этой плотины, возобновляемой каждый год,—оттеснить поток воды вправо, помешать ему размыть скалы и залить город.

Путешествие продолжалось больше двух недель. Дорога шла по довольно населенной местности. Попадались городки, села, киргизские кышлаки. Кругом тянулись по большей части хорошо возделанные поля и богатые пастбища, только около самого Кашгара появились пустынные степи.

В Кашгаре старые друзья встретили Гедина с распростертыми объятиями, и консул Петровский всячески старался помочь ему снарядить караван для новой экспедиции. Жаркое летнее время путешественник решил опять провести в горах и снова отправился на Памир продолжать свои прошлогодние исследования.

ГЛАВА XVII.

Снова горы. — Среди старых друзей. — Опасная переправа. — Возвращение в Кашгар и снаряжение новой экспедиции. — Проводы. — Яркенд. — Священные голуби.

На Памир Гедин направился не по той дороге, по которой ездил раньше; он перевалил через Кашгарские горы по весьма трудному проходу Улуг-арт, среди ледников и снежных сугробов, и затем повернул прямо на юг мимо знакомых мест, Булун-куля, Каракуля, Су-баши, к китайской крепости Таш-курбан и северному подножию Гинду-куша. Оттуда он принял несколько горных экскурсий, затем перешел через Тагдумбаш-Памир („глава гор“) по перевалу Вахджир, замечательному тем, что с этого пункта реки текут по трем направлениям: Вахан-Дарья, один из истоков Аму-Дарьи, течет на запад, Тагдумбаш-Дарья на восток, к Тарилизу, а по другую сторону Гиндукуша несколько притоков Инда на юг. Оттуда он спустился к озеру Чакмактын-куль (огниво), откуда берет начало река Мургаб (в верхнем течении тоже называемая Ак-су).

В это время на Памире работали комиссии из представителей России и Англии, занятые определением пограничной черты между владениями этих двух стран. Гедин узнал, что комиссии остановились в долине Михман-джолы (дорога гостей), всего на день пути от того места, где он находился, и решил отправиться туда. Председатель русской комиссии, генерал Повалов-Швыйковский, бывший губернатор Ферганской области, был его старый знакомый; в английской комиссии у него тоже нашлись приятели, и потому обе стороны приняли его с одинаковым радушием. Около месяца прожил он среди них, и этот месяц, проведенный в обществе образованных европейцев, веселых и общительных людей, явился приятным перерывом его

Ми-дарин, комендант Таш-курґана.

скитаний по безлюдным пустыням и снежным вершинам гор.

В половине сентября он распрощался с своими русскими и английскими друзьями и направился к горам, составляющим восточную границу Памира. Ему пришлось пересечь четыре горных хребта по крутым перевалам, покрытым снегом. Спустившись с последнего из этих перевалов, он очутился в долине, пестревшей полями пшеницы, маиса и клевера. По дороге попадались селения, окруженные садами, где росли грецкие орехи, абрикосы, дыни и проч., на лугах паслись не яки, как в горных местностях, а коровы, лошади, ослы, овцы и козы. Недалеко от самого красивого из этих селений проходит река Яркенд-Дарья, через которую путникам необходимо было переправиться. Летом вода в реке так прибывает, что переправа через нее становится совершенно невозможной, и в конце сентября, хотя она уже значительно спала, быстрые зеленоватые волны ее все еще катились с глухим рокотом. На берегу путешественников ждали шесть „сучи“ (водяные люди) в широких шароварах с привязанным на груди „толумом“ (надутым козьим турсуком). Они спустили плот, состоявший из носилок, поддерживаемых дюжиной толумов. Лошадей развьючили, несколько ящиков с багажом поставили на плот и припрягли к нему лошадь. Один из сучи осторожно повел ее по воде, а другие старались поддержать в равновесии плот. Лошадь скоро потеряла почву под ногами и погрузилась в воду вся, исключая головы. Тогда сучи закинул правую руку за шею животного, а левую принялся гребсти. Всю компанию скоро подхватило потоком и с ужасающей быстротой понесло вниз, при чем сучи гребли изо всех сил. Правый берег, куда они должны были переправиться, возвышался отвесными скалами. Но ниже их была небольшая бухточка, и в нее-то гребцы и направили плот. Там они осторожно разгрузили его. На полмили ниже переправы река делает поворот, и вода устремляется к левому берегу, образуя несколько водо-

воротов. В этом и кроется опасность переправ. Течение легко может подхватить пловца и унести его к водовороту, тогда спасения нет: его как щепку разобьет о скалы и камни.

„Багаж перевезли в четыре приема, — рассказывает Гедин, — и затем настала моя очередь. Я ожидал ее с нетерпением и с тем жутким чувством, с каким мальчик, не умеющий плавать, идет в воду купаться. Плот постоянно качался на своих пузырях и каждую минут грозил перевернуться, если бы сучи не поддерживали его в равновесии. Я предпочел обойтись без лошади, и четыре человека держали плот за палки с четырех концов. Поток подхватил нас, и плот полетел с безумной быстротой. Казалось, что скалы на берегу бегут вверх по течению; панорама беспрестанно менялась, точно я смотрел из окна курьерского поезда. Искусно работая руками и ногами, перевозчики выбрались из стремнины в более тихие воды заливчика и пристали к берегу. Лошади переправились вплавь с помощью сучи. Ислам-бай тоже захотел переплыть реку верхом, но у него закружилась голова, он растерялся, перевернулся раза три среди реки, забыл, какого держаться направления, и чуть не потопил лошади, слишком нагибая ей голову. Его понесло течением, и я страшно боялся, что он разобьется в водовороте. Но, к счастью, ему удалось выбраться на берег, и весь наш караван благополучно переправился через реку. Я заплатил сучи сто тенег (около до-военн. 25 руб.), а старшине их подарил, кроме того, нож и шапку; они остались вполне довольны. Мы снова навьючили лошадей и продолжали путь по правому берегу реки. Скоро, однако, дорогу нам преградила скала, отвесно спускавшаяся к воде. Вокруг нее вырублена была, вероятно, в очень отдаленные времена тропинка, нечто вроде карниза, но край этой тропинки истерся или выветрился, так что она склонялась над обрывом, на дне которого пенилась река. Тропинку кое-как сравнивали с помощью кольев, веток и камней, но она

была так узка, что вьюки лошадей постоянно задевали за стену скалы, а в некоторых местах навьюченные лошади и совсем не могли проехать. Одна из лошадей зацепилась вьюком в узком месте, пошатнулась и неминуемо слетела бы вниз, если бы Ислам-бай не уцепился за нее во-время, а мы не поспешили бы освободить ее от вьюка.

„Двадцать шестого сентября мы сделали привал в плодородной и густонаселенной местности Ич-Бельдир. В следующий день мы вышли из горного лабиринта и еще раз переехали через Яркенд-Дарью, которая была здесь настолько не широка и не быстра, что переправа не представила ни малейшего затруднения: большой плот перевез нас всех сразу, — не понадобилось даже развьючивать лошадей. После этого мы приехали в деревню Яр-арык, орошаемую большим каналом. Направо от нас тянулись безграничные равнины и пустыни; налево, в насыщенном пылью воздухе, неясно рисовались последние разветвления гор. В следующие дни мы проехали еще через три деревни, а третьего октября прибыли в Кашгар, где генеральный консул Петровский принял меня с тем же дружелюбным гостеприимством, как и прежде. Здесь, в равнине, погода еще стояла теплая, даже душная. Резкие переходы от одного климата к другому вызвали у меня сильную лихорадку, от которой я оправился только в половине ноября.

„Все потери, сделанные мною во время несчастного странствования по пустыне, были пополнены. Из Берлина мне прислали необходимые научные приборы, а из Ташкента три ящика с платьем, консервами, табаком и проч., так что у меня было все нужное для снаряжения новой экспедиции.

„Оправившись от лихорадки и организовав новый караван, я выехал из Кашгара с тем, чтобы больше не возвращаться в него. Отъезд мой сопровождался некоторою торжественностью. Сам даотай собственной особой сделал ко мне прощальный визит с великою

помпою, в сопровождении большой свиты китайцев и слуг. Мой караван, состоявший из девяти лошадей и трех людей, под начальством моего верного Ислам-бая, выступил в путь четырнадцатого декабря 1895 г. утром; я сам с двумя слугами выехал в тот же день в полдень.

„На дворе дома консульства собралось целое общество проводить меня: генеральный консул Петровский, жена его, польский миссионер Адам Игнатъевич, пятьдесят верховых казаков и, наконец, туземцы: писаря, переводчики, слуги. Распрощавшись с моими гостеприимными хозяевами, я сел на лошадь, и мы поехали мелкой рысью по улицам города; меня провожали военные и Адам Игнатъевич. Солдаты пели, и их веселые песни звучно раздавались в узких, тесных улицах. По дороге к нам присоединился еще наш общий приятель, русско-китайский переводчик, в своей голубой повозке, и можно себе представить, каким веселым, пестрым поездом неслись мы по широкой дороге в Янги-шар, окутанные облаком пыли. В Янги-шаре мы распрощались. Я громко крикнул: — Прощайте, казаки! а они ответили мне в один голос: — Счастливого пути!“

Между Кашгаром и Хотаном всего около 530 килом., но путешественник употребил на этот путь двадцать три дня; он заезжал осматривать могилы святых, останавливался в селениях, расспрашивал жителей об их образе жизни и занятиях, снимал виды и т. п. Двадцатого декабря он въехал в двойные ворота Янги-шара (новый город), китайской части города Яркенда, а затем через Алтын-дервазе (золотые ворота) в Кохне-шар (старый город), магометанскую часть. Обе эти части Яркенда лежат на расстоянии полуверсты друг от друга и соединены длинной, широкой базарной улицей, крытой деревянным навесом и окаймленной рядами лавочек и ларей; по этой улице даже поздно вечером не прекращается оживленное движение при свете масляных фонарей. Толпы про-

хожих, крики, шум, длинные вереницы верблюдов, осторожно пробирающихся в темноте, — все показывает, что это большой город. Действительно, Яркенд с прилегающими деревнями имеет 150.000 жителей

Лю-дарин, китайский амбань.

и может быть назван самым большим городом восточного Туркестана.

На северо-восточной части Яркенда возвышается холм, с которого открывается вид на весь город. На вершине холма стоит минарет — простой навес

на двух-трех деревянных столбах; с него, раньше чем из других частей города, видно первое появление нового месяца, означающее окончание тяжелого магометанского поста рамазана. С холма видна зубчатая городская стена из высушенной на солнце глины, а внутри ее весь город: мозаика квадратных и удлиненных крыш домов, между которыми чуть заметными извилистыми линиями идут тесные переулки и улицы. Среди них резко выделяются базары, сады, отдельные купы деревьев. По другую сторону стен открывается настоящий лабиринт полей, оврагов и водопроводных каналов; а к северо-востоку вьется Яркенд-Дарья, убегающая в пустыню. Хотя город лежит около самой большой реки центральной Азии, но жители его пьют отвратительную воду. Дело в том, что воду из реки проводят путем каналов внутрь города в бассейны и резервуары. Там она застаивается, портится и засоряется, чем только возможно. Жители купаются в этих бассейнах, моют в них свое грязное белье и посуду, купают скот и собак, валят всякие отбросы и из них же берут воду для питья. Вследствие этого в Яркенде очень распространена болезнь зоб; чуть не три четверти местного населения страдают ею, и многие даже умирают от нее.

Переправившись на пароме через Яркенд-Дарью и следуя по густонаселенной, плодородной местности, путешественник приехал в город Каргалык.

За Каргалыком дорога вскоре пошла пустынной местностью. Так как здесь часто свирепствуют бураны, то по дороге на расстоянии 105 — 126 метров друг от друга стоят ряды столбов, указывающие путь. Кроме того, по всей дороге рассеяны „лянгары“ (постоялые дворы), где путешественник находит свежую колодезную воду и удобное помещение как для себя, так и для лошади. Между лянгарами возвышается штук по десяти „потаев“, глиняных усеченных пирамид метров 6 — 7 высоты, которыми китайцы размечают дорогу.

Климат здесь континентальный — зима суровая, лето знойное. С конца марта до начала осени период жестоких песчаных буранов.

Буран длится обыкновенно не больше часу, но производит страшные опустошения: вихрем уносит овец, отбившихся от стада, переносит на несколько верст ворон и других птиц, при чем они на-смерть разбиваются о попадающиеся на пути предметы.

Подвигаясь дальше по пустынной местности, путешественники находили на дороге множество мелких черепков, остатков глиняных сосудов, стеклянных осколков. Очевидно, это были следы каких-то древних городов или селений, исчезнувших с лица земли. Нынешние жители этой местности не умеют выделывать стекла; должно быть, предки их стояли на более высокой ступени цивилизации, так как в песке попадаются осколки больших и маленьких бутылок, блюдец, стеклянных изображений лотоса.

Среди песчаных барханов попадались мазары. Один из этих мазаров, в честь мусульманского святого Имам-Хакира, замечателен тем, что дает пристанище и пропитание тысячам голубей всевозможных цветов: тут есть и желтые, и сизые, и белые, и зеленоватые, и мраморные. В лянгаре устроено помещение с земляным полом, загородками и нашествиями по стенам; оно служит приютом как для путешественников, так и для голубей. Голуби стаями вылетают из узких дверей и окон и покрывают крыши домов. На крышах поставлены шесты, увешанные кожаными лоскутами для отпугивания хищных птиц. Людей голуби нисколько не боятся. По древнему обычаю, всякий путешественник, проезжающий мимо, обязан дать голубям несколько горстей маисовых зерен, и это считается в то же время жертвоприношением святому. „Мы тоже захватили с собою мешок маиса, — рассказывает Гедин. — Мы поставили его на дворе, я взял фарфоровую чашку и стал разбрасывать зерна по земле. Какое поднялось хлопанье крыльев, какое веселое воркованье! Голуби слетались

целыми тучами, некоторые садились мне на голову и на плечи; другие хватали зерно прямо из чашки и из мешка. Я должен был стоять не шевелясь, чтобы как-нибудь не наступить на них“.

Г Л А В А XVIII.

Хотан в древности и теперь. — Любезный амбань. — Остатки древней цивилизации. — Новая экспедиция в пустыню.

Пятого января путешественник въехал в ворота Янги-шара (т.-е. „Нового“, китайского города), а затем и на главную улицу Хотана. Последнюю часть пути дорога была обсажена тополевыми деревьями; по обеим сторонам ее тянулись арыки, поля и множество селений. Хотан очень древний город. О нем упоминается в китайских летописях за два века до нашей эры, как о столице богатого, цветущего и густо населенного царства. С Китаем Хотан с древних времен находится в торговых сношениях и несколько раз то бывал завоеван китайцами, то снова приобретал независимость. Окончательно присоединен к Китаю Хотан и весь восточный Туркестан в 1878 и 1879 г. В настоящее время Хотаном называется весь оазис с тремястами селениями; самый же город зовется Ильчи; когда в нем был Гедин, там было не больше 5000 жителей магометан и 500 китайцев. Место не представляет ничего интересного. Тот же хаос маленьких домиков и узких, кривых улиц, как в Яркенде. Есть несколько медресе, двадцать мечетей и множество мазаров, усердно посещаемых правоверными. Базар и здесь, как во всех магометанских городах, является главным центром городской жизни. В него упираются извилистые, кривые переулки. Там и сям виднеются открытые площади и пруды, обсаженные деревьями. Главные продукты, которыми торгует Хотан, — шелк, хлопок, белые войлоки.

виноград, яблоки, дыни, рис и овощи. Здесь вырабатываются замечательно красивые бархатные ковры. Китайцы покрывают ими столы в торжественных случаях, а в русском Туркестане их вешают на стены. Но главное значение города зависит от залежей камня нефрита, находящихся в окрестностях его. Нефрит очень ценится китайцами: из него делают ящички, кувшины, чашечки, мундштуки, браслеты и пр. Иногда искатели роются в земле по несколько месяцев и ничего не находят, а то вдруг случайно нападут на великолепные куски белого или желтого нефрита и сразу делаются богачами.

Хотанский амбань выслал навстречу путешественнику своего переводчика вместе с местным аксакалом купцов русского Туркестана. Они проводили его в приготовленное для него красивое, опрятное здание в тихой части города. В первый же день по приезде Гедин и Лю-дарин, так звали амбаня, обменялись визитами и подарками, и Лю-дарин пригласил путешественника к себе на обед. „Я встретил у него главных мандаринов города, — пишет Гедин, — и угощался такими вкусными блюдами, от которых не отказался бы ни один европейский гастроним. Между прочим подавали суп из съедобных ласточкиных гнезд, отличающийся необыкновенно ароматичным запахом. Обеды Лю-дарина вносили приятное разнообразие в мое меню, неизменно состоявшее из риса, баранины и хлеба. Кушанья, которыми угощал амбань хотанский, были совсем не то, что протухлые утки и засахаренная ветчина дао-тая кашгарского. Этот последний, вероятно, рассуждал так: они ничего не едят, так не все ли равно, что подать“.

Из Хотана Гедин сделал небольшую экскурсию в деревню Барасан, замечательную по тем остаткам древней культуры, какие находят в ее окрестностях. Поверхность почвы в этой местности состоит из наносной желтой глины, так называемого лёсса, образующей пласт в восемь метров толщины над твердою каменною

подпочвою. Сквозь этот мягкий пласт пробился ручеек, который, углубляя мало-по-малу свое русло, довел его до каменистой подпочвы. Весной и летом, когда снег тает на северных склонах Куэнь-Луня, ручей принимает размеры реки и подмывает свои лёссовые берега. Осенью, когда вода спадет, в размытой почве находят множество образчиков древнего искусства: мелкие вещицы из терракоты, бронзовые изображения Будды, камни с резьбой, монеты и т. п. Жители Хотана считают все эти вещи, если они не сделаны из золота или серебра, пустячными и приносят их детям вместо игрушек. Но для археолога они имеют громадное значение: они служат доказательством того, что древне-индийское искусство, усовершенствованное под влиянием Греции, проникало в самое сердце Азии. В январе месяце, когда Гедин посетил Барасан, ручеек представлял ничтожную канавку, и хотанцы, которые каждый год приходят на это место искать золота и драгоценностей, уже унесли большую часть находок этого года. Ему удалось найти очень немного вещей из терракоты. Но он все-таки составил себе коллекцию из 523 предметов, по большей части монет и древних рукописей, которые скупал у жителей Хотана. Предметы из терракоты исполнены замечательно искусно и, вероятно, обжигались на очень сильном огне, судя по их ярко-кирпичному цвету и необыкновенной твердости. Они изображают лошадей, двугорбых верблюдов, львов, обезьян (из породы макаков, которые водятся в Индии), а также головы людей, преимущественно женщин индийского типа. Медные и бронзовые статуэтки Будды и медали с его изображением тоже очень древнего происхождения и выделаны очень хорошо. Множество этих изображений Будды подтверждают верность сообщений китайских летописей, что в Хотане еще в 400 году нашей эры процветал буддизм, а в Барасане были буддийские храмы, привлекавшие массу паломников. В 712 г. арабы завоевали Туркестан и обратили жителей в магометанство.

Прожив девять дней в Хотане, Гедин снарядил караван, с которым решил выполнить свое давнишнее намерение еще раз пройти пустыню в другом направлении, подвигаясь к востоку до реки Керии-Дарьи. Караван его состоял из четырех людей и трех верблюдов; сверх того, он взял с собою двух ослов, чтобы испытать, насколько они пригодны для переходов по пустыне. Из людей его сопровождали, кроме Ислам-бая, некто Керим-Джан, земляк Ислама, тоже житель Оша, и два охотника: Ахмет-Мерген и сын его Касим-ахум, те самые, что помогали разыскивать в пустыне вещи, пропавшие после первой экспедиции.

„Наученный горьким опытом, — пишет Гедин, — я знал, что для путешествия по пустыне снаряжение должно быть как можно более легкое, поэтому в этот раз я брал только самые необходимые вещи, и выюки наших верблюдов были вовсе не тяжелы. Если бы нам опять пришлось бросить караван, потеря была бы не велика. Свои тяжелые пожитки и большую часть китайского серебра я оставил в Хотане, у аксакала, так как рано или поздно должен был вернуться туда; съестных припасов мы захватили всего на пятьдесят дней.

„Для моих инструментов и прочих вещей понадобился один ящик, для кухонных принадлежностей другой; кроме того, мы взяли несколько переметных сум с мукой, хлебом, рисом, сухими овощами, макаронами, сахаром, чаем, свечами, фонарями, котлом, кастрюлей и проч. Наконец, мы захватили шубы, большой спальный мешок из козьего меха для меня, несколько войлоков, два топора, два заступа, оружие и боевые припасы. Палатки и постели были отвергнуты, как излишняя роскошь. Я все время спал, завернувшись в шубу, на голой земле, вместе с своими спутниками, хотя стояла зима и температура спускалась до 22°. Но в топливе у нас не было недостатка, да и весна должна была скоро наступить.

„Мой новый приятель, Лю-дарин, находил, что трех верблюдов слишком мало, и хотел на свой собственный

Вещицы из терракоты.

счет прибавить к каравану еще двух верблюдов и двух или трех людей. Но я очень боялся обременять себя большим караваном, и хотя с трудом, но все же успел отговорить его от этого намерения. Он ограничился тем, что устроил торжественное прощанье. Когда мы выехали из города через ворота Ак-су, он поспешил вперед в ближайшую деревню и велел разбить большую красную палатку, открытую со стороны дороги и убранную по-китайски столами и стульями, покрытыми красною материей. Здесь, на глазах у собравшейся толпы народа, мы вели беседу, курили, пили чай и, наконец, дружески распрощались. Я сел на своего великолепного верхового верблюда, и под звон колокольчиков наш караван направился к северу, по левому берегу р. Юрун-каша.

„Четыре дня ехали мы по пустынной местности, прорезанной там и сям лесочками, и достигли деревни Ислам-абада, последнего населенного пункта на этом берегу реки. Мы переехали реку по крепкому льду и в близлежащем селении дали верблюдам день отдыха, а сами сделали последние приготовления перед вступлением в пустыню. К востоку перед нами тянулась широкая песчаная полоса, впрочем, значительно уже той, которую мы прошли в предыдущем году от последнего озера у подножия Ма́зар-тага до Хотан-Дарьи. На этот раз нам предстояло менее опасное путешествие: мы знали, что здесь песок не так глубок, что мы всегда можем добраться до колодца и что у нас не будет недостатка в тамарисках и тополях для топлива. Мы наняли в деревне двух проводников, которые несколько раз бывали на месте засыпанных песком городов, отыскивая золото и драгоценности; за хорошее вознаграждение они взялись проводить нас туда“.

Г Л А В А XIX.

Среди песков. — Мертвый лес. — Погребенный город. — Приятная неожиданность. — На берегу Керии-Дарье.

Девятнадцатого января мы удалились от реки и направились прямо на восток между песчаными холмами; первые дни эти холмы были не высоки, не выше двух метров, и между ними пробивалась тощая травка. На третий день холмы достигли уже высоты от пяти до десяти метров и образовали целую сеть гряд, шедших от севера к югу и от востока к западу; на местах пересечения этих гряд возвышались настоящие пирамиды песку.

„Мы шли обыкновенно часов пять-шесть в день, чтобы не переутомить животных. Каждый раз, остановившись на отдых, мы принимались за одно и то же. Два человека, не теряя времени, начинали рыть колодец; двое других выкапывали корни тамариска для топлива; Ислам приготавливал мне обед, Керим-Джан развьючивал и кормил верблюдов. Я сидел на ковре в шубе и валенках, писал заметки, снимал рисунки и измерял песчаные холмы.

„Чем дальше мы подвигались, тем выше становились эти холмы и скуднее растительность. 22 января холмы имели уже 12 м. высоты и представляли такую же картину, как в западной части пустыни: гряды их тянулись также с севера на юг, параллельно рекам Хотан-Дарье и Керии-Дарье. Во впадинах между ними мы обыкновенно находили кусты тамариска, шедшие тоже узкими рядами с севера на юг и отмечавшие те места, где вода была не на большой глубине.

„Двадцать третьего января мы в одной впадине нашли так называемый „кётек“, т.-е. мертвый лес. Серые низкие стволы и пни, хрупкие как стекло, покоробленные ветки, выбеленные солнцем корни — вот все, что осталось от старого леса. Вероятно, когда-нибудь в этом месте протекала река, может, даже Керия, которая,

по примеру прочих рек восточного Туркестана, переместила свое русло дальше на восток. Несколько тополей были еще живы, последние представители вымершей расы, последние стражники у пределов убийственных песков, оставленные и забытые товарищами, переселившимися вслед за рекой дальше на восток.

„Для нас эта полоса мертвого леса имела большое значение: проводники знали, что старый город, занесенный песком, Такла-макан, как они его называли, находился недалеко от восточного края леса. По их словам, мы должны находиться очень близко от города, и так как нам попало несколько осколков глиняной посуды, то мы решили остановиться здесь, и я послал проводников отыскивать развалины.

„Двадцать четвертого января, оставив свой лагерь без присмотра, мы все отправились к развалинам с топорами и лопатами. Я ехал на верблюде, но ехать пришлось недолго: развалины были совсем близко от нас.

„Ни один из древних городов восточного Туркестана, какие мне удалось посетить, не походил на тот оригинальный город, остатки которого лежали перед нами. Обыкновенно развалины старых городов в этой местности состоят из стен и башен, выведенных из глины, сушеной на солнце или обожженной на огне. В Такла-макане все дома были деревянные (тополевые), не было никаких следов каменных или глиняных построек. План постройки их совершенно оригинальный: большинство состояло из квадратного или удлиненного сруба, заключенного в другом срубе побольше; каждый дом, повидимому, разделялся на несколько мелких комнат. От домов остались только столбы, метра 2 — 3 высоты; заостренные наверху, они растрескались, обвештали под влиянием ветра и песку, стали очень плотными, но в то же время хрупкими, как стекло, и легко разбивались от удара. Таких разрушенных домов можно было насчитать сотни, но по ним нельзя было составить себе понятие об общем плане города, о расположении улиц, базаров и т. п. Дело в том, что весь город занимает обширную площадь

от трех до четырех килом. в поперечнике, но он находится под песчаными холмами, и теперь вышли наружу только те постройки, которые лежат во впадинах между холмами. Рыть сухой песок очень трудно, так как он немедленно снова осыпается; надобно снести целые холмы, чтобы проникнуть в тайны, погребенные под ними. Тем не менее мне удалось сделать несколько интересных открытий. В одном из зданий, которое проводники называли „будхана“ (храм Будды), уцелела часть стен, вышиною около метра. Они сплетены из камыша, связанного пучками и прикрепленного к вертикальным столбам, и обмазаны смесью глины с рубленой соломой; кроме того, они оштукатурены внутри и снаружи и украшены живописью. Эта живопись изображает женские фигуры, полуодетые, стоящие на коленях со сложенными руками, как бы на молитве, с волосами, закрученными пучком на макушке головы, и с бровями, нарисованными в виде одной непрерывной линии, с меткой над переносьем, какую и до сих пор делают индуски; и мужские фигуры с черными бородами и усами, одетые так, как и теперь одеваются персы. Далее, можно было различить фигуры собак, лошадей, кораблей, плывущих по волнам, — странное впечатление производили эти корабли среди сухой пустыни, — и массу цветков лотоса, рассеянных повсюду. Увезти кусок стены было невозможно, так как штукатурка и живопись наверно рассыпались бы в прах. Я поэтому ограничился тем, что срисовал часть рисунков и отметил размеры и цвета. Разрывая песок около стены, мы нашли кусок бумаги с надписью, которую я не мог разобрать, хотя она хорошо сохранилась. Там же мы нашли гипсовый слепок с человеческой ноги. Подобно рисункам, он был исполнен мастерски и, очевидно, принадлежал статуе Будды.

„Так как тут ничего больше нельзя было найти, то мы перешли к другому зданию. Наружные стены его были разрушены, и уцелели лишь немногие столбы; но по квадратным отверстиям и отметинам около верхушки столбов видно было, что дом или был двухэтажный или

обнесен вокруг крыши галлереей, как нынешние персидские дома и многие постройки в Хотане, Каргальке и Яркенде.

„В этом месте песок был неглубок, и лопаты наши случайно наткнулись на массу гипсовых слепков величиной от четверти до двух четвертей, плоских с изнанки, так что они, очевидно, служили для украшения стен. Они изображали Будду в разных положениях: сидящего на фоне лотосов, окруженного пламенем, стоящего с одной рукой опущенной, а другой прижатой к груди, в широких одеждах с широкими рукавами и открытой шеей, на которой виднелось ожерелье. Лица всех фигур были почти круглые, а волосы были собраны узлом на макушке. Уши были очень длинные, отвислые, как и у современных изображений Будды. Другие фигуры представляли женщин с дугообразными гирляндами на голове. Наконец, мы нашли разные обломки колонн, карнизов, цветов — все из гипса. Я захватил с собой коллекцию всех этих вещей.

„В других домах мы тоже сделали некотрые находки, хотя не настолько важные. Так, например, мы нашли длинный резной деревянный карниз, куколку шелковичного червя, ось от колеса, которое, вероятно, принадлежало прялке или чему-нибудь подобному, черепки и ручки глиняных кувшинов, деревянный винт, жернов из порфира, более 1½ метра в диаметре. Между песчаными холмами сохранились следы садов. Пни тополя тянулись рядами, показывая, что тут когда-то были аллеи. Повидимому, здесь росли в былое время абрикосовые и оливковые деревья.

„Стены этого несчастного города, погребенного в пустыне, омывались некогда большой рекой; к домам и храмам его вода протекала по бесчисленным каналам. Около города, по берегам реки, росли густолиственные леса, подобные тем, какие мы в настоящее время видим на берегах Керии-Дарьи; и в жаркие летние дни жители укрывались под тенью абрикосовых деревьев. Воды, протекавшие здесь, были настолько сильны, что могли

ворочать тяжелые жернова. Шелководство, садоводство и промышленность процветали; народ умел со вкусом украшать свои дома и храмы художественными произведениями.

„В какое время жили люди в этом таинственном городе? Когда зрели в последний раз абрикосы на его деревьях, когда в последний раз упали пожелтевшие листья этих тополей? Когда умолк навсегда шум его водяных мельниц? Когда несчастные жители его окончательно покинули свои жилища на жертву царя пустыни? Какой народ жил здесь? На каком языке говорил, откуда взялся он и куда ушел, когда увидел, что здесь нельзя дольше оставаться?

„До сих пор никто и не подозревал, что внутри страшной пустыни Гоби, и именно в самой пустынной ее части погребены под песком целые большие города, остатки когда-то цветущей цивилизации! На приведенные выше вопросы пока ответить трудно, но одно можно сказать с полною достоверностью: такого художественного развития, какое обнаруживают найденные мною произведения искусства, нельзя найти у тюркских народов, населяющих в наше время восточный Туркестан. Очевидно, этот город принадлежал буддистам и, следовательно, существовал раньше 700 года, раньше вторжения в Туркестан арабов-мусульман.

„Теперь проводники были нам больше не нужны, и мы отослали их. Они вернулись по нашим следам и останавливались около колодцев, вырытых нами.

„Сами мы двинулись дальше по песчаному морю, волны которого вздымались все выше и выше. Двадцать пятого января мы переходили через песчаные горы в двадцать пять и больше метров. На следующий день песок стал еще глубже, и идти было труднее. В одной впадине мы нашли несколько кусков тамариска и сухого камыша и сильно соблазнились сделать привал, хотя прошли еще немного. К востоку перед нами поднимался громадный песчаный холм, окутанный туманом и казавшийся отдаленной горой. Мы посоветовались и решили, прежде чем

останавливаться, взобраться на этот холм, посмотреть, что будет за ним. Высота его оказалась в сорок метров и подъем на него очень тяжел. Люди приуныли, верблюды таскались нога за ногу, ослы сильно отставали; наконец, мы достигли вершины. Что за диво! Больше не видно было ни одного песчаного холма. Правда, мы не могли видеть очень далеко из-за пыльной мглы, наполнявшей воздух, но все-таки мы решили пройти вперед еще хоть немного. Вскоре мы заметили следы лисицы, нашли мертвую утку. Кусты тамариска и другие степные растения стали попадаться все чаще и чаще. Мы с удовольствием заметили, что песок становится менее глубок. Вдруг мы увидели следы людей и лошадей и вышли на равнину, поросшую тополевым лесом. Дальше мы наткнулись на брошенный шалаш, простой навес на столбах, и в эту же ночь разбили свой лагерь на берегу Керии-Дарьи“.

Г Л А В А XX.

По берегам Керии-Дарьи. — Пастухи-пустынники. — Еще погребенный город. —
Пустыня победила. — Дикие верблюды.

„Таким образом мы благополучно перешли часть пустыни и достигли реки. Целую неделю не видали мы ничего, кроме песку, желтого песку, и после этого было необыкновенно приятно любоваться роскошной растительностью на берегах ее. Около того места, где мы остановились на ночлег, река имела больше тридцати двух метров ширины и была покрыта толстым слоем льда. Мы сделали прорубь и получили гораздо больше воды, чем из наших колодцев. Верблюдам дали вволю напиться холодной речной воды. Мы зарезали своего последнего барана, устроили громадный костер и чувствовали себя прекрасно, хотя пыльная мгла, наполнявшая воздух, закрывала от нас и вид на окрестность и звездное небо.

Шалаш, встреченный нами, вероятно, очень недавно служил кому-нибудь приютом, так как около него были следы костра и человеческих ног. Но мы нигде не видели людей.

„На следующий день, двадцать седьмого января, мы повернули на север вдоль левого берега Керии-Дарьи. Нам, главным образом, хотелось встретить кого-нибудь, кто дал бы нам какие-нибудь сведения о реке. Никто из европейцев до сих пор не бывал на ней, и на наших картах течение её обозначалось просто точками. Но нигде не видно было ни души человеческой. Мы шли все дальше, то по густым тополевым лесам, то пробираясь сквозь кусты и кучи хвороста или желтого сухого камыша; иногда нам приходилось делать большие обходы, когда песчаные холмы подступали к самому берегу и отделяли его от леса.

„Блестящая ледяная лента реки, извиваясь, тянулась к северу и иногда расширялась до того, что противоположный берег исчезал в тумане. Часто мы пересекали тропинки, терявшиеся в лесной чаще; мы видели множество следов диких кабанов, зайцев, лисиц, оленей; мы встречали следы домашних овец и даже человеческих ног; но лес был безмолвен, как могила, ни один звук не нарушал его тишины.

„День клонился к вечеру, и мы уже начали подумывать о ночлеге. Нам предстояло перейти около берега реки большую заросль камыша, окруженную густым лесом. Вдруг послышалось блеяние овец, и мы увидели большое стадо, которое паслось мирно среди высоких камышей. Где-нибудь поблизости непременно должны быть люди! Мы принялись звать, свистать. Ответа не было, и никто не появлялся. Я послал людей поискать в лесу, а сам остался с верблюдами. Через добрых полчаса Ахмет-Мерген вернулся в сопровождении пастуха и его жены; они испугались нашего появления, убежали и спрятались в чащу. Нам скоро удалось успокоить их, и они провели нас к своей „сатме“ (шалаш из камыша), где обыкновенно проводят ночь. Я подвергнул пастуха

подробному допросу, так что весь небогатый запас его сведений о настоящем и прошлом был исчерпан до дна.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Гуссейн и Гассан, — отвечал он.

„Я удивился, что у него два имени, и он объяснил, что Гассаном зовут собственно не его, а его брата-близнеца, который живет в Керии, но что он обыкновенно называет себя обоими именами. Гуссейн рассказал, что к северу, вдоль всего течения реки, ходят пастухи со стадами, принадлежащими богатым баям Керии. Стада состоят из 200 — 300 голов. Каждый пастух имеет свой определенный участок, из которого он не имеет права выходить и в котором он проводит круглый год, переходя с места на место; на каждом месте он остается от 10 — 20 дней, пока хватает подножного корма для стада. Владелец стада жил в Керии; он приезжал в лес два раза в год — весной и осенью, для стрижки и проверки овец, — и привозил пастухам маисовой муки и других припасов на полгода. Сам же Гуссейн бывал в городе только в два года раз, хотя Керия находилась всего в четырех днях пути от того места, где мы его встретили. Дальше по реке мы встречали пастухов, которые бывали в городе только раз в жизни; один тридцатипятилетний человек даже ни разу в жизни не бывал там и не имел понятия о том, что такое город или базар. Таким образом в лесах Керии-Дарьи живет человек 150 людей, отрезанных от всякого сообщения с внешним миром, не знающих, что такое начальство, окруженных молчаливой пустыней.

„Пастухи не видят людей, за исключением своих ближайших соседей и баев. Немудрено, что они крайне робки и дики. Они умеют только пасти и стеречь стада, стричь и доить их. Еще они умеют печь маисовый хлеб, строить свои камышковые хижины, копать колодцы и т. п. Заступ и топор их главные орудия. Топоры они постоянно носят на спине, заткнув за пояс.

„Гуссейн со своим стадом отправился к югу, мы — к северу по старому руслу реки, которое она оставила лет пятнадцать тому назад.

„Вечером двадцать восьмого января мы опять встретили пастухов. Их было трое, и они пасли стада своего отца. Им позволялось зарезать в год двадцать овец для своего пропитания, кроме того, в их пользу поступали все овцы и ягнята, которых зарежут волки или которые поломают себе ноги или вообще станут негодными, что составляло штук пятнадцать в год. Отдохнув день, мы снова направились дальше на север. Теперь мы постоянно встречали пастухов, которые соглашались проводить нас через лес. Часто приходилось нам ехать по таким густым чащам, что верблюды с трудом пробирались сквозь них, и я постоянно боялся, что какой-нибудь торчащий сук бросит меня на землю. Тридцатого января мы доехали до того места, где старое и новое русла снова соединяются. Здесь река имела свыше ста метров ширины, и толстый лед, покрывавший ее, местами блестел как зеркало, местами был покрыт тонким слоем пыли. В течение целых десяти дней воздух был наполнен этою тонкою пылью, которую вздымает зимний ветер и которая долго носится в пространстве, прежде чем осесть на землю. Пыль покрывает тонким налетом каждую былинку, и у овец, поедających бильную траву, делается кашель; пыль садится на все предметы и окрашивает белым желтые песочные холмы, так что следы, оставленные на песке, ясно вырисовываются темными линиями.

„Первого февраля мы дошли до местности, называемой Юган-Кум (сильный песок) и вполне оправдывающей это название. К реке спускались высокие, голые песчаные холмы. У южной подошвы их шла степь, где мы опять-таки встретили пастухов. Один из них проводил нас дальше, до лесной области Тонкуз-басте. Там жили две семьи пастухов, которых мы застали сидящими около костра на открытом воздухе. Тут же бегали маленькие дети, на которых не было никакой одежды,

кроме раскрытого спереди тулупчика. Они пасли стадо в триста овец, которые ходили поблизости. Кроме того, у них был еще петух, три курицы, голубь и пара собак. Все их хозяйственные принадлежности: деревянные чашки для печенья хлеба, для доения и для приготовления пищи лежали тут же на земле. Они держали воду для питья в мехах и в ведрах, выдолбленных из тополевых пней, а муку в мешках; у них было еще несколько „кунганов“ (медных кувшинов), ножи, пара ножниц, деревянные ложки, „дутар“ (двуструнный музыкальный инструмент), войлоки, котел, сито и кой-какая одежда. На двух мужчинах была надета очень странная обувь: подошвы дикого верблюда целиком с копытами. Пастухи и их семьи скоро перестали дичиться нас и даже дали срисовать себя.

„Они рассказали мне, что на день пути к северо-западу находятся развалины еще одного города, засыпанного песком. Они называли это место Карадунч (черный холм), потому что тамариск, который растет там, кажется черным в сравнении с желтым песком.

„Мы на другой же день поехали к этим развалинам. Дорога опять-таки шла по высохшему руслу, следовательно, река и здесь переместилась на восток, а прежде она подступала к самому городу. Этот город был несколько меньше, чем открытый нами раньше, но, очевидно, принадлежал той же эпохе. На стенах такая же живопись, хотя хуже сохранившаяся, та же архитектура домов, те же строительные материалы. Одно здание почти квадратное, стены которого имели около 85 метр. длины, походило на караван-сарай. Оно было построено вокруг двора, посредине которого возвышалось другое здание меньших размеров.

„В другой постройке отлично сохранились стропила фундамента. Я не нашел среди этих развалин ничего особенно замечательного, но имел возможность изучить способ постройки домов. Ось от арбы служила доказательством, что здесь была проезжая дорога. Масса черепков глиняной посуды валялась на песке.

Пастушья семья в Тонкуз-басте.

„Вернувшись к реке, мы продолжали путь вдоль ее берега. Течение ее становилось все более неправильным. От главной реки отделялись узкие рукава и образовывали болота. Скоро этой реке, которая была нашим путеводителем по пустыне, предстоял конец: она должна была погибнуть в ожесточенной борьбе с песками пустыни. В лесной области Катак, куда мы пришли седьмого февраля, нам сказали, что река тянется еще только на полтора дня пути к северу, а затем начинается царство вечного песку. В Катаке мы остановились на день, воспользовавшись гостеприимством Магомет-бая, курьезного субъекта, старика, который прожил всю жизнь в лесу и не знал, кому принадлежит страна: Якуб-беку или китайцам. Эти лесные жители не платят никаких налогов и потому не имеют никаких столкновений с китайскими властями. Может быть, китайцы и не подозревают, что леса Керии-Дарьи населены, иначе они наверно прислали бы и сюда своих сборщиков податей.

„По мнению Магомет-бая, пустыня тянулась на север до конца света, и дойти туда можно было не меньше, как в месяц. Магомет-бай жил с женой, детьми и внуками вдали от света, но он все-таки исполнял предписания магометанской религии и не забывал молиться в установленные часы. — Если бы я не молился, — сказал он, — волки и дикие кабаны скоро уничтожили бы все мои стада.

„Лесные люди молятся каждый день Хазрет-и-Музу (Моисею) и считают его своим покровителем, так как он тоже был пастухом. С другой стороны, они не знают названий ни дней, ни месяцев. Когда я спрашивал у них, рады ли они, что над ними нет никакого начальства, что они не имеют дела с китайскими чиновниками, они отвечали, что волки и дикие кабаны не менее опасные враги, чем китайцы.

„Девятого февраля мы продолжали путь на север. Река, которая около Катака имела не менее 84 м. ширины, сузилась до 15 м. и лилась сквозь густой лес крутыми зигзагами. Вечером мы расположились на

ночлег в пустыне, так как последние пастушечьи хижины остались позади нас. В этом месте река превратилась в маленький ручеек сажени две ширины.

„Грустно стало мне, когда мы на следующий день достигли того пункта, где река исчезает в песке, где кончается полоска тонкого льда, пустыня победила,

Магомет-бай.

и река после отчаянной борьбы уступила. Сухое русло ее служило нам дорогой в продолжение еще одного дня. Оно было узко и глубоко, во время летнего половодья оно наполняется водой. По берегам его росли леса до того густые, что, кажется, только огнем можно было бы расчистить их. Местами в чаще виднелись как бы туннели: они проделаны кабанами, которые

ходят по ним к реке. Вечером десятого февраля мы расположились на ночлег в речном русле и, вырыв колодезь, нашли воду на глубине шести футов. Здесь мы в последний раз прислушивались к шелесту ветра, игравшего сухими желтыми листьями, оставшимися на деревьях с прошлого лета. Вечный песок надвигался на нас, и нам еще раз пришлось изведать его разрушительную силу.

„Составляя план своего путешествия, я часто мечтал о том, что где-нибудь в пустыне увижу диких верблюдов. Я расспрашивал о них пастухов, и многие из них рассказывали, что встречали этих животных, бродивших в одиночку или стадами в пять-шесть голов. Они были очень похожи на своих родственников, домашних верблюдов, — даже следы их совершенно одинаковы. Пастухи говорили, что дикие верблюды очень пугливы и, заметив преследователей, несутся, как вихрь, без остановки дня два. Особенно боятся они дыма костра и, почуяв запах горящего дерева, тотчас же убегают. Одни пастухи держали как-то пару домашних верблюдов; дикие, завидев их, всегда обращались в бегство, точно от волков. Старик Магомет-бай хорошо знал нравы своих диких соседей и часто охотился на них. Зимой он и семья его питались почти исключительно мясом диких верблюдов. Стрелять в верблюда можно только из засады, против ветра, так как, почуяв врага, верблюд тотчас обращается в бегство и поймать его нет возможности.

„Мы узнали еще, что дикий верблюд держится в середине пустыни, во впадинах, слегка поросших кустами тамариска и тополями. Летом река течет далеко за пределы последних людских поселений. Тогда верблюды ходят к ней стадами пить, а зимой, по уверению Магомет-бая, они совсем не пьют. Дикий верблюд боится леса и никогда не забирается в чащу, где нельзя видеть во все стороны, где нельзя хорошенько разбежаться, спасаясь от преследования. Он предпочитает открытые, песчаные пространства. Девятого февраля

мы в первый раз наткнулись на следы верблюдов; одиннадцатого мы шли по такому месту, где старое русло реки было ясно заметно и росло много кустов тамариска. Вдруг Касим, который с ружьем на плече шел впереди каравана, остановился, как вкопанный, весь съежился, как кошка, и сделал нам знак не двигаться. Затем он бесшумно, словно пантера, пробрался за кусты тамариска. Тут и мы все заметили, в двухстах шагах, стадо диких верблюдов. Касим выстрелил, верблюды вздрогнули, посмотрели несколько минут внимательно в ту сторону, откуда грозила опасность, затем повернулись и пустились рысью к северу. Впрочем, они бежали не особенно скоро: вероятно, они не могли прийти в себя от удивления или не понимали, в чем дело. Верблюд, подстреленный Касимом, шел тихо, тяжелою, неровною походкою. Мы погнались за ним и нагнали его в ту минуту, когда он падал на землю. Он еще был жив, но мы ударом ножа прекратили его страдания.

„Я подробно рассмотрел убитое животное. Оказалось, что это самец, лет двенадцати, ростом с наших домашних верблюдов. Шерсть на нем была короткая, исключая нижней стороны шеи, макушки головы, горбов и наружной стороны лопаток, так что сравнительно с нашими верблюдами он казался голым. Копыта его были длиннее, чем у домашних верблюдов, и более похожи на когти, так что следы его на песке резче обозначались. Верхняя губа его была короче и не так сильно раздвоена, нижняя не отвисала; горбы были меньше, более правильной формы и не висели, как у домашних, а держались прямо. Он был красновато-бурого цвета, с замечательно тонкой, нежной шерстью. Шкура его была до того тяжела, что три человека с трудом могли тащить ее. На ночь мы посыпали ее теплым песком и ночью несколько раз меняли этот песок. Он вытянул из нее часть влажности, и она убавилась в весе настолько, что мы могли нагрузить ее на осла.

„Вскоре после того, как мы оставили пересохшее русло реки и снова очутились среди песчаных холмов,

мы увидели стадо из четырех диких верблюдов, большого самца, двух верблюжат и одной самки. Странно, они подпустили нас так близко к себе, что я мог рассмотреть их вполне ясно. Большой самец лежал спокойно под тополем, остальные стояли и смотрели на нас с удивлением, но не выказывая желаний бежать. Мы медленно продолжали путь, а Ислам сделал обход и подкрался к ним шагов на пятьдесят. Тогда только животные почуяли опасность. Самец встал, и все стадо направилось к северо-западу, мимо того тамариска, за которым спрятался Ислам. Ислам выстрелил, и верблюд, сделав несколько шагов, упал. Пуля попала ему в шею, и, когда мы подошли, он уже был мертв. Это было великолепное животное; но нам предстоял переход через пустыню, и мы не могли увеличивать свой багаж еще новой шкурой. Люди удовольствовались тем, что срезали жир с горбов, и он заменил нам масло для пилава. Мы взяли также порядочное количество шерсти для веревок, так как у нас не хватало их.

„Через несколько часов мы встретили второе стадо из шести диких верблюдов, одного самца, двух самок и трех верблюжат. Эти тоже были не пугливы. Они отбежали шагов на пятьдесят, затем остановились и ждали, пока мы подойдем. Потом опять отбежали, и так до трех раз. Ислам выстрелил в самку, прежде чем я успел остановить его. Пуля попала ей в колено правой передней ноги, и она тотчас же упала. Она склонила голову на левый бок, открыла рот, уткнулась мордой в песок и дико заревела от боли. Хотя она и не глядела на нас, но мне чудилось, что я читаю в ее предсмертном взгляде выражение ужаса и отвращение к мучителям ее сородичей. Она испустила дух, как только ей вонзили нож в горло. Мне стало стыдно, что я допустил это жестокое убийство, и я запретил своим людям стрелять в верблюдов.

„В следующие дни мы видели много верблюдов, которые ходили и в одиночку и стадами, в конце концов, мы так привыкли к ним, что перестали обращать на них

внимание. Они обыкновенно паслись, поедая сухие листья тополей и кусты тамариска; Убегая от нас, они всегда направлялись к самым высоким песчаным холмам и с удивительною легкостью взбегали на вершину их. Походка их была такая же неуклюжая, как и у домашних верблюдов, и они так же неграциозно скидывали задние ноги. Но горбы их стояли прямо и неподвижно, между тем как у домашних верблюдов они на-бегу качаются и колеблются, точно желе. Ревут они так же жалобно и печально, как наши“.

Чем дальше на север подвигался караван, тем труднее становился путь. Русло реки исчезло, и приходилось пробираться по песчаным холмам. Останавливаясь на ночлег, всякий раз рыли колодезь, но случилось, что или воды совсем не находилось, или она была на слишком большой глубине. Гедин и Ислам, бывавшие в гораздо худших обстоятельствах, не унывали и старались ободрять своих спутников, которые часто падали духом. Восемнадцатого февраля они пришли в такую местность, где с самого высокого холма не видно было ничего, кроме голого песка. Верблюды были голодны; им предоставили на съедение их собственные седла. Стали рыть колодезь и не дорылись до воды. Одно, что ободрило караван, это были следы лисицы, шедшие на север. Лисица не могла забежать далеко в безводную пустыню,—очевидно, река Тарим должна быть недалеко. На следующий день, после двухчасового блуждания по песчаным холмам, путники снова заметили на севере кой-какую растительность. Тамариск исчез, и его заменил другой степной куст, саксаул. Показались следы диких верблюдов, зайцев, лисиц; между тем песок был все так же глубок; к вечеру вырыли колодезь, вода оказалась горько-соленая, так что даже животные не могли пить. 20 февраля холмы заметно понизились, и разбросаны они были редко, словно пятна на гладкой поверхности; стали попадаться тополи, и, наконец, вдаль обрисовалась темная линия лесов Тарима.

Путники вздохнули свободнее. Всем опасностям конец! Еще несколько часов — и они будут у цели! На песке ясно виднелись следы не только животных, но даже босых ног человека. Растительность становилась все богаче. Дорогу пересекло засохшее русло реки, скоро начался лес. „Час за часом шли мы к северу, — рассказывает Гедин. — Кругом все было тихо, ни малейшего признака жизни. Начинало смеркаться. Мы все продолжали идти. Стало совсем темно. Река все не показывалась. Наконец, мы положительно увязли в непроходимой чаще кустарников. Усталые остановились мы на ночлег около какого-то овечьего загона и употребили столбы его себе на костер. Вторую ночь приходилось нам ложиться без воды. Жажда сильно мучила нас.

„Весь следующий день мы напрасно искали воды. Тарим положительно убегал от нас. Дорога вела то сквозь густую лесную чащу, то по зарослям камыша, то по бесплодным песчаным участкам. Жажда так мучила нас, что мы несколько раз пробовали рыть колодезь, но напрасно теряли и время и труд. На одной полянке мы увидели три шалаша, на крышах которых был положен камыш. Около них были совсем свежие следы людей и коров. Мы стали кричать, звать, — ответа не было. Мы продолжали путь все дальше, углубляясь в этот бесконечный лес.

„Вдруг послышался крик Ислама, который шел впереди: „Су! су!“ Действительно, в глубокой извилистой впадине было целое озерко, покрытое толстым слоем льда. Караван прибавил шагу, люди схватили топоры и через несколько минут уже лежали на животе около проруби и угощались холодной водою.

„Тут же, в роще из больших старых тополей, мы сделали привал и разложили два больших костра. Мы все чувствовали себя отлично. Но наше настроение стало еще приятнее, когда мы вдруг услышали собачий лай. Ахмет и Касим побежали в ту сторону, откуда он слышался, и через несколько времени вернулись

с тремя пастухами. Я тотчас принялся расспрашивать их и узнал, что тот лес, где мы находимся, называется Кара-таш, что тут живет много пастухов и пасется до 4000 овец, принадлежащих баям Шах-яра.

„На следующий день мы добыли себе проводника и продолжали путь к северо-востоку. Около Тереса мы перешли реку по льду и в селении Чимен имели давно неиспытанное удовольствие ночевать под крышей, хотя и в довольно убогой хижине. Здесь Ахмет и Касим распрощались с нами. Они спешили вернуться домой ко времени посева, и я не стал удерживать их, хотя мне было грустно расставаться с этими славными людьми, которых я очень полюбил. Кроме условленной платы, я отдал им обоих ослов и снабдил их провизией на дорогу; а они взялись свезти шкурку убитого верблюда в Хотан. В Чимене я взял проводников, хорошо знакомых с лесами Тарима и с местными дорогами“.

Г Л А В А XXI.

Река Тарим. — Курля. — Приключение с Исламом. — К Лоб-нору. — Открытие Пржевальского. — Кто прав? — По озерам и камышам. — Кунчикан-бек. — Чапканы.

Двадцать третьего февраля путники вступили в маленький городок Шах-яр, состоящий по большей части из жалких глиняных саклей. Переход их через пустыню Такла-макан, продолжавшийся сорок один день, был благополучно окончен. Сначала Гедин предполагал по Хотан-Дарье вернуться в Хотан; но в Шах-яре ему пришло в голову, не возвращаясь в знакомые местности, отправиться прямо к озеру Лоб-нору. Он пополнил свои припасы, Ислам сделал новые вьючные седла для верблюдов, и двадцать шестого февраля караван, состоявший из четырех людей и трех верблюдов, выступил из Шах-яра. Пройдя возделанные

поля в окрестностях города, он вступил в обширную степную полосу, где часто попадались стада с пастухами. Итти приходилось то открытую степью, то лесами. Один из пастухов сообщил путешественнику, что река Ачик-Дарья, или Арка-Дарья, по руслу которой они шли, течет только летом и теряется в песках и что дальше за ней в пустыне есть развалины города, которого никто не видал, но о котором много ходит слухов и называется „Шар-и-кетек“ (город в мертвом лесу).

На всем пути каравану постоянно встречались стаи диких гусей, которые, очевидно, делали свой весенний перелет в северные страны. Днем они летели так высоко, что виднелись лишь мелкими точками в воздухе, а к ночи спускались ниже и иногда располагались большой компанией в какой-нибудь тополевой роще.

Каждый день путешественник собирал какие-нибудь сведения о реке Тариме, в бассейне которой находилась вся эта местность. Река эта текла не по одному руслу, а часто делилась на рукава, которые потом снова соединялись. При этом названия ее и ее рукавов беспрестанно менялись, да кроме того, часто попадались старые пересохшие русла. Одним словом, выходила ужасная путаница, в которой не легко было разобраться.

Много раз приходилось путникам с большим трудом пробираться сквозь лесную чащу и, пожалуй, еще с большим сквозь высокие заросли камыша; но у них был надежный проводник, взятый из Шах-яра, и, благодаря ему, они десятого марта благополучно приехали в город Курлю. Верблюды, привыкшие к тишине и безлюдью пустыни, перепугались шума и тесноты на узких улицах. Толпа мальчишек бежала за караваном и осыпала насмешками путешественника, который, вероятно, и в самом деле представлял довольно комичную картину, торча на спине своего высокого верблюда. На базаре оказалось несколько купцов из русского Туркестана; их аксакал Куль-Магомет из Маргелана принял путешественника с изысканною любезностью и предоставил в его распоря-

жение две большие комнаты в караван-сараях. К сожалению, в этих комнатах еще раньше поселились целые полчища крыс, которые ночью свободно бегали по всему полу.

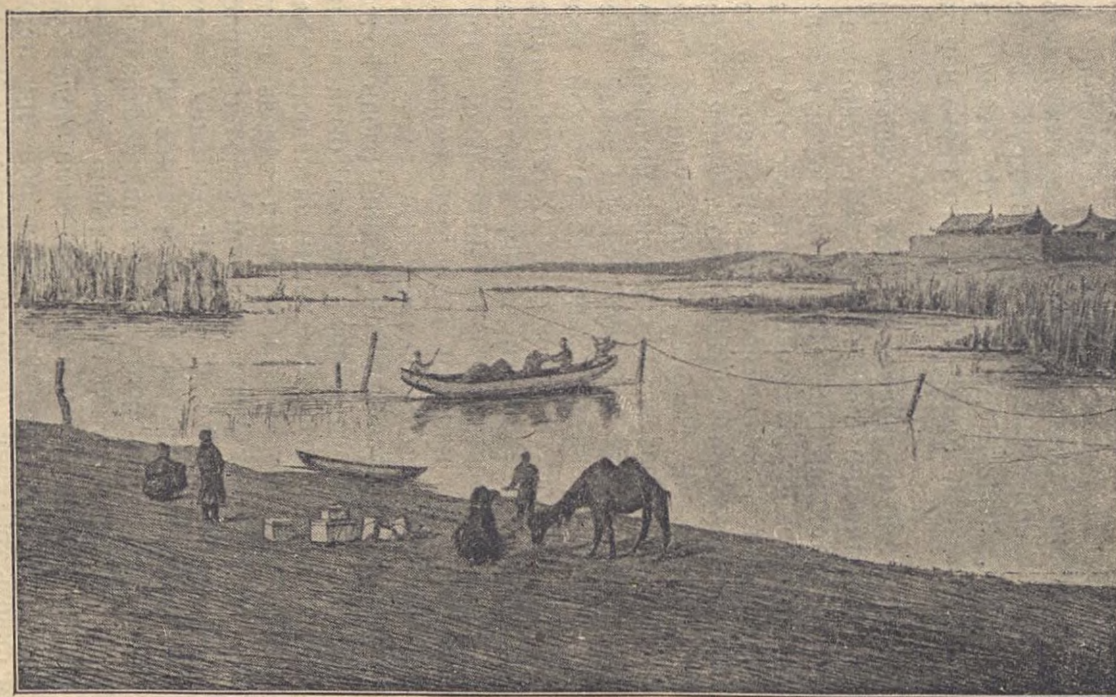
Курля считается у китайцев как бы уездным городом, но он очень невелик. Приятную особенность его составляет то, что он стоит на берегу Конче-Дарьи, вытекающей из самого большого озера в Центральной Азии, Баграш-куля. В противоположность другим среднеазиатским рекам, Конче-Дарья замечательна своею необыкновенно прозрачною, чистою как хрусталь водою чудного синего цвета. Многие здания города построены на сваях у самой реки, и сквозь щели пола виднеется бирюзовая вода, которая тихо и плавно катит свои струйки. В Курле нет ни одного человека, который не умел бы плавать, и летом все жители по несколько раз в день освежаются купаньем. Даже ранней весной, когда в воде было всего 5°, мальчишки весело плескались в ней.

Из Курли Гедин сделал небольшую экскурсию с г. Кара-шар. По возвращении оттуда его ждала весьма неприятная история. В его отсутствие Ислам-бай сидел как-то на базаре и разговаривал с одним купцом. В это время на улице показались верхом пять солдат из городского гарнизона; один из них держал древко с эмблемой силы и могущества китайского императора. По китайскому закону, когда проносят по улице такой значок, всадники должны сходить с коней, сидящие — вставать, и все должны кланяться значку. Ислам-бай, как русский подданный, не счел себя обязанным подчиняться этому закону и не встал с места. Китайские солдаты тотчас же спешились и, ни слова не говоря, набросились на Ислама, четверо держали его за руки и за ноги, а пятый тут же публично высек его до крови.

Узнав об этом происшествии, Гедин немедленно написал начальнику китайского гарнизона Ли-далою письмо следующего содержания: „Если вы покажете

шественник объясняет это тем, что озеро переменяло свою форму, во-первых, под влиянием преобладающих в этой области восточных и северо-восточных ветров, и во-вторых, под влиянием речных отложений. О том, что озеро, открытое им, простиралось некогда к востоку, можно судить по тому, что вдоль всего его восточного берега идет ряд маленьких соленых луж и болот, отделенных от озера песчаными наносами, образовавшимися, повидимому, недавно.

„Таким образом, — пишет Гедин, — едва ли можно сомневаться, что это длинное озеро есть остаток старого Лоб-нора. Илек, впадающий в него с севера, вытекает из южной части его и причудливыми извивами течет на юг, на три мили к западу от старой китайской крепости Мердек-шар. Затем река образует длинный ряд мелких озер и сливается с Таримом. Замечательно, что все эти озера наполнились водой всего 9 лет тому назад. Раньше здесь тянулась пустыня, хотя на месте нынешней реки и озер видны были углубления и небольшие лужицы соленой воды. Когда Пржевальский возвратился после своего второго путешествия (1885 г.), он оспаривал существование озера к востоку от Тарима и был прав, так как сухие русла озер и реки наполнились водой только три года спустя. Южный Лоб-нор (озеро, открытое Пржевальским) во время посещения Пржевальского представлял такое значительное озеро, что от селения Абдал путешественник ехал в лодке несколько дней к рыбацкой деревне Каракошун. Через одиннадцать с половиной лет я также попытался отправиться в лодке из Абдала, но мог плыть к востоку всего два дня, и то с трудом пробираясь между тростниками. Кара-кошун оказался заброшенным, так как около него озеро совершенно заросло тростником. Озеро Кара-буран при Пржевальском было тоже большим открытым озером, настоящим морем, так как человек, стоя на одном берегу, с трудом видел другой. В то время, когда я посетил его, это было маленькое, ничтожное озерко, до того занесенное илом

Впадение Конче-Дарьи в Малтак-куль.

Тарима, что даже мелкосидящие лодки туземцев не могли проходить по нему".

Таким образом, очевидно, что за последние годы вода в южном Лоб-норе убывает, а в северном прибывает. Надобно думать, что оба водных бассейна находятся в тесной зависимости друг от друга и в течение столетий, вероятно, много раз то меняли свою форму и положение, то пересыхали, то снова наполнялись водой.

Пржевальский и другие русские путешественники (Козлов, Богданович) утверждают, что открытое им озеро есть настоящий Лоб-нор; Свен Гедин с полной уверенностью приписывает себе честь этого открытия. Во всяком случае, из его исследования берегов перемежающегося озера выяснилось, что тех рек, которые питаются ледниками Памира, Гинду-куша и Тибета, недостаточно для образования постоянно большого озера в центре Азии. Куда же девается их вода? Песок пустыни словно губка всасывает ее, а сухой воздух этих стран поглощает массу ее. Остаток, являясь в виде озер на поверхности земли, ведет отчаянную борьбу за существование, и неудивительно, что он подвержен сильным изменениям и относительно количества и относительно положения.

Три дня подвигался караван Гедина вдоль восточного берега открытого озера. Дорога была крайне неудобна; то крутые песчаные холмы спускались прямо к воде, то приходилось продираться сквозь густые заросли тамарисков. Озеро до такой степени заросло тростником, что только с вершин высоких холмов можно было видеть открытую воду посредине. Тростник этот вдвое превышал рост верблюдов, и стволы его росли так тесно, что представляли точно стену туземных жилищ (сатм). Там, где вода была мелкая или совсем высохла, путешественники пробовали продираться сквозь тростник. Один из проводников шел вперед и высматривал дорогу. За ним вели верблюдов, которые своими тяжелыми, неуклюжими туловищами

раздвигали и ломали тростник, а ногами мяли и топтали его.

„Погода стояла тихая, жаркая, и нас особенно мучили комары, — рассказывает Гедин. — Все время, пока мы шли, нас провожали целые тучи этих зловредных насекомых. Но еще было хуже, когда мы останавливались на ночлег. Они целыми миллионами жужжали вокруг и набрасывались на нас с такою жадностью, точно мы нарочно приехали сюда для того, чтобы предложить им себя на ужин. Каково писать, когда тысяча комаров с наслаждением впиваются в вашу правую руку, не обращая никакого внимания на тряпку, которой старается прогнать их левая рука? Каково при 30° жаре окружать свой лагерь кольцом костров и почти задыхаться от дыма? Около Кара-куля мы придумали энергичное средство отделаться от комаров: на закате мы подожгли сухой прошлогодний тростник. Пламя разлилось по озеру с быстротой лесного пожара, и дым легким облаком разостлался над нашим лагерем. Я не спал до полночи, любясь великолепным зрелищем, наслаждаясь злорадной мыслью, что тысячи моих врагов гибнут и в пламени и в воде“.

Доехав до деревни Кум-чеке, расположенной по берегу Илека, в том месте, где река эта выходит из озера, Гедин отправил караван свой сухим путем, а сам с двумя гребцами отправился по реке в челноке. Местные челноки, длинные, узкие, обыкновенно выдалбливаются из тополевого ствола. Парусов туземцы не употребляют, но ловко управляют веслами. Плывая по открытой воде, гребец стоит обыкновенно на коленях, а когда попадает в камыши, выпрямляется во весь рост, чтобы лучше видеть дорогу. На лодку полагается два гребца, и у каждого в руках одно весло. Товарищем Гедина в этом путешествии был Джолдаш № 2-й, китайская собака, которую он вывез из Курли маленьким желтеньким щенком. В первое время она не в состоянии была бежать за караваном по пескам пустыни; ее укладывали в корзинку и привешивали к седлу верблюда. Сначала

у нее от качанья корзины делалась морская болезнь, но потом она привыкла к такому способу путешествия. Устав бегать, Джолдаш обыкновенно присаживался около какой-нибудь кочки и ждал, пока кто-нибудь из людей каравана вернется за ним и посадит его в корзинку. Эта собачка не расставалась с Гедином до конца его путешествия, разделяя с ним все его невзгоды и приключения.

Плаванье по реке, окаймленной зарослями камыша, было очень приятным отдыхом от езды на верблюде. Даже когда небо заволокло тучами, в камышах зашуршал ветер, а река сменилась целым рядом мелководных озер, катанье все-таки представляло больше удовольствия, чем опасности. Иногда, правда, приходилось останавливаться в рыбацких селениях на берегу и пережидать конца рассвирепевшей бури, но рыбаки везде относились к путешественнику самым радушным образом, угощали его, давали ему приют в своих хижинах, построенных из тростника, обмазанного глиной. Восемь дней продолжалось плаванье, на девятый достигли селения Абдала на Тариме. Караван был уже тут, и все население собралось на берегу, поджидая путешественника. Выскочив из лодки, Гедин подошел к одному старичку и вскричал:

— А, вот Кунчикан-бек!

Присутствующие были крайне удивлены. Дело в том, что Пржевальский поместил в описании своего путешествия очень похожий портрет этого старика. Старик приветствовал путешественника радушно, как старого знакомого, и тотчас же повел его в свою камышовую хижину. Он, повидимому, очень гордился поиязнью знаменитого русского путешественника. Пржевальский подарил ему свой портрет и несколько фотографий, изображающих картины местной природы, а также рыбацьи сети и разные другие полезные вещи. Он сохранял все эти драгоценности в песчаном бугре, недалеко от Абдала, чтобы они не сгорели или не попали в руки разбойников, дунган. Гедин стал, между

Пожар в тростнике на озере Кара-куль.

прочим, объяснять ему, как строят суда в Швеции и как там гребут веслами. Старик замахал руками и воскликнул самым уверенным тоном:

— Да, я все это давным-давно знаю! Чон-тюря („большой господин“ — Пржевальский) мне все рассказывал! Я отлично знаю, как живут у вас на родине! Я почти такой же русский, как вы!

Кунчикан-бек.

Дня через два Гедин сделал по реке экскурсию до большого селения Кум-чапкан, и восьмидесятилетний Кунчикан-бек действовал своим веслом так сильно и ловко, как двадцатилетний юноша.

За Кум-чапканом река уже перестает быть судоходной, так как делится на много рукавов и теряется в болотах и озерах. Озера до Каракошуна, которыми

плыл Пржевальский, заросли осокой и тростником, и люди с берегов их переселились в другие места. Тем не менее в Кум-чапкане нашлись лодочники, которые взялись везти Гедина в течение двух дней на северо-восток. Погода была великолепная. От Кум-чапкана лодка повернула в более широкий рукав реки и скоро очутилась среди высоких камышей. Через эту непроходимую чащу камышей шли узкие коридорчики, проделанные лоплыками (жители окрестностей Лоб-нора). Эти коридоры, так называемые „чапканы“, непременно заросли бы в течение одного года, если бы лоплыки каждую весну не прочищали их, вырывая с корнем заросли камыша. Чапкан имеет около метра в ширину; по обеим сторонам его идут настоящие стены из камышей метра в четыре и больше высоты. Камыш иногда связывают пучками или сбивают набок, чтобы он не закрывал прохода. Главная цель этих чапканов, которые пересекаются в разных направлениях и образуют настоящий лабиринт, вовсе не в том, чтобы поддерживать водные пути. Они служат, главным образом, для ловли рыбы: в них ставят сети. Каждая семья имеет свои собственные чапканы, в которых никто чужой не смеет ставить сети. Часто коридорчик открывается в какое-нибудь круглое озеро, окаймленное со всех сторон камышом. Этот камыш прорезан полдюжиной других коридорчиков, которые кончаются совершенно такими же озерками. Попадая в такое озерко, гребцы налегают на весла; челнок как птица несется по воде; так и кажется, что непременно разобьешь себе голову о противоположную стену камыша. Но нет, стена со свистом раздвигается, и лодка скользит по следующему чапкану.

Целый день ехал путешественник этими коридорами, куда часто не проникал ни единый луч солнца. Переночевал он на берегу и на следующее утро продолжал путь. Но к полудню лодка дошла до самого конца открытых озер. Чащи камыша стали окончательно непроходимы; сквозь них нельзя было пробраться ни

летом в челноке, ни зимой по льду. Камыш стоял сплошной стеной: в некоторых местах его поломало и свалило бурей, и там он составлял такую крепкую настилку, что по ней можно было смело ступать, забывая, что под ней вода в 3 метра глубины.

Двадцать пятого апреля, дружески распрощавшись со стариком Кунчикан-беком, Гедин со своим караваном из трех верблюдов и двух лошадей оставил Абдал. Он решил вернуться в Хотан, чтобы там отдохнуть и подготовиться к новой экспедиции в северный Тибет.

ГЛАВА XXII.

Любимый верблюд. — Ли-дарин и Ши-дарин. — Приятный сюрприз. — Китайское правосудие. — На даче. — Прощальный пир.

Двадцать седьмого апреля караван прибыл в небольшой городок Чакалык. Здесь предстояло продать верблюдов, которые с самого выступления из Хотана верой и правдой служили путешественникам.

Они очень утомились, тащить их назад в Хотан было бы варварством: в этих странах верблюдов обыкновенно не заставляют работать летом, а дают им хорошенько отгуляться на пастбищах, в горах.

„Мне особенно жаль было расставаться с моим верховым верблюдом, — пишет Гедин. — Говорят, что верблюд не привязывается к человеку и никогда не бывает таким ручным, как лошадь; может быть, но с этим верблюдом у меня все время была большая дружба. Когда к нему подходил человек, который вел его за веревку, продетую в ноздри, он сердито ревел и плевался. Но, когда он заметил, что я никогда не тяну за эту веревку, он стал совсем иначе относиться ко мне. Он позволял мне гладить себя по носу и по морде и не выказывал при этом ни малейшего неудовольствия. Каждое утро я давал ему две больших

Лодка у „чапкана“ на Лоб-норе.

лепешки из маисовой муки, и он так привык к этому угощению, что в определенный час подходил к моей постели и напоминал о себе. Иногда он даже будил меня, толкая мордой. И вот, пришлось расставаться с нашими верными слугами, так долго делившими с нами горе и радость. Я продал их одному купцу из западного Туркестана за полцены против заплаченной за них и купил вместо них четырех лошадей. Когда покупатель увел наших верблюдов, мне стало очень грустно; двор как-то сразу опустел без них. Приехав в Чакалык, Гедин, по своему обыкновению, послал китайскому амбаню города, Ли-дарину, свою визитную карточку и паспорт, данный ему амбанем Карашарским, спрашивая его в то же время, когда можно сделать ему визит лично. На это Ли-дарин отвечал через переводчика, что предварительно требует от путешественника большого паспорта, действительного во всех областях. Гедин объяснил, что свой большой паспорт из Пекина и Кашгара оставил в Хотане, так как сначала не предполагал заехать так далеко. Амбань заявил, что человека, не имеющего настоящего паспорта, считает подозрительным, к себе не примет и ехать ему в Хотан по южной дороге не позволит. Паспорт у него Карашарский, значит, он может вернуться в Карашар и оттуда ехать в Хотан. Если же он, несмотря на запрещение, выступит южной дорогой, он будет немедленно арестован.

Можно себе представить досаду Гедина! В летние жары идти назад по пустыне, пробыть в пути по крайней мере три с половиной месяца, тогда как по южной дороге он может быть в Хотане через месяц. Он злился, посылал через переводчика сказать амбаню, что презирает его, а все-таки понимал, что совершенно бессилен перед своевольным мандарином, в распоряжении которого находится 265 человек солдат! Придется, скрепя сердце, покориться! Он уже начал понемногу примиряться с своим неприятным положением, когда поздно вечером к нему в комнату вошел мандарин лет пяти-

десяти, с тонкими и красивыми чертами лица. Он отрекомендовался Ши-дарин, начальником местного гарнизона, и объяснил, что получил приказание завтра арестовать путешественника, но очень сожалеет об этом и постарается уговорить амбаня. Гедин, конечно, самым любезным образом принял гостя. Они разговорились, и Ши-дарин с большим интересом расспрашивал его о его путешествиях. Когда Гедин стал рассказывать о своих прошлогодних приключениях в пустыне, Ши-дарин вскричал:

— Так это вы! Я был в то время в Хотане! Там все толковали о вашем несчастном путешествии. Я много слышал о вас от Лин-дарина. Мы так жалели, что не застали вас в Хотане.

Этот Лин-дарин был бельгиец, Павел Сплингерт, который уже лет 30 жил в Хотане, женился на китайке, сделался настоящим китайцем и был даже влиятельным мандарином. Разговор об общих знакомых еще более сблизил Гедина и Ши-дарина. Они просидели вместе до глубокой ночи, а когда на другой день Гедин пришел отдать визит своему новому знакомому, тот не отпустил его без обеда. За обедом Гедин спросил, как стоит дело об его аресте. Ши-дарин отвечал, что амбань не слушает никаких доводов и продолжает утверждать, что, раз у человека нет законного паспорта, он — личность подозрительная.

— Значит, мне придется ехать к русскому консулу в Урумчи? — спросил Гедин.

— В Урумчи? с какой стати? — расхохотался Ши-дарин. — Поезжайте себе, как хотели, прямой дорогой на Черчен! Амбань велел арестовать вас, но, ведь, я начальник гарнизона и не дам ему ни одного солдата. А если он вздумает задержать вас с помощью туземных беков, я назначу конвой для охраны вас. Поезжайте спокойно; всю ответственность я беру на себя.

На другой день путешественник беспрепятственно двинулся в путь, на запад. Амбань не сделал попытки

задержать его, и Ши-дарину не пришлось защищать его вооруженной силой.

По дороге в Черчен караван остановился около древних развалин, в городке Ваш-шари, и Гедин купил у одного туземца древний медный кувшин. За Черченом путешественники поднялись на дорогу, идущую у подножия Куэн-Луня; воздух в этой области (900 — 1200 метров над уровнем моря) был чистый, свежий, природа необыкновенно живописная.

В Хотан они приехали двадцать седьмого мая, хотя усталые, но бодрые и здоровые.

В самый день приезда в этот город Гедина ждал сюрприз: хотанский амбань Лю-дарин прислал ему значительную часть вещей, пропавших у него во время прошлогоднего странствования по пустыне. Путешественник, забывший и думать об этих вещах, был крайне удивлен и немедленно отправился разузнавать, откуда они явились. Оказалось, что купец Юсуф, который напоил умиравшего Ислама, вернувшись в Хотан, подарил шведский револьвер аксакалу западно-туркестанских купцов, очевидно, чтобы склонить его на свою сторону. Но аксакал не дался в обман и подверг купца строгому допросу. Юсуф признался, что получил револьвер от Тогда-бека, старшины селения Тавек-кэль, и боясь, как бы дело не приняло дурного оборота, уехал из города. Тогда аксакал послал в Тавек-кэль шпиона, который должен был следить за Тогда-беком и его домом. Шпион явился в селение под видом нищего и так хорошо разыграл свою роль, что Тогда-бек взял его к себе в пастухи. Один раз он пошел в дом бека за жалованьем, но едва вошел в дверь, как бек наскочил на него с сжатыми кулаками и прогнал его прочь. Пастух, однако, успел заметить, что бек с тремя охотниками — Ахмет-мергеном, Касим-ахуном и Тогда-шахом и с проводником Якуб-шахом сидят на корточках около каких-то сундуков, а кругом на ковре разложены разные европейские вещи. Шпион вскочил на первую попавшуюся лошадь и помчался

в Хотан, чтобы донести о виденном аксакалу, который немедленно доложил обо всем Лю-дарину. Бек между тем, заметив исчезновение пастуха и лошади, понял, что дело не ладно; он уложил все вещи в сундуки, поехал с ними в Хотан и передал их амбаню, уверяя, что вещи найдены всего несколько дней тому назад. Охотники тоже приехали в Хотан, и аксакал принялся допрашивать их. Это были те самые люди, которые ходили вместе с Ислам-баем на розыски палатки и ничего не нашли. Они рассказали аксакалу, что зимой вернулись к трем тополям и оттуда шли несколько дней дальше на запад, по следам лисицы. Следы привели их к такому месту, где песок оказался белым, точно снег. Это была мука. Они стали копать и нашли занесенную песком палатку и разные другие вещи. Они их повытаскали и на ослах перевезли к реке. Не препроводили они этих вещей сразу к Лю-дарину потому, что Тогда-бек проведал об их находке и уговорил их припрятать вещи и продавать их по частям. Охотники сопровождали караван на Керию-Дарью и во все время пути строго сохраняли свою тайну, но всякий раз, когда речь заходила о несчастной экспедиции в пустыне, уверяли, что вещи наверно отыщутся, что они сами еще раз пойдут на розыски.

Дело началось за два месяца до приезда Гедина в Хотан. Охотников при допросах секли, чтобы заставить их сделать полное признание, и засадили в тюрьму. Когда Гедин приехал, следствие возобновилось с новой энергией. Лю-дарин потребовал списка пропавших вещей с обозначением их стоимости и сам поехал в Тавек-кэль. Подсудимые давали противоречивые показания: охотники утверждали, что они все вещи оставили у Тогда-бека и что если что-нибудь не хватает, это его дело; а бек заявлял, что недостающие вещи утащили сами охотники. Тогда Лю-дарин, по китайскому обычаю, решил подвергнуть всех подсудимых пыткам, чтобы добиться правды. Гедин энергично воспротивился этому. Амбань предложил по край-

ней мере, пустить в дело розги. Но Гедин заявил, что в его отечестве не допускается жестокое обращение даже с преступниками и что если подсудимые будут подвергнуты телесному наказанию, он немедленно уедет из города. Тогда амбань уступил и произнес следующий приговор. „Одна из двух сторон лжет, но так как следствием не установлено, которая именно, то я приговариваю обе стороны уплатить нашему гостю в течение двух дней стоимость пропавших вещей, в сумме 5.000 тенег (около 1.000 р.)“. Гедин попробовал было отказаться от этих денег, но амбань решительным голосом заявил: „Может быть, деньги вам не нужны, но для китайского правительства очень важно показать своим подданным, что они не могут безнаказанно грабить проезжих путешественников; в противном случае, грабеж может повториться, когда явится новый путешественник!“

Так как Гедин не имел доказательств, что верблюд, оставленный около реки, был тоже ограблен, и так как охотники уверяли, что часть вещей осталась в песке, то он сбавил сумму взыскания с 5.000 на 1.000 тенег, (200 р.), чем заслужил искреннюю благодарность виновных.

По распоряжению Лю-дарина первый богач Хотана предоставил свою дачу в распоряжение путешественника. К приезду его дача была приготовлена. Его ввели в ворота, затем через два-три двора в большой сад, окруженный высокою стеной. Дорожка, выложенная камнем, вела к кирпичному дому, стоявшему на каменной террасе среди сада. В доме была только одна комната в пятнадцать окон с деревянными ставнями. Терраса была окружена рвом с водой, через который вело несколько узеньких мостиков. Вокруг дома росли такие густые развесистые ивы, что ни один луч солнца не проникал сквозь них. На открытом воздухе жара доходила до 38°, под деревьями было обыкновенно градусов на 10 прохладнее. Вода журчала во рву; ветер шелестел в верхушках деревьев; даже песчаные

бураны, часто случающиеся в это время года в Хотане, не нарушали мирной тишины сада. В дом вела всего одна дверь. С остальных трех сторон вдоль внутренних стен комнаты шел широкий деревянный помост в метр высоты; самая середина комнаты, вымощенная камнем, оставалась свободною.

„Я расставил на помосте свои сундуки и разложил ковры; а в одном углу устроил себе постель,—рассказывает Гедин.—На помосте же я сидел, поджавши ноги, употребляя ящик вместо стола, и работал до поздней ночи. Кухня помещалась в маленьком глиняном домике у входа в сад, и, ради удобства, Ислам-бай соединил оба дома колокольчиком“. Гедин ел два раза в день. Обыкновенно Ислам приходил к нему и докладывал: „Аш-таяр, тюря!“ (пилав готов, господин!); затем расстилал на помосте скатерть и подавал незатейливый обед или ужин. К путешественнику часто приходили с визитом китайские мандарины или местные купцы, которые предлагали ему купить древности и разные вещи из нефрита. Но постоянным и неизменным товарищем его был Джолдаш, которого туземцы величали: „Джолдаш-ахун“, т.-е. господин дорожный товарищ. Он бдительно охранял дом и весело махал хвостом при приближении Ислама с кушаньем. После обеда Гедин гулял обыкновенно по саду, наслаждаясь запахом зреющих плодов и роскошных роз. К нему подбегала хорошенькая ручная самка оленя, в голубом ошейнике с бубенчиками, и заигрывала с ним. Вечером Ислам закрывал ставни и зажигал несколько стеариновых свечей, а Гедин занимался китайским языком под руководством молодого китайца, которого Лю-дарин рекомендовал ему в переводчики. Среди этой мирной спокойной жизни время летело быстро. Подходил конец июня, и путешественник решил, что ему нельзя больше предаваться приятному отдыху, пора начинать новую и последнюю экспедицию. Ислам-бай нанял комплект слуг и закупил все необходимые вещи. Базарный мастер сшил новую большую палатку

для слуг: для себя Гедин решил взять старую, которую оставил в пустыне и потом так неожиданно получил обратно.*

Вечером, накануне отъезда, вновь нанятые слуги устроили себе прощальный праздник. Один из маленьких дворов был увешан китайскими фонарями; пригласили целый оркестр флейтчиков и барабанщиков; двое танцоров, один в женском костюме, усердно плясали, а туземцы сидели вокруг и восторженно рукоплескали им. Затем подавалось угощение: чай и вареный рис. Пир продолжался до зари.

ГЛАВА XXIII.

Из Хотана на восток.— Горные перевалы.— Трусость таглыков.— Состав каравана и порядок движения.— Все выше и выше.— Бедный Фонг-ши! — Болезнь Ислама.

Двадцать девятого июня в десять часов утра все было готово к отправлению, и длинный караван из двадцати лошадей, тридцати ослов и целой толпы провожатых верхом и пешком выступил из города и направился к востоку.

Переход через реку Юрун-каш, протекавшую в нескольких верстах от города, представил на этот раз не малое затруднение: было летнее половодье, и речонка, ничтожная месяц тому назад, превратилась в бурный поток, который с шумом катил свои мутные волны по четырем рукавам. Пришлось прибегнуть к помощи „сучи“, которые с большими предосторожностями переправили сначала вьючных лошадей, а потом уже остальных животных и людей.

За Юрун-кашем дорога шла по непрерывному ряду деревень, утопавших в роскошной зелени садов и полей, через бесчисленное множество водопроводных каналов,

доверху наполненных водою. Эта сеть каналов отводила от реки значительную часть воды. На следующий день караван миновал последние селения юго-восточной части Хотанского оазиса. За последним арыком растительность сразу прекращалась, точно будто ее ошпарили кипятком. За границей области, орошаемой каналами, не росло буквально ни одной травки. Перед путешественниками расстился совершенно бесплодный твердый и желтый „сай“, переходная ступень между пустыней и горами. Между этим саям и пустыней оказалась полоса караванных путей и разбросанных там и сям оазисов. Самый сай прорезается несколькими речками, которые берут начало на северном склоне Куэнь-Луны. По берегам этих речек раскинулись селения, жители которых сеют ячмень и занимаются скотоводством.

Для путешествия по горам необходимо было иметь верблюдов. Гедин узнал, что на горных яйлаках пасутся большие стада их, и послал своего слугу Парпи-бая приторговать несколько штук. Парпи-бай отлично выполнил поручение, и Гедин за триста рублей приобрел шесть превосходных верблюдов, привыкших к путешествиям по горам. От селения Копы путешественники, оставив караванную дорогу, свернули на юго-восток, в гористую область, называемую Далай-курбан. В ней жило восемнадцать семейств таглыков (горцев), занимавшихся овцеводством. С юга область эта граничит высоким хребтом Куэнь-Лунь. На вопрос о том, какие есть проходы через этот хребет, таглыки отвечали, что на Тибетское плоскогорье можно пробраться только через один проход — Чокалык, но они не ручаются, чтобы верблюды в состоянии были перелезть через него.

Гедин решил, прежде чем пускаться со всем караваном, исследовать местность. Он отправился верхом с своим переводчиком Фонг-ши, с двумя слугами и двумя таглыками сначала через перевал Дала-курбан, а затем дальше на восток, через главный перевал.

Подъем был крут, но возможен для верблюдов; зато спуск был крайне опасен, так как страшно крутой склон был усеян острыми скалами; решили, что при-

Бек Копы. Тогда-Магомет.

дется, вероятно, спускаться на веревках вьюки, а может быть, даже и верблюдов.

С этими неутешительными вестями разведочная партия вернулась к каравану через перевал Сарык-кол.

Животным дали два дня отдыха, и шестого августа караван, разделенный на отряды, направился к перевалу Сарык-кол. Чем выше они поднимались, тем скуднее становились пастбища. Подъем делался все круче и круче. Медленно, с трудом подвигались животные по усеянному щебнем откосам. Лошади и ослы часто падали, так что их приходилось развьючивать и затем снова навьючивать. Южный склон оказался менее крутым, и караван спустился на широкую долину Ламачимен. Передовой отряд уже собирался завернуть налево, к перевалу Чокалык, как вдруг старшина таглыков-проводников робко заметил, что, если пройти в долину Митт, то оттуда есть другой, более удобный перевал—Япкаклык.

— Зачем же вы обманывали нас? Зачем говорили, что кроме Чокалыка нет другого перевала?—с негодованием воскликнул Гедин.

Оказалось, что таглыки боялись неприятностей со стороны китайских властей, если покажут чужестранцам мало известный путь в Тибет; теперь же, видя, что трудности не останавливают путешественника, они решили сказать ему правду. Делать нечего, повернули сначала на юго-восток, потом прямо на восток, вышли в широкую долину Митта и разбили лагерь на берегу реки, первый раз среди совершенно безлюдной местности. Животных развьючили и пустили отдыхать на сочном подножном корму. Всего в караване было 70 животных, кроме собак: 6 верблюдов, 21 лошадь, 29 ослов, 12 овец и 2 козы. Ослы везли мешки с маисом для корма животным, а овцы и козы предназначались на убой. Собак при караване состояло три: Джолдаш, Джолбарс (тигр), большой, желтый, лохматый пес и Буру (волк). Джолдаш не отходил от своего хозяина, а две другие собаки держались около палатки прислуги и ворчали на караванных животных, если они удалялись от лагеря. Во время переходов собаки весело играли, бежали то впереди каравача, то позади; увидев какую-нибудь дичь на

горах, они тотчас же со всех ног бросались туда. Вообще они лучше всех переносили трудности путешествия. Разреженный горный воздух, повидимому, не оказывал на них никакого действия. Пищи им было вдоволь, так как все остатки убитых животных поступали в их пользу. Людей в караване было, кроме Гедина, восемь человек: Ислам-бай — караван-баши, Фонг-ши — китаец-переводчик и шестеро слуг. Из этих слуг особенно выдавался Парпи-бай, шестидесятилетний старик, который уже несколько раз бывал в Тибете с экспедициями Кэри, Бонвалло и принца Орлеанского, Дютрейля и др. Кроме постоянных слуг, Гедин нанял в Далай-кургане семнадцать таглыков с их аксакалом, на обязанности которых лежало быть проводниками и помогать каравану перебираться через особенно трудные перевалы. Через несколько недель они могли вернуться обратно. Но вообще они шли неохотно, и в первые же дни четверо сбежали, не взяв даже своей заработной платы. Остальным тринадцати было довольно работы, потому что караван шел не вместе, а разбившись на кучки. Верблюды, которые обыкновенно идут медленным шагом, выступали из лагеря первыми, под надзором одного слуги и двух-трех таглыков. За ними следовали лошади, которые везли палатки, кухню и разные другие вещи. Они шли скорее верблюдов и скоро опережали их. На обязанности Ислам-бая лежал выбор места для остановки на ночь. Ослы под надзором остальных людей выходили одновременно с лошадьми, но скоро отставали от них и обыкновенно приходили к месту стоянки вместе с верблюдами. „Я с Фонг-ши и одним из таглыков, знавшим местность, замыкали шествие, — пишет Гедин, — и обыкновенно сильно отставали, так как я все время отмечал по карте наш маршрут, делал геологические наблюдения, набрасывал эскизы и т. п. Мы приезжали в лагерь через несколько часов после лошадей и находили уже разбитые палатки и обед, варившийся в котлах над огнем, разведенным между двумя камнями. Необычно-

венно приятно было после долгой, утомительной езды войти в палатку, устланную великолепным ковром, который мне подарил хотанский комендант перед самым моим отъездом. Около одной из стен палатки помещалась моя постель, состоявшая из войлоков, шуб и двух подушек. Около другой стояли мои сундуки и ящики. Джолдаш всю дорогу вертелся около моей лошади, но, завидев палатки, тотчас пускался со всех ног вперед и укладывался на мою постель. Когда я подъезжал к палатке, плут показывался у входа, приветливо махал хвостом и, повидимому, хотел показать мне, что он настоящий хозяин этого дома. Но, увы, я сам располагался на мягкой постели со своими ботами, а ему приходилось довольствоваться местом на ковре.

„Фонг-ши оказался славным малым, и я очень дорожил его обществом; образованный китаец стоит в умственном отношении гораздо выше магометанского муллы. В свободные часы, а также во время езды мы продолжали уроки китайского языка и вели разговоры по-китайски, насколько позволял мой скудный запас слов. С Фонг-ши мне было одно только неудобство: мои слуги мусульмане завидовали тому, что он постоянно со мной и сидит в моей палатке. Они называли его: „кичик-тюря“ барчук, и были недовольны, что они, правоверные мусульмане, должны готовить обед для китаец-язычника. Мне несколько раз приходилось вмешиваться в их ссоры и мирить их“.

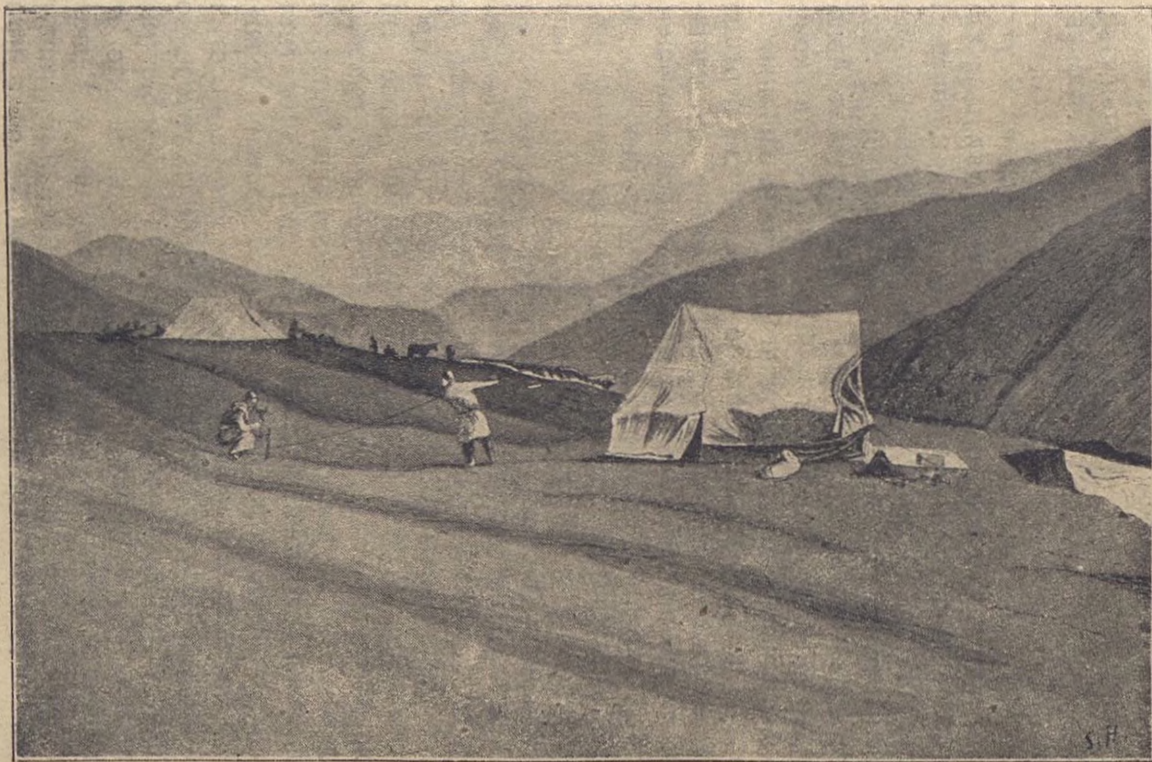
Перевал Япкаклык оказался не особенно трудным, и все животные, не исключая и верблюдов, бодро взошли на крутой подъем.

„Я с моими двумя спутниками достиг вершины перевала часом раньше, чем верблюды и ослы,—пишет Гедин. — Когда мы посмотрели назад, они представились нам далеко внизу в виде маленьких черных точек, карабкавшихся вверх. На западе глазам нашим открылось безграничное море горных гребней и пиков; на востоке расстилался тоже величественный горный ландшафт. Перевал находился на высоте 4.780 м.“

Спуск с него по восточной долине также оказался нетрудным; но в тех долинах и ущельях, в которых приходилось теперь идти путникам, растительности почти не было. Остановливаясь на ночлег, они должны были кормить животных запасами маиса, так как подножного корма нигде не виднелось.

Пятеро таглыков вместе с своим аксакалом получили расчет и отправились домой пешком; остальные очень неохотно остались с путешественниками. Местность становилась все более пустынной: нигде ни травки, никакого признака жизни. По ночам начались морозы, в палатке было так холодно, что чернила замерзали. Горные кряжи окружали долины, поднимаясь то отдельными пиками, то длинными террасами. Склоны их отливали в одном месте желтым цветом от песку, в другом — красным от песчаника, в третьем — черным от солнца; а над ними направо виднелась высокая цепь снежных гор Арка-таг. Фонг-ши и Ислам-бай прежде всех почувствовали приступы горной болезни.

Десятого августа Гедин пишет в своем дневнике: „Фонг-ши болен: пульс у него доходит до 120, сильная головная боль. У него такой вид, точно он умирает: он говорит, что, чем дальше он едет, тем ему становится все хуже. Я решил отпустить его. Ислам-бай тоже боится, что он, пожалуй, умрет или, во всяком случае, сильно задержит нас, а это может быть губительно среди здешней бесплодной пустыни. Наем Фонг-ши обошелся мне очень дорого. Раньше я заплатил ему жалованье за три месяца вперед, а теперь должен уплатить за его обратный путь, дать ему лошадь и достаточное количество припасов и лекарства. Кроме того, я отправляю с ним одного из слуг, на случай, если он сляжет дорогой. В Далай-кургане он хотел остановиться и отдохнуть. Так рушились горделивые мечты молодого человека, который надеялся въехать в ворота Пекина, увидеть резиденцию своего баснословно могущественного государя, получить по моей рекомендации какое-нибудь выгодное место и, вместо

Лагерь путешественников в долине Сара-кол.

оставленной в Хотане жены тюркского происхождения, взять другую, настоящую китайку. Молча, грустно стоял он среди пустынной местности и следил глазами за нашим караваном, который продолжал подвигаться туда, куда его самого давно влекли честолюбивые замыслы*.

В эту ночь шел довольно сильный снег, к утру он растаял, и путешественникам пришлось итти по грязи. До сих пор караван подвигался на восток, но впереди выступали все новые и новые кряжи, через которые приходилось делать перевалы, и потому решено было повернуть прямо на юг, чтобы перейти хребет Аркатаг, который то блистал своими снежно-белыми конусами, то скрывался за ближними горами. Долина, по которой шел караван, постепенно расширяясь, перешла в волнистое плоскогорье. Налево виднелась удивительно живописная нагорная страна, масса возвышенностей из красного песчаника, вершины которых, в форме усеченных конусов, были покрыты, точно шапкой, толстым слоем черного туфа. Поверхность часто казалась совершенно ровною. Путники находились на настоящем плато, но на такой высоте (4975 м.), которая вредно отражалась на здоровье людей. То тот, то другой жаловался на страшную головную боль и просил отдыха. У всех одышка, сердцебиение, все ели мало и неохотно. Погода не способствовала ободрению людей. Небо хмурилось, часто выпадал снег, который подмерзал за ночь и таял днем, дул неприятный ветер. Больше всех страдал от горной болезни Исламбай. Наконец, тринадцатого августа он уже не в состоянии был подняться с постели: пульс его бился ускоренно, голова страшно болела, он харкал кровью и не мог пошевелить ни одним членом. Ему ни за что не хотелось задерживать караван; он упрашивал Гедина оставить его на месте с двумя также больными таглаками, поручить его должность Парпи-баю и итти дальше. Но Гедину казалось немыслимым продолжать путь без своего верного слуги и товарища, делившего

с ним горе и радость в течение почти трех лет. Лагерь был разбит в удобном месте, около ручейка, и он решился не двигаться с места, пока Ислам-баю не станет лучше. Несколько приемов хины и морфия облегчили страдания бедняги, и на другой день он в состоянии был выпить немного чаю с булкой и погулять около палатки.

Парпи-бай уверял, что через две недели караван достигнет областей, богатых травой, и что надобно спешить к ним, иначе лошади не выдержат. Две из них уже больны, не едят и целый день лежат на месте, не вставая.

ГЛАВА XXIV.

Страшный град. — Привал на лужайке. — Беглецы и наказание их. — Перевал через Арка-таг. — Озера. — Кيانги.

Пятнадцатого августа Ислам-бай чувствовал себя настолько хорошо, что караван мог продолжать путь. Одна из лошадей околела в ночь. Это была первая потеря, за которой скоро последовали другие.

Караван двигался к востоку вдоль широкой долины, тянувшейся у северной подошвы Арка-тага. Направо главный гребень Арка-тага скрывался за одним из отрогов хребта, налево тянулась не очень высокая горная цепь, свободная от снега.

Около полудня на западе собрались тяжелые облака, и скоро все небо заволочло грозными тучами. Послышался какой-то слабый вой и стон. Звук все приближался, становился все громче. Поднялся сильный ветер с запада, и разразился страшнейший град, колотивший землю и края гор. Все подернулось мраком, все окрестности потонули во мгле. Послышались оглушительные раскаты грома, но молний не было видно. Градины были не крупнее маисовых зерен; но ветер

гнал их с такою силой, что удары их чувствовались даже сквозь шубы и меховые шапки.

Караван принужден был остановиться. Лошади беспокоились, люди старались крепко держаться на седлах и сидели, повернувшись задом к ветру и подняв воротники до ушей. Через две-три минуты вся земля покрылась густым слоем града, и весь ландшафт принял совершенно зимний вид. За градом последовал ливень, и несчастные путники промокли до костей, прежде чем им удалось разбить палатки и укрыться в них.

На следующий день погода тоже была неприятная, хмурая, ветренная; тем не менее караван продолжал путь. Шли наугад, переходили из одной долины в другую, держась юго-восточного направления. Становилось очевидным, что Арка-таг представляет в этой области целый ряд параллельных хребтов и что поперечных долин, удобных для перевала через эти хребты, очень мало. По продольным долинам караван двигался без всякого затруднения, поперечным он мог делать к югу лишь небольшие концы.

По одной из таких поперечных долин караван с большим трудом поднялся до перевала, находившегося на высоте 5259 м. Надеялись, что это и был перевал через главный хребет. Только что лошади взобрались на него, как горы окутало густым туманом, и пошел град. Пришлось разбить палатки. Погода была ненастная: ветер пронизывал насквозь, град безжалостно хлестал. Всякое усилие на этой высоте причиняло сердцебиение и одышку. Подножного корма не было никакого, не было ни кустика для топлива; за водой приходилось спускаться глубоко в ущелье. Через несколько часов небо прояснилось, и можно было оглядеть окрестность. К югу и юго-западу шла цепь снежных гор, через которые, повидимому, не было ни одного перевала. Тот перевал, на котором стоял караван, вел лишь через отрог Арка-тага. На востоке в хребте Арка-тага виднелась как бы выемка, и к ней

тянулась извилистая продольная долина. Вокруг самого перевала возвышался целый хаос горных вершин, одни черные, другие красные, третьи зеленые, а самые высокие, покрытые снегом, — белые.

Трудный подъем сделан был напрасно. На другой день пришлось спуститься на прежний путь и продолжать идти в восточном направлении. Пройдя верст десять, путники заметили на высокой черной площадке над речкой, по берегу которой они шли, лужайку, покрытую зеленой травой. Ослы, не ожидая приглашения, взобрались на эту площадку и принялись щипать траву; люди тоже нашли, что трудно выбрать лучшее место для стоянки, и разбили палатки среди лужайки. Несколько часов спустя пришел с верблюдами Гамдан-бай, слуга Гедина, и тотчас узнал это место. Год тому назад он служил у английского путешественника Литльдэля, и тот останавливался всего минут на десять севернее. Литльдэль искал перевала в западной части Арка-тага и не нашел, тогда он пошел на восток и нашел очень легкий перевал, который вел к озеру на южной стороне Арка-тагского хребта. Гамдан-бай взялся вывести караван к этому перевалу. В виду такой приятной перспективы, решено было следующий день посвятить отдыху, дать животным насладиться давно невиданной травой. Вечером Гедин выдал жалование троим таглыкам и отпустил их домой; из остальных двое должны были помочь каравану перевалить через Арка-таг, а трое сопровождать его до населенных мест. Таглыки, которые оставались при караване, выпросили себе вперед половину жалования. Слуги Гедина, оставившие семьи в Керии и Хотане, решили воспользоваться случаем и послать своим денег с возвращавшимися таглыками, которые обещали на другой день выдать им расписки и обязательство доставить деньги по адресу. Когда расчеты были покончены, все улеглись спать. Таглыки спали, по обыкновению, на открытом воздухе, за загородкой из мешков маиса, седел и другого багажа. Каково же было удивление

людей каравана, когда, проснувшись на следующее утро, они увидели, что все таглыки, за исключением Эмина-мирзы, поступившего в секретари к Гедин, исчезли. Кроме того, оказалось, что не хватает двух лошадей, десяти ослов, несколько мешков хлеба, муки и маиса. Очевидно, таглыки заранее обдумали побег потому и постарались запастись деньгами. Ушли они тихонько, как только все в лагере заснуло. Кто-то вспомнил, что слышал около полуночи, как страшно лают собаки, но подумал, что они злятся на верблюдов, имевших обыкновение бродить по ночам. Все были в страшном негодовании: решено было преследовать беглецов и вернуть их обратно. Парпи-бай должен был руководить погоней; он взял с собою Гамдан-бая и Ислама из Керии, они вооружились ружьями и револьверами, сели на здоровых лошадей и скоро исчезли из виду. Гедин наказывал им, если беглецы не согласятся вернуться, сделать несколько выстрелов на воздух, чтобы пострадать их, но отнюдь не причинять им никакого зла.

Прошел день, прошла ночь, — ни о беглецах, ни о погоне не было ни слуху, ни духу. Наконец, уже в пять часов следующего дня приехал Парпи-бай и рассказал, что они скоро нашли следы таглыков и ехали по ним весь день и вечер. Около полуночи они заметили невдалеке костер и подъехали к нему. Около него паслись две лошади и ослы; пять таглыков грелись у огня, остальные уже спали. Когда Парпи-бай с товарищами подскочили к костру, таглыки вскочили и разбежались в разные стороны. Но Парпи-бай выстрелил из ружья на воздух и закричал им, чтобы они тотчас вернулись, иначе он перестреляет всех их. Тогда они повалились на землю, прося пощады. Парпи-бай перевязал их и отобрал у них неправильно полученные деньги. Затем, отдохнув часа три, они отправились в обратный путь вместе с таглыками. Только те трое, которые получили окончательный расчет, были отпущены на свободу. Зачинщик всего этого дела, стар-

шина таглыков, должен был, как вор, итти всю дорогу со связанными руками. Было десять часов вечера, когда беглецы под надзором Ислама из Керии вернулись в лагерь. Старшину таглыков подвели к палатке, у входа в которую сидел Гедин; остальные виновные стали сзади него. Гедин назвал их ворами и сказал им, что если бы они попали в руки китайского амбаня, им пришлось бы очень плохо. Теперь же, чтобы показать им, что нельзя безнаказанно обворовывать путешественников, они должны были загладить свой проступок добросовестным трудом, заплатить Парпи-баю, Гамдан-баю и Исламу из Керии жалованье за потраченное на погоню время, сопровождать караван до тех пор, пока это окажется нужным, и помнить, что при расчете они получают столько, сколько они заслужат своим поведением.

И люди, и животные, которые принимали участие в бегстве и в погоне, были так утомлены, что каравану пришлось еще день посвятить отдыху.

Погода становилась совсем зимней. Шел снег, дул северо-восточный ветер; скоро вся окрестность оказалась под белым покровом. Ветер проникал в палатки, и в них было так холодно, что люди с трудом могли согреться под своими тулупами.

Только двадцать четвертого августа удалось, наконец, каравану перебраться через перевал Арка-тага. Снег покрывал землю толстым слоем; извилистая речка бежала под ледяной корой. Подъем на перевал был не особенно крут, и с вершины его путникам открылся давно желанный вид на юг. Гамдан-бай несколько сбился с пути, и это был не тот перевал, по которому проезжал Литльдэль: тот лежал несколько западнее. Перевал находился на высоте 5544 метра.

На юго-запад и юго-восток глазам открывался почти безграничный горизонт, лишь местами прерываемый отрогами главного хребта. Южный склон Арка-тага оказался гораздо круче северного. Спуск с перевала шел по извилистой долине, замкнутой

с обеих сторон поперечными отрогами. Эти отроги становились все ниже и ниже и, наконец, перешли в волнистую поверхность, а затем в обширное плоскогорье. По этому плоскогорью раскинуты были там и сям невысокие горы, а далеко на юг горизонт замыкался величественною цепью гор с вершинами, покрытыми вечным снегом.

Теперь караван выбрался из восточного Туркестана, из тех областей, воды которых стремятся к Лоб-нору. Он вступил на почву северного Тибета, обширнейшей возвышенности земного шара. Но ему было еще далеко до тех областей, воды которых текут в Тихий океан, и долго пришлось ему двигаться по местности, из которой ни одна капля воды не попадает ни в какое море. К востоку перед ним лежала совершенно неизвестная страна. Спустившись по южному склону перевала, он двинулся на юго-восток. Южные склоны Арка-тага виднелись слева и сияли, залитые солнечным светом. Почва была покрыта густым слоем тонкого песка и пыли; животные с трудом переступали по нему. По долине протекала речка, в которую вливалось несколько ручейков. Скоро они дошли и до озера, в которое впадала эта речка. Это было первое встреченное ими на плато озеро, не имевшее стока для своих вод. Окруженное со всех сторон горами, оно вполне могло назваться внутренним. В следующие дни им встретилось несколько таких озер, принимавших в себя реки и ручейки, лившиеся с гор как Арка-така, так и южной горной цепи. На берегах этих озер и по склонам холмов попадались лужайки, по большей части поросшие так называемым по-таглыкски „сарыком“ (желтой травой). Погода мало благоприятствовала путешественникам. Каждый день то поднималась страшная вьюга, то шел сильный град или лил дождь. В этом разреженном горном воздухе и люди, и животные страшно утомлялись. Старшина таглыков настойчиво просился домой. Ему выдали следуемое жалованье, дали осла, муки, хлеба, и он побрел на запад по следам каравана. Остальные

таглыки предпочитали сопровождать караван до Цайдама и уже оттуда вернуться домой по более населенным местам. Они вели себя настолько хорошо, что через два-три дня всякий усиленный надзор за ними и связыванье их ночью были оставлены.

Караван все дальше подвигался на юго-восток, и южная цепь гор все яснее вырисовывалась на горизонте. Вместе с тем все чаще попадались следы живых существ. На некоторых местах старый помет диких яков и киангов¹⁾ был разбросан по земле в таком количестве, что люди собирали запасы его для топлива. Наконец, стали появляться и животные. Там, где были порядочные луговины, на них бродили кианги то в одиночку, то маленькими стадами, в три-четыре головы. Кианги наружностью всего больше напоминают мулов. Уши их длиннее лошадиных, но короче ослиных, хвост, с пучком волос на конце, тоже напоминает ослиный; грива короткая, торчащая, черная. Спина кианга красновато-бурая, бока светлее, брюхо белое; уши снаружи темные, внутри белые. Копыта у него сильные, но не очень твердые и такие же большие как лошадиные. Грудь широкая и хорошо развитая, шея мускулистая. Особенно же сильно развиты у него мускулы задних ног, приспособленных к быстрому бегу. Ноздри гораздо шире лошадиных; когда он, чуя своих товарищей, фыркает или кричит по-ослиному, ноздри его раздуваются в обширные отверстия. Эти ноздри кианга, соответствующие его объемистым легким, приспособлены к тому разреженному воздуху, среди которого ему приходится жить.

Кианги обыкновенно держались на почтительном расстоянии от каравана, но с видимым любопытством

¹⁾ Водящийся в Тибете кианг, как и его ближайший родственник, кулан, водящийся у нас в Киргизской степи и в Туркестане, по своему строению представляет нечто среднее между лошастью и ослом (немецкое название обоих этих животных Halbesel, т.-е. полуосел). Кианг и кулан очень похожи друг на друга (Пржевальский даже считал их вначале за одно и то же животное), но кианг отличается более крупным ростом и снежно-белой окраской нижней стороны тела.

разглядывали его. Собаки не могли видеть равнодушно этих животных. Особенно Джолдаш, который непременно бросался на них и находил необыкновенное наслаждение в том, чтобы обращать их в бегство. Он как сумасшедший гнался за ними и всякий раз возвращался к каравану высунув язык, еле переводя дух. Смешно было наблюдать за ним, когда он замечал стадо киангов. Уши его поднимались, глаза сверкали, он приседал на задние лапы и пристально, не шевелясь, глядел на них, затем делал несколько шагов по направлению к ним и вдруг с быстротой стрелы бросался к ним. Завидев собаку, робкие животные срывались с места и убегали с быстротой ветра, а их преследователь оставался ни с чем. Но горький опыт ничему не научал Джолдаша. Стоило появиться новому стаду — и он неизменно повторял свою безуспешную погоню.

Один раз красивый полосатый, серый с коричневым, кианг часа два бежал впереди каравана, но постоянно на значительном расстоянии. Он шел то рысью, то галопом, маленький хвостик его торчал прямо, голова была высоко поднята с сознанием собственной силы и энергии. По временам он останавливался, оборачивался назад, глядел на караван и издавал странный звук, нечто среднее между лошадиным ржанием и ослиным криком. Но как только караван подходил к нему, он тотчас же пускался бежать. За ним погнался большой косматый пес Джолбарс. Кианг, ко всеобщему удивлению, нетолько не испугался при виде собаки, а напротив, остановился против нее. Это озадачило Джолбарса, и он тоже стал. Тогда кианг сам перешел в нападение и бросился на собаку. Пришла очередь Джолбарсу обратиться в бегство, и он вернулся в лагерь сильно сконфуженный, с опущенным хвостом.

Люди-охотники тоже не совсем равнодушно поглядывали на киангов. Наконец, Ислам-баю удалось прокрасться в обход и подойти близко к киангу, который бежал впереди каравана, не обращая внимания на преследовавших его собак. Ислам дал два выстрела,

но они не задели животного. Кианг остановился, потянул носом и посмотрел на караван с удивлением и любопытством. После третьего выстрела он, прихрамывая, побежал на восток, оставляя за собой кровавый след. Ислам-бай и Парпи-бай погнались за ним, погоняя своих лошадей изо всех сил. Гедин и Эмин-мирза ехали за ними обыкновенным шагом. В одном месте кианг остановился отдохнуть, и на земле появилась большая лужа крови. Тем не менее он целых два часа спасался от своих охотников. Под конец он, к своему несчастью, покинул удобную долину и своротил влево, к горам. Охотники вслед за ним поднялись на невысокую возвышенность, спустились к речке, и тут на песчаном островке, между двумя рукавами речки, кианг, наконец, упал. Ислам-бай и Парпи-бай соскочили с лошадей и перевязали ему передние ноги. Животное лежало совершенно спокойно и посматривало на людей без особенного страха. У него была прострелена задняя нога, и из раны сочилась кровь. Чтобы не давать бедняге долго мучиться, его поспешили зарезать. Шкуру с него сняли и высушили на песке, а мясо его пошло в пищу людям и собакам.

Г Л А В А XXV.

Следы прежних путешественников. — Дикие яки. — Караван тает. — Самое большое из соленых озер. — Припасы истощаются.

В своем дневнике Гедин пишет от второго сентября: „Сегодня мы держались довольно близко от южного хребта и открыли несколько новых озер. Почва была усеяна обломками зеленого сланца и черного туфа. Из животных видели антилоп, лисиц, ласточек и жаворонков. Кроме того, сделали одно интересное открытие: оказалось, что здесь раньше нас бывали люди. С одного места ясно виден был перерыв в цепи южного хребта,

и через этот перерыв виднелась вдаль круглая горная вершина, покрытая снегом; слева от горы замечен был перевал через хребет. Как только глазам нашим открылась эта картина, Парпи-бай подъехал ко мне и заявил, что узнает эту местность: „Через этот проход перевалил караван „Боволо тюри“ (г. Бонвалло) и принца Генриха Орлеанского“. Слова его подтвердились находкой, которую мы сделали вскоре потом: мы нашли несколько кусков белого войлока, который кладут на спины верблюдам, чтобы их не терло вьюками. Парпи-бай подтвердил, что у французов был запас именно такого войлока. Таким образом было очевидно, что мой маршрут и маршрут французской экспедиции скрещивались на этом пункте.

Мы разбили лагерь на берегу озера, на высоте 5106 м. К юго-востоку возвышалась целая масса пирамидальных вершин и ледников; люди выражали опасение, что они преградят нам путь. Наши бедные животные чувствуют себя очень плохо. Одну лошадь уже пришлось бросить, две другие так разбиты, что идут вместе с ослиами и без всякой ноши; одну из них мы и оставили на этом месте. Парпи-бай с верблюдами не пришел ни вечером, ни ночью. Мы начали уже сильно беспокоиться о нем, но к утру он вернулся. Оказалось, что на пути ему пришлось бросить еще одну лошадь и осла. Одна из коз тоже еле тащилась, и мы ее закололи. Верблюды и прочие животные были довольно бодры, и мы им дали отдохнуть день и попасться на лужайке.

Рано утром Ислам-бай заметил корову-яка, которая с двумя телятами паслась на противоположной стороне озера. Он захватил ружье и направился туда на лошади. Около обеда он вернулся и с гордостью рассказывал, что ему удалось всадить корове две пули, из которых одна пробила ей хребет. Он слез с лошади и подкрался к своей добыче пешком. Неопытные телята не подозревали опасности, и мать, побежавшая предупредить их, легко сделалась добычей охотника.

Когда она упала, телята скрылись за ближайшими холмами.

Так как в этой местности водилось много яков более огромных и красивых, то шкуру коровы не стали снимать, — вырубили только несколько лучших кусков мяса и вырезали язык. Язык оказался очень вкусным, но мясо было жестко и неприятно. Остригли также шерсть, которая длинной бахромой спускается с боков животного; из нее свили веревки. В тот же день большой як-самец подошел совсем близко к тому месту, где паслись лошади каравана. Ислам-бай осторожно подкрался, словно пантера, с подветренной стороны, и несколько раз выстрелил в животное. С третьего выстрела як упал, но скоро снова вскочил и бросился на своего врага. Четвертый выстрел заставил его перевернуться на месте, но затем он снова устремился на Ислама. Он несколько раз падал и снова поднимался, пока еще одна пуля не уложила его окончательно на месте. Ислам с торжеством вернулся в лагерь и заявил, что более красивой шкуры не найти. Убитый як лежал на пути каравана, и потому решено было, что на другой день, проходя мимо, несколько человек останутся, чтобы снять с него шкуру.

На другое утро караван выступил в обычное время. Ислам-бай отлично заметил место, где он убил яка. Каково же было его удивление, когда животного там не оказалось! Он клялся, что як был несомненно убит, но следы на мягкой, сырой почве показывали, что он ожил и, несмотря на раны, ушел. По следам, однако, видно было, что он несколько раз снова падал, — значит, он не мог уйти далеко. Действительно, с вершины одного холма караван скоро заметил его. Он шел медленно по берегу ручья, обнюхивая землю.

„Когда мы подошли к нему шагов на двести, — рассказывает Гедин, — он повернулся и стал смотреть на нас, подняв голову вверх. Ислам пустил в него пулю, но это раздражило его до такой степени, что он как бешеный бросился на караван. Всадники хотели

обратиться в бегство, но не успели повернуть своих лошадей, как як был уже в двадцати шагах от них. Тут он, к счастью, остановился и яростно захрюкал; он дико поводил глазами, пыхтел, взрывал песок головой и ногами и бешено колотил себя хвостом по бокам. Ислам еще раз выстрелил в него. Он завертелся на месте. Джолдаш бросился было к нему; но разъяренный бык, опустив рога и распустив хвост по ветру, кинулся навстречу ему. Перепуганная собака тотчас же обратилась в бегство. Ислам выстрелил еще два раза: одна пуля пробила левую ногу животного, другая попала ему под лопатку и, наконец, нанесла смертельную рану. Он упал и, несмотря на все усилия, не мог подняться при приближении людей. Через несколько секунд он действительно умер. Это было великолепное животное, хотя, по всем признакам, уже старое. Длина его была до начала хвоста $3\frac{1}{4}$ метра, длина головы — 72 сант. (ок. аршина). Он был покрыт густой, ровной, черной шерстью. Бахрома на боках его была такая длинная и густая, что служила ему отличной подстилкой, когда он ложился. Язык был покрыт очень твердыми, острыми роговыми бугорками, язык и десна имели синеватый оттенок, как у домашнего яка. Рога обладали громадной силой и вследствие своих острых концов являлись страшным оружием. Хвост был очень длинен, копыта крепкие, сильно развитые, что было необходимо, чтобы поддерживать такое тяжелое тело при ходьбе по каменистой, неровной поверхности. Когда як стоит, горб его образует возвышение, круто спускающееся к голове, которую он обыкновенно держит опущенной к земле. Животное таких громадных размеров несомненно очень тяжело. Четыре человека с трудом нагрузили на верблюда шкуру яка, убитого Исламом. Когда яка преследуют, он бежит неуклюжей, тяжелой рысью, опустив хвост, волоча по земле свою длинную бахрому и слегка приподняв голову. Он имеет пред своими преследователями то преимущество, что никогда не запыхивается; в случае опасности, он легко переходит в наступление

Дикий як.

и становится страшным врагом. Таглыки рассказывали, что в селениях около северного подножия Куэнь-Луня живут так называемые „паваны“, охотники, которые промышляют охотой на яков. Преследуют они их в горах Арка-тага и северного Тибета. Каждый охотник идет в сопровождении двух людей и осла, на которого нагружают шкуру убитого зверя. Но по большей части они соединяются по двое, по трое вместе, в виду опасности, представляемой этой охотой. Есть ловкие охотники, убивающие яка с первого выстрела, попав ему пулей в сердце. Вообще же убить животное очень трудно. Стрелять ему в голову бесполезно: у него такие толстые черепные кости, что пуля не в состоянии пробить их. Получив пулю в лоб, як спокойно продолжает идти дальше, разве только фыркнет да помотает головой. Не смертельная рана приводит животное в бешенство, и оно бросается на охотника, выставив вперед свои страшные рога. Убив яка, охотники тотчас же сдирают с него шкуру. Она идет на выделку кожи, которая очень ценится за свою прочность. Кожа со спины, самая лучшая, идет на выделку седел, упряжи и обуви. Из кожи ног делают так называемые „тюрюки“, мягкие сапоги, которые обыкновенно носят таглыки. Хвосты в виде „тугов“ приносятся в дар для украшения мазаров. Дикий як единственное животное, способное переносить холодный, суровый климат, ужаснейшие бури и град на высотах Тибетских гор. Он равнодушен ко всякому ненастью. Ему даже как будто доставляет удовольствие, когда град хлещет его по бокам. А когда вихрь вздымает вокруг него облака снежной пыли, он спокойно продолжает пережевывать свою жвачку, как будто ничего особенного не случилось. Одно, что несколько неприятно действует на негѣ, это летний жар. Он спасается от него или залезая купаться в ближнюю речку, или поднимаясь до ледников и снежных вершин гор, где с наслаждением валяется на мягком белом снегу“.

Пятого сентября из лагерной стоянки каравана показалась на юго-западе величественная горная вершина,

покрытая блестящим снегом. Вершина эта возвышалась над всеми своими соседями и была видна издалека. Гедин назвал ее „Горой короля Оскара“. Лагерь был раскинут на берегу замечательно красивого озера, вода которого оказалась горькой и потому совершенно негодной для питья. На озере играли массы чаек. Когда караван выступил, стадо диких яков целый час провожало его, но держась довольно далеко. Вечером четыре кианга, — самец и три самки, бегали и кружились вокруг лагеря, видимо, сильно интересуясь им. Они носились быстрой рысью, подняв головы, распутив хвосты по ветру, и нельзя было не любоваться этими красивыми, грациозными животными.

Местность, по которой проходил караван, была довольно однообразна. Вся обширная впадина между Арка-тагом и южным хребтом представляет ряд озер, в которые вливается множество речек и ручьев; между озерами идут более или менее высокие холмы и пригорки, обозначающие водоразделы. Иногда путешественникам приходилось делать более длинные переходы, чем они желали, чтобы остановиться там, где был подножный корм. Силы бедных животных быстро падали; необходимо было поддерживать их, чем возможно.

Десятого сентября Гедин отмечает в своем дневнике: „Мы шли на восток, все дальше на восток, по равнине, прорезанной рекой, которая текла в озеро, обозначенное мною на карте № 18. На берегу его мы остановились на ночлег и отдыхали весь следующий день, так как на соседних холмах росла довольно хорошая трава. Отдых пришелся кстати, так как была отвратительная погода. Целый день шел снег и град, ветер дул со всех сторон. Окрестность была задернута густым туманом, через который ничего не было видно. Мы осмотрели свои запасы и увидели, что придется соблюдать большую экономию. Хлеба, муки и чаю нам могло хватить на месяц, но, ведь, нас было одиннадцать человек, и мы совершенно не знали, как далеко нам оставалось идти до обитаемых мест. Из взятых нами овец уцелела

только одна. Конечно, в худшем случае, мы могли питаться мясом диких яков. Прошло шесть недель, как мы покинули последнее поселение, и нам всем страстно хотелось увидеть людей, кто бы они ни были. Окрестности нашего лагеря мрачны и безжизненны; ничего не слышно, кроме крика чаек над озером. Не видно никакой растительности, кроме пожелтевшей уже травы. Ветер воет; снег крутит вокруг палатки; волны однообразно бьют о берега. Палатки, занесенные снегом, представляются белыми пятнами среди серого, пустынного ландшафта. Наши усталые животные щиплют скудную траву на холмах. Некоторые из людей спят у себя в палатке, другие сидят около костра, сложенного из помета диких яков.

„Двенадцатого сентября. Во время перехода потеряли одного осла. Вечером пало еще два и лошадь, которая везла ящик с моими приборами от Курли до Лобнора, оттуда до Хатана и от Хатана досюда. Наши бедные животные окончательно изнемогают. Не проходит дня, чтобы мы не теряли одного, двух из них. Их трупы не разлагаются в этом чистом, холодном воздухе; они просто засыхают, превращаются в мумий и долго будут отмечать наш маршрут в пустынных областях северного Тибета. Наше путешествие становилось затруднительным, главным образом потому, что пастбища попадались реже и худшего качества, чем в первую часть пути. В сущности, лошади и ослы не пригодны для таких высот. Верблюды выносят путешествие гораздо лучше, хотя сильно исхудали.

„Тринадцатого сентября. Наша лагерная стоянка (на высоте 5043 метра) оказалась очень неудачной. Травы было мало и вблизи не виднелось яков. Чтобы вскипятить воды, пришлось пожертвовать кольями палатки. Было уже совсем темно, когда верблюды и последние пять ослов дотацились до лагеря. Переутомление животных грозило поставить нас в критическое положение, вроде того, какое я испытал в пустыне Такла-Макан. Мой караван и теперь так же постепенно таял, как тогда.

Тогда так же, как теперь, глаза наши были обращены постоянно на восток, ожидая благоприятного изменения поверхности. Но теперь мы не терпели недостатка в воде, и, если бы даже все наши животные пали, мы все-таки могли бы пешком добраться до обитаемых мест.

„Шестнадцатого сентября. Шли по южному берегу огромного озера № 19. Помет яков и свежие следы их стали опять часто попадаться. Мы нашли на дороге рог яка с явно заметными надрезами, сделанными ножом, а также черепки глиняной посуды — доказательство, что здесь недавно были люди. После полудня, окружавшие нас облака сгустились в тучи, поднялся сильный восточный ветер, и разразился снежный буран. Такого страшного бурана я не испытывал с тех пор, как входил на Мустаг-ату. Облака снега, мелкого как мука, крутились около самой земли; временами падал град, густой пеленой скрывавший от глаз окрестность. Земля побелела в несколько минут; нас совершенно засыпало снегом. Буря продолжалась часа два, затем снова засияло солнце. Озеро заканчивалось узким заливом. Мы повернули от него на юго-восток, ближе к южному хребту, надеясь найти на холмах, у подножия его, лужайки с хорошей травой. Около одного маленького озерка сидел в задумчивости серый медведь. Джолдаш тотчас же смело бросился к нему. Но, когда Мишка выказал желание принять бой, наш герой повернул назад и с быстротой стрелы очутился около нас, между тем как медведь спокойно ушел за холмы. Мы нашли порядочное пастбище и провели около него целый день. Погода стояла отвратительная. Один из верблюдов стер себе кожу на задних ногах; ему сшили и надели чулки из шкуры кианга. После этого он стал ступать свободнее.

„Восемнадцатого сентября. Густой снег, выпавший вчера, затруднил животным отыскивание корма. Одного осла пришлось оставить на месте стоянки, еще две лошади пришли в негодность. Они пошли вместе с последними четырьмя ослами, из которых всего один мог еще

нести вьюк, и то не тяжелый. Только я, Ислам и Парпибай ехали верхом, все остальные люди должны были идти пешком.

„Двадцать первого сентября. Прошли 26 килом. и весь день шли по берегу речки, которая берет начало в снежных горах южного хребта и вливается в озеро № 20. Местность была пустынная и однообразна. Но мы видали яков, куланов, антилоп, медведей, полевых мышей, ворон, жаворонков и чаек, а из насекомых — мух и слепней. Озеро так велико, что представляется целым морем. Нам не видна его восточная оконечность. Кажется, будто горные цепи, окаймлявшие его с обеих сторон, постепенно сближаются, но между ними все-таки остается просвет, и в нем вода и небо как бы сливаются. Мы остановились на берегу озера, там, где была порядочная трава. Озеро казалось очень глубоким, так как вода его была темно-синяя, а холмы западного берега круто обрывались в воду. Но вода была горько-соленая. Незаметно никаких признаков, чтобы эта местность посещалась людьми.

„Двадцать третьего сентября. Миновав озеро, нам пришлось перебраться через очень крутые холмы; около одного из них моя верховая лошадь отказалась служить. Эмин-мирза тихонько повел ее под уздцы, а я пересел на его лошадь и поехал один за караваном. Но меня сегодня преследовало несчастье на лошадей. Лошадь Эмина-мирзы упала подо мною, хотя не сбросила меня с седла. Мне пришлось идти до лагеря пешком и вести ее. Приятно было очутиться в палатке, но я долго не мог согреть свои окоченевшие руки. Весь вечер свирепствовал настоящий ураган. Только пять верблюдов пришли к стоянке. Тот, у которого были надеты кожаные чулки, завалился по дороге, и его пришлось убить. Надо было остановиться на день для отдыха, так как все животные были сильно изнурены. Утром первое, что я увидел, выйдя из палатки, была моя верховая лошадь, издохшая ночью. Я ездил на ней шестнадцать месяцев, во всякую погоду, и она ни разу не споткнулась, не упала. В Хотане

она отдыхала четыре месяца в конюшне Лю-дарина и после этого была на вид не хуже любой чистокровной английской лошади. За последнюю неделю она очень похудела, ослабела и смотрела на меня унылыми глазами.

„Двадцать пятого сентября. У нас в караване осталось пять верблюдов, девять лошадей и три осла. Большинство животных не долго протянут. Таглык Искандер нездоров и потому едет на осле, зато Эмину-мирзе приходится идти пешком, так как его лошадь отказалась служить. Несколько дней тому назад лошадям выдана была последняя порция маиса. С тех пор им приходится довольствоваться черствым хлебом да жалкой травой, какую им удастся отыскать“.

Г Л А В А XXVI.

Неосторожный охотник. — Интересные находки. — Ошибка Ислама. — Семья монгола-охотника. — Новый учитель. — На волос от смерти. — Еще монголы.

Двадцать седьмого сентября караван еще раз переваливал через Арка-таг по северо-восточному отрогу хребта и этим путем вышел из плоскогорья северного Тибета. Подъем на перевал был не труден, и довольно отлогий спуск с него вел в долину, по которой протекал полузамерзший ручей и которая окаймлялась горными хребтами. У подножия гор росла порядочная трава, и по ней разгуливало большое стадо яков. Когда караван приблизился к ним, Ислам поехал вперед и выстрелил. Стадо тотчас разделилось. Большая часть его бросилась в горы, а остальные, штук пятьдесят, направились тесным строем на Гедина и Эмина. „Мы были одни, — рассказывает Гедин, — остальные люди с караваном остались далеко позади, — безоружны, а стадо несло прямо на нас, и впереди всех громадный, красивый бык. Облако пыли вполне скрывало животных, мы только слышали зловещий стук

их копыт и смутно сознавали, что еще секунда — две, и вся эта масса обрушится на нас, словно лавина. Но они, должно быть, не видали нас. Не добежав каких-нибудь шагов ста, вожак их заметил нас и круто повернул в сторону, остальные немедленно последовали за ним. Ислам, который скакал за стадом на своей лошади, быстро спешился, стал в засаду и выстрелил наугад в середину стада. Пуля попала одному быку в переднюю ногу. Разъяренное животное бросилось прямо на стрелка. Ислам вскочил на лошадь и понесся с такой быстротой, на какую только была способна ослабевшая лошадь. Хотя як бежал всего на трех ногах, но он минуты через две нагнал его и уже пригнул голову, чтобы посадить на рога и лошадь и всадника, когда Ислам повернулся и выстрелил. Впопыхах он не успел даже прицелиться, но як находился так близко, что нельзя было промахнуться, и, к счастью, пуля попала прямо в сердце животному“.

Это происшествие заставило караван разбить тут же лагерь, хотя место было не совсем удобно: довольно далеко от воды. Мясо яка пришлось очень кстати, так как запасы муки и риса приходили к концу. Пообедав очень вкусным и питательным бульоном из этого мяса, Гедин спокойно покурил трубку, сидя у себя в палатке, как вдруг к нему вбежал сильно взволнованный Ислам и с ним еще два-три человека. „Бис нишан тапдык!“ (Мы нашли знаки!) — кричали они. И они разложили по полу сланцевые плитки с какими-то тибетскими письменами. Можно себе представить, как заинтересовала путешественника эта неожиданная находка! Он тотчас отправился к тому месту, где были найдены плитки. Это было на берегу небольшого озера, куда люди пошли за водой. Тут можно было различить камни, расположенные квадратом, и следы двух-трех палаток; очевидно, здесь когда-то останавливались тибетские или монгольские кочевники со своими стадами яков. Вблизи находилось еще восемь плиток, тоже с надписями. Путешественник захватил с собой две из них, а осталь-

ные зарыл в землю, чтобы достать их в случае, если надписи на них окажутся интересными в научном отношении.

Караван продолжал свой путь на восток и через несколько времени подошел к реке, которая не впадала в озеро, а вытекала из него. Очевидно, область закрытых озер кончилась и река прорезывала себе путь сквозь горную цепь, вырисовывавшуюся впереди на горизонте.

По временам на берегу реки они замечали как будто тропинку, но не могли решить, протоптана ли она людьми или животными. На вершине небольшого перевала, через который им пришлось перейти, они заметили кучу камней, которая могла быть сложена только человеческими руками.

С перевала караван спустился в большую котловину, покрытую хорошей травой и пересекаемую маленькими ручейками. По ней бродила масса киангов стадами от 80 до 200 штук. Около середины котловины сделано было еще открытие: ясно виднелись следы трех верблюдов и шести лошадей, следовательно, целого каравана, направлявшегося на северо-запад. Это открытие всех оживило: очевидно, людские поселения были недалеко, можно было надеяться скоро встретить монголов или пастухов.

Дойдя до противоположного конца котловины, караван перешел сравнительно невысокий перевал (4556 м.) между двумя отрогами гор и у подножия песчаного холма на берегу ручья остановился на ночлег. При этом переходе он потерял еще двух лошадей. На следующее утро, спустившись в широкую, поросшую травой долину, Гедин вдруг заметил какой-то черный предмет на берегу ручья. Он принял его сначала за лежащего яка, но, подъехав ближе, с удивлением увидел среди этой безлюдной пустыни очень красивое „обо“ (алтарь), вероятно, воздвигнутое для умиловлиения горных божеств. Оно состояло из больших каменных плит, прислоненных друг к другу и покрытых надписями. Караван тотчас остановился, разбили палатки, животных пустили

пасть на траве, а Гедин принялся внимательно изучать оригинальную постройку и срисовывать ее со всех сторон. По своему устройству она напоминала как бы конюшню с тремя стойлами от 38 до 67 сантиметров ширины. Построена она была из 49 плоских ровных плит темно-зеленого цвета. Все эти плиты были прислонены друг к другу, вроде того, как строят карточные домики. Плита, составлявшая заднюю стену, имела 1 м. 45 сант. высоты и около 1 м. 34 сант. длины; она возвышалась над всем сооружением. Все плиты были сплошь покрыты письменами, выцарапанными каким-то острым инструментом, и выделялись светло-серыми линиями на темно-зеленом фоне плит. Недалеко от „обо“ лежало несколько закоптелых камней, между которыми сохранились уголья и зола: очевидно, здесь еще недавно останавливался кто-нибудь. Отсюда тропинка вела к прямоугольной могильной плите, должно быть, какому-нибудь мазару.

Интерес путешественника был возбужден в высшей степени. Что могли означать таинственные письмена на плитах? Быть может, они описывали какое-нибудь важное историческое событие или давали какие-нибудь полезные указания паломникам, отправляющимся в Лассу? Судя по имевшимся у него картам, обычный путь паломников должен был проходить недалеко от этого места. Он велел осторожно снять плиты, разложить их по земле и принялся списывать их надписи. Первые две плиты были невелики, и он переписал их в полчаса. Когда он принялся за третью, его поразило однообразие букв, как будто один и тот же значок повторялся через определенные промежутки. Он стал внимательно рассматривать плиты и увидел, что все 49 штук исписаны одинаковыми, правильно повторяющимися буквами. В уме его мелькнула догадка: все эти письмена были не что иное, как начертание буддийского молитвенного воззвания; „Он мане падме хум!“ (О сокровище лотоса!) Не стоило и переписывать их! Путешественник был разочарован. Надежда, что он отыскал какой-то важ-

ный исторический памятник, обманула его. Это „обо“ являлось просто доказательством суеверия тибетских ламаистов, которые воображают, что, нацарапав бесконечное множество раз свою молитву, они этим заслужат милость бога. Захватив для образца две плитки, караван продолжал свой путь на восток по широкой, прямой долине, прорезанной рекой, которая вытекала из последнего озера, встреченного ими. Им попалось еще два „обо“ из сланцевых плит, просто прислоненных к холмикам, и несколько следов присутствия людей: обгорелое место после костра, колья от палатки, верблюжий помет.

Ислам-бай заметил стадо яков, которые щипали траву у подножия гор с противоположной стороны долины. Он тихонько подкрался к ним и дал два выстрела, вдруг к нему подбежала старуха, громко крича и размахивая руками. Очевидно, яки были не дикие, а домашние, и путешественники, после пятидесяти пяти дней странствования по безлюдным областям Тибета, дошли, наконец, до человеческого жилья. Вскоре они увидели на правом берегу реки кибитку старухи; около паслись ее яки, козы и овцы. Так как никто в караване не умел говорить по-монгольски, то со старухой пришлось объясняться знаками. Гедину хотелось купить у ней барана на кушанье; чтобы объяснить ей это, он принялся блеять по-овечьи и показал ей две китайские монеты, около шести рублей. Она быстро сообразила, в чем дело. Затем она сама знаками объяснила, что муж ее ушел в горы охотиться на яков, но что он должен скоро вернуться. Гедин с Парпи-баем и Эмин-мирзой направились к кибитке старухи, чтобы осмотреть ее изнутри. Когда она заметила, что они подходят, она с своим восьмилетним сыном вышла им навстречу. Гедин дал мальчику конфету, а матери щепотку табаку, которым она немедленно набила свою трубку. Юрта была устроена из очень старой кошмы, прикрепленной к двум шестам. Каждая из длинных стенок поддерживалась тремя горизонтальными шестами, которые были веревками, продетыми сквозь дырки кошмы, привязаны к вертикаль-

ным шестам, воткнутым в землю. Благодаря такому приспособлению, кибитка делалась более закругленной и более просторной. В середине крыши было дымовое отверстие. Самым выдающимся предметом в палатке был небольшой ящик, стоявший прямо против входа. Оказалось, что это „бурхан“, или маленькая буддийская кумирня. Старуха обмела ее яковым хвостом и после некоторого колебания открыла: в ней лежали тибетские книги, написанные на узких, длинных полосах бумаги (каждая книга, или кучка таких полос, была завернута в кусок материи), и затем несколько медных и деревянных чашечек, очевидно, священных сосудов. Кроме этого, в кибитке была: китайская фарфоровая чашка, кожаное ведро, такая же кружка, железный котел, медный чайник, мешок с какими-то сухими растениями, которые бросают в огонь в виде куренья, ножи, раздувательный мех, огниво, седла и уздечки, старое платье и мешок с овсяной мукой. Большую часть палатки занимали разной величины куски якового мяса; снаружи около палатки тоже лежало мясо. Его держат на воздухе, пока оно высохнет, почернеет, станет твердым, как дерево. Старуха отрезала несколько ломтиков его, поджарила на огне и предложила путешественникам. Впоследствии они узнали, что эта семья круглый год живет на одном месте и поставляет яковое мясо своим соплеменникам в Цайдаме. В середине палатки лежали три большие камня, поддерживающие котел для варки пищи; вокруг них был сложен запас якового помета для топлива. Чтобы развести костер старуха высекла огонь огнивом, подхватила его на горсть растительного пуха, положила на очаг среди помета, посыпала сухим пометом и слегка раздула мехами. Монголы не едят мясо киангов. Они доят кобыл и готовят напиток вроде киргизского кумыса. Для освещения служит яковый жир, налитый в выдолбленный камень, поставленный на треножнике. И старуха и мальчик были одеты в тулупы, подпоясанные кушаками, и в валенки. На голове старухи был платок, завязанный на затылке, а волосы ее были

заплетены в две длинные косы, прикрытые куском материи. Мальчик ходил с непокрытой головой: его волосы были заплетены в три косички, которые торчали, словно крысиные хвостики.

Вечером пришел хозяин, которому удалось убить яка. Он очень удивился, увидя чужих около своей кибитки, но отнесся к ним дружелюбно. Это был маленький старичок, с морщинистым лицом, узкими глазами, выдавшимися скулами, реденькой бородкой и щетинистыми усами. Он тоже был одет в тулуп и в кожаные панталоны, а на голове его была маленькая меховая шапочка. Мало-по-малу путешественники привыкли понимать некоторые слова его и узнали, что эта местность называется Моссото и что на день пути находится монгольское поселение. На них недавно сделала нападение шайка разбойников тангутов и ограбила их дочиста. Несчастные монголы принуждены были несколько времени питаться исключительно мясом яков; они послали просьбу о вспомоществовании к губернатору провинции, и он прислал им запас муки и хлеба. Дорча — так звали старика-охотника — не советовал путешественникам идти в сторону этого поселения, так как там они не найдут никакой пищи.

Гедин подарил старику несколько папирос и наполнил порохом его пороховницу, чем очень обрадовал его.

Путешественники так стосковались по человеческому обществу, что эта встреча со стариками-монголами подействовала на них оживляющим образом, и они весь следующий день провели около их кибитки. Тут они купили в прибавку к своим караванным животным трех небольших, но сильных, здоровых лошадок и себе на пищу двух баранов; кроме этого, монголы могли предложить им только козьего молока в промен на чай и муку.

Гедин усердно учился у Дорчи по-монгольски и смешил его своими попытками объясняться жестами. К вечеру он уже выучился считать и называть все вещи, бывшие в палатке, части человеческого тела,

местных животных и т. п. Он без запинки произносил фразы вроде; „гурба тэмэн байна“ (у нас три верблюда), „бамбураши му“ (медведь зол) и т. п. Глаголы было труднее узнать, но все-таки он заучил в первый же день несколько наиболее употребительных. При этом приходилось проделывать разные гимнастические упражнения, чтобы показать, какое действие он хочет назвать. Дорча перепугался и удивился, когда гость вдруг начал колотить его по спине, чтобы узнать, как сказать: бить.

Дорча взялся быть проводником каравана, и по дороге урски продолжались так успешно, что скоро Гедин уже сам мог объясняться с монголами.

Третьего октября караван выступил из Моссото и направился сначала по левому берегу реки, а потом свернул к северу по долине, которая на второй день пути поднялась довольно круто вверх и привела их к перевалу через окружавшие ее горы. Перевал был покрыт густым слоем снега, но оказался нетрудным, и все животные бодро поднялись на него. Река, протекавшая по долине, пробила себе путь сквозь гранитные горы и прорыла узкое ущелье, на дне которого сердито бурлила между отвесными скалами. Ислам-бай, который по обыкновению вел караван, повернул к этому ущелью, но Дорча, ехавший с Гедином и говоривший ему названия попадавшихся гор, рек и долин, посоветовал лучше ехать гребнем горы и спуститься подальше. Горы спускались крутым обрывом, под которым бурлила река. Тропинка, по которой приходилось ехать, была не больше 30 сант. в ширину и часто являлась буквально высеченной в скале. Вследствие недавних дождей, земля сделалась скользкой и вязкой. Дорча ехал впереди. Гедин следовал за ним по пятам и чувствовал некоторое беспокойство. Вдруг лошадь ступила слишком близко к краю, нога у нее оборвалась, и она полетела вниз. К счастью, Гедин успел соскользнуть с седла и растянулся плашмя на тропинке. Лошадь перекувырнулась раза два на крутом скате, прежде чем успела

удержаться. Дорча поспешил к ней на помощь и успел благополучно ввести ее на откос. Но Гедин не решался садиться на нее. Он прошел опасное место пешком, ведя лошадь под уздцы.

Дорча, его сын и зять.

Пятого октября среди одной широкой долины караван встретил кучку всадников-монголов, вооруженных ружьями и ножами. С помощью Дорчи Гедин завязал с ними разговор, и они решили остановиться на ночлег

все вместе. Кучка монголов состояла из пяти мужчин и одной женщины. Они ехали в горы охотиться на яков, чтобы запастись на зиму яковым мясом. Экскурсия их должна была продолжаться недели две-три, но они взяли провизии всего на 5—6 дней, надеясь остальное время питаться мясом яков. Охотники обыкновенно убивают столько яков, сколько им нужно, нагружают мясо на лошадей, а сами возвращаются домой пешком. Монголы охотятся на яков так же, как таглыки, т.-е. ходят на охоту не поодиночке, а по крайней мере, вдвоем, чтобы иметь одно ружье в запасе на случай, если животное бросится на охотника. Эти осенние экскурсии представляют приятный перерыв в их однообразной жизни. Сезон охоты продолжается один месяц. Каждая охотничья партия имеет свои определенные места охоты. Живут они все время без палаток, на открытом воздухе, и не берут с собой никаких вещей, кроме оружия, да провизии в кожаном мешке.

Партия охотников расположилась в кустах, около палатки Гедина; они развели огонь между тремя камнями и повесили над ним котелок с водой. Гедин подошел к их огню, и они приветствовали его дружеским вопросом: „амур сайн“? (каково поживаете?).

Когда вода в котелке закипела, один из мужчин достал из мешка шесть деревянных чашек и роздал присутствовавшим; затем он насыпал в нее каждому по порции поджаренной ячменной муки и положил по несколько ломтиков колбасы из бараньего сала. Женщина, хлопотавшая около огня, зачерпнула железной ложкой воду из котелка и разлила ее по чашкам; так готовится „цзамба“, любимое кушанье монголов. Жидкость из чашек была очень скоро съедена, и на оставшееся сало с мукой налили еще горячей воды. Кушанье это составило весь ужин монголов. После него они достали свои трубки, набили их отвратительным китайским табаком и принялись с полным удовольствием дымить ими.

Одежда их состояла из сильно поношенных тулупов, панталон, сапог и шапок. Они были, повидимому, совершенно нечувствительны к холоду: правая рука и правая часть груди часто оставались у них голыми. Ночью они завертывались в тулупы и укладывались около самого костра; во время вьюги они устраивают себе нечто вроде палатки с помощью своих ружей, седел и подседельников. Волосы у всех их были заплетены в косы; они молились, перебирая четки, чтобы считать, сколько раз произнесут молитву.

На следующий вечер каравану снова пришлось наткнуться на монголов. Весь день они ехали по гладкой равнине, то песчаной и совершенно бесплодной, то поросшей тамариском. Заросли тамариска становились все более густыми и, наконец, превратились в целый лабиринт кустов, сквозь который очень трудно было находить дорогу. Дорча, ехавший с Гедином далеко впереди остальных, выразил опасение, что караван не выберется без проводника к месту стоянки. Поэтому он указал Гедину направление, какого следовало держаться, а сам повернул назад. Гедин предоставил своей монгольской лошадке самой отыскивать дорогу, которую она, казалось, знала лучше его, и через час увидел прямо перед собой огни, сверкавшие между кустами. В то же время послышался лай собак, и целая стая их бросилась навстречу всаднику и Жолдашу, которого хозяин успел поднять и посадить на седло перед собой.

„Скоро показались кибитки и люди, — рассказывает Гедин. — Я спокойно подъехал к одной из кибиток, привязал лошадь и вошел. В палатке сидело с полдюжины монголов. Они посмотрели на меня с безмолвным изумлением. Я приветствовал их обычным „амур сайн?“, сел подле огня и закурил трубку. В углу стояла чашка с кумысом. Я встал и хлебнул из нее порядочный глоток. Монголы продолжали глядеть на меня, не говоря ни слова, и только от времени до времени подкладывали топливо в огонь. Они еще

не пришли в себя от удивления, когда через два Дорча пришел с караваном. Он объяснил им, мы были за люди. Около кибиток монголов поставили наши палатки и разложили костер. В этот день мы за ужин только в час ночи. Такой длинный перестой жизни двум нашим лошадям и одному ослу. Теперь из 56 животных, составлявших наш караван два месяца тому назад, осталось в живых всего три вьюка, три лошади и один осел".

Путешественники пробыли в этом монгольском селении несколько дней. Отсюда таглыки хотели вернуться прямой дорогой домой, и Гедин в награду за хорошую службу заплатил им двойное жалованье против условленного, дав им запас провианта, подарил несколько овец и своих изнуренных животных, впрочем, с условием, что они дадут этим последним немного отдохнуть, прежде чем пускаться в обратный путь.

Г Л А В А XXVII.

Новый караван. — Дружба с монголами. — Равнина Цайдама. — Досадная задержка. — Тоссо-нор и Курлык-нор. — Живописное „обо“.

Отделавшись от своих измученных животных, Гедин принялся за организацию нового каравана. Как только монголы узнали, что путешественник покупает лошадей, они целый день осаждали его палатку, предлагая своих коней. Он купил сравнительно недорого двадцать штук лошадей, и Парпи-бай сделал новые седла из материала, купленного у тех же монголов. Гедин старался как можно больше разговаривать с монголами, чтобы таким образом пополнить свое скудное знание языка и в то же время разузнать у них о всем, что касалось их страны и образа жизни. Узнав, что он интересуется их „бурханами“ (изображение Будды, которые носят на шее в маленьких ящичках, „гау“), они стали прино-

сить их и продавали по дешевой цене, но тайком друг от друга, прося, чтобы он подальше запрятал их. Эти бурханы делаются очень искусно в Лассе, и все монголы носят их. Ящички, в которых заключены бурханы, бывают иногда серебряные с гравированными рисунками и украшениями из бирюзы; более дешевые делаются из желтой или красной меди.

Между монголами и путешественниками установились самые дружеские отношения. Когда Гедин рисовал, около него собиралась целая толпа. Когда он входил в чью-нибудь палатку, его неизменно угощали чаем и цзамбой. Монголы спокойно позволяли рисовать с себя портреты, не выказывая ни суеверного страха, ни застенчивости. Им не понравилось только, когда путешественник вздумал измерять их рост, поставив их спиной к шесту, подпиравшему палатку: они боялись, что он коснется рукой их макушки, а макушка головы почему-то считается у них неприкосновенной, — может быть, потому, что они в знак почитания прикладывают к ней своих бурханов, а может быть потому, что на нее возлагал руку, в виде благословения, их Далай-лама.

С визитом к Гедину пришел старшина селения в красной мантии и китайской шапке с пуговкой и длинными лентами. Он принес в подарок молока, кумысу и водки, сделанной из кумыса, невкусной и очень крепкой. На следующий день Гедин отдал ему визит. Прямо против входа в его довольно просторной кибитке устроена была кумирня. Она состояла из нескольких ящичков, поставленных друг на друга и прикрытых дощечкой, на которой были расставлены медные чашечки и тарелочки с водой, мукой, цзамбой — жертвоприношения бурханам. Кроме того, там лежали священные книги, вращающиеся валики с молитвами и несколько бурханов. Приближаясь к этим последним, нельзя курить, нельзя даже дышать на них. Путешественник по незнанию нарушил это правило, и бурханов тотчас же очистили, подержав над жаровней с благовонными травами. Среди палатки горел под таганом огонь, кото-

рый поддерживался ветвями тамариска и корнями каких-то других растений. Кушанья для гостей ставились на маленькие скамеечки. Перед палаткой старшины воткнуто было в землю копье — знак его достоинства. Вокруг становища росли высокие тамариски, скорее похожие на деревья, чем на кусты. Они доставляют материал для изготовления посуды и разных мелких вещей, которые жители выделывают сами для себя. Другие необходимые в хозяйстве предметы, а также муку, они привозят из Синин-фу.

Эти монголы были настоящие кочевники. Как только стада и табуны их поедали всю траву в одном месте, они переходили на другое. Аул их был очень удобно расположен в сухом русле реки, так что они могли добывать воду из очень неглубокого колодца. Главным занятием их было коневодство. Ржанье коней раздавалось по всей окрестности. По вечерам женщины доили кобылиц; кумыс — любимый напиток монголов. Они держат много овец, верблюдов и рогатого скота. Земледелием совсем не занимаются. Под вечер в ауле обыкновенно начиналось сильное движение; женщины с длинными косами, в своих широких войлочных шапках, сутились около сытых кобыл и блеющих овец; мужчины пригоняли стада в загоны с помощью черных длинношерстных собак, которые поднимали страшный лай и шум; из полуоткрытых кибиток блестели огни. Вся эта оживленная картина производила приятное впечатление, особенно на путешественников, так долго странствующих по безмолвным и безлюдным горным высотам. Им доставляло наслаждение уже то, что они могли дышать обыкновенным неразрезанным воздухом. Аул находился на высоте всего 2815 м. над уровнем моря.

Хотя спутники Гедина — мусульмане презирали монголов-буддистов, называя их язычниками, но они мирно уживались вместе и всячески старались понимать друг друга.

„Я просто умирал со смеху, — замечает Гедин, — видя, какие страшные гримасы проделывает совер-

шенно серьезно Дорча, стараясь что-нибудь объяснить моим людям. Он кричал во все горло, как будто они были глухие, корчил гримасы, словно лицо его было из гуттаперчи, подскакивал, размахивал руками. А когда слушатели начинали понимать его, его восторгу не было предела. Он громко хохотал и долго кивал головой, точно китайский болванчик“.

Двенадцатого октября новый караван выступил в путь. С самого восхода солнца в лагере был шум и сума-тоха, неизбежные в таких случаях. Бьюки взвешивали и раскладывали попарно, ящики с хрупкими вещами предназначались для самых смиренных лошадей. Весь аул, не исключая старшины, пришел помогать, приносили веревки, спрашивали, не нужно ли еще чего-нибудь. Женщины принесли запас молока дня на два.

„Мой караван, — пишет Гедин, — представлял очень приятное зрелище, когда он крупной рысью выехал из аула и направился к востоку, под предводительством опытного Дорчи. Я с удовольствием поглядывал на своих свежих, сытых лошадей. Какая противоположность с теми несчастными одрами, которые тащили нас с озерной области северного Тибета! И в то же время какая разница во внешнем виде ландшафта! Мы ехали теперь по ровной степи, покрытой роскошною растительностью, по проторенной дороге, вившейся вдоль равнины. Налево от нас тянулась безбрежная как море равнина Цайдама. Единственные видные нам горы был хребет Цаган-ула, высившийся направо. Резкие изменения почвы, свойственные горным областям, исчезли, ландшафт стал крайне однообразным, его оживляли разве только овраги да пересохшие русла рек“. Местность была далеко не так безлюдна, как Тибетское плоскогорье. Часто попадались то партии охотников, то целые монгольские аулы. Дорча соскучился по доме и вернулся назад к своей старухе, а взамен его Гедин нанял другого проводника, молодого, высокого, хорошо сложенного монгола, который несколько раз бывал в Лассе и Синин-фу и отлично знал местность. Лопсен, так звали этого

проводника, оказался вполне подходящим человеком. Своею веселостью он всех ободрял, и благодаря Гедин сделал большие успехи в монгольском

Двадцать первого октября караван, пройдя 28 по пустынной, степной местности, дошел до Ова-теге где раскинулось несколько монгольских кибиток. Жители этих кибиток принадлежали к многочисленному племени Тадженур. На них надеты были длинные багровые тулупы, подпоясанные поясом, из-под которого вытягивается так, что он торчит с обоих боков подушек. Туда засовывают, точно в карман, разные вещи и припасы; на боку висит маленький топор, на трубка, кисет с табаком и пара щипчиков, чтобы выщипывать бороду, если она станет слишком густой. Тадженуры носят сапоги с острыми носками, круглые или остроконечные шапки, но чаще просто накрывают голову куском войлока, завязанного на затылке. Темные или черные волосы их коротко острижены. Вследствие постоянного пребывания на открытом воздухе, а отчасти и вследствие грязи, кожа их представляется красновато-коричневой. Скулы выдающиеся, нос небольшой, губы плюснутый; борода начинает расти у мужчин очень поздно и бывает почти всегда реденькой.

В Ова-тегеруке путешественники купили два-три мешка ячменя для лошадей, так как дальше им предстояло перейти центральную полосу Цайдама. Растительность становилась все более чахлой и, наконец совсем прекратилась. Голая, сыроватая земля местами белела, так как была пропитана солью. В середине этой пустыни нужно было перейти реку Хара-усу (черная река). Первый рукав ее был очень узок и неглубок, второй совсем пересох, а третий так глубоко врезался в землю, что путники заметили его, только подъехав совсем близко. Берега были глинистые, скользкие и так круто спускались в воде, что путешественники принуждены были заступами наделать в глиняные ступенек для лошадей. Лопсен, знавший, где бродил, поехал вперед, но лошадь его с первых же шагов

погрузилась в мягкую грязь до луки седла, и всадник весь вымок. Ислам попробовал переехать в другом месте, но столь же мало успешно. Путешественники ездили взад и вперед по берегу, надеясь найти удобное место для переправы, но в обе стороны река была еще глубже, и Лопсен утверждал, что через Хара-усу нет другого брода. Он был очень удивлен такою прибылью воды в реке и объяснял ее тем, что на горах Бурхан-Будда, вершины которых белели на юге, вероятно, выпало много снега, а последнее время стояла теплая погода, и он начал сильно таять.

„Делать нечего,— пишет Гедин,— пришлось разбить палатки и ждать, пока вода спадет. Как досадно было терпеть остановку из-за какой-то жалкой речонки, в двенадцать метров ширины, и стоять среди голой пустыни, где не было никакой растительности, кроме нескольких кустов камыша! Мы разбили палатки, пустили лошадей гулять и воткнули в реку около берега шест, чтобы замечать, насколько убудет вода. На следующее утро она стала меньше чем на дюйм! С какой стати эта глупая задержка!—роптал я, нетерпеливо шагая взад и вперед. Мне так страстно хотелось попасть скорей домой! Каждый пройденный конец пути приближал меня к родине! Я уже целый год не имел вестей

Лопсен.

проводника, оказался вполне подходящим человеком. Своею веселостью он всех ободрял, и благодаря ему Гедин сделал большие успехи в монгольском языке.

Двадцать первого октября караван, пройдя 28 килом. по пустынной, степной местности, дошел до Ова-тегерука, где раскинулось несколько монгольских кибиток. Жители этих кибиток принадлежали к многочисленному племени Тадженур. На них надеты были длинные бараньи тулупы, подпоясанные поясом, из-под которого тулуп вытягивается так, что он торчит с обоих боков вроде подушек. Туда засовывают, точно в карман, разные вещи и припасы; на боку висит маленький топор, нож, трубка, кисет с табаком и пара щипчиков, чтобы выщипывать бороду, если она станет слишком густой. Тадженуры носят сапоги с острыми носками, круглые или остроконечные шапки, но чаще просто накрывают голову куском войлока, завязанного на затылке. Темные или черные волосы их коротко острижены. Вследствие постоянного пребывания на открытом воздухе, а отчасти и вследствие грязи, кожа их представляется красновато-коричневой. Скулы выдающиеся, нос небольшой, приплюснутый; борода начинает расти у мужчин очень поздно и бывает почти всегда реденькой.

В Ова-тегеруке путешественники купили два-три мешка ячменя для лошадей, так как дальше им предстояло перейти центральную полосу Цайдама. Растительность становилась все более чахлой и, наконец, совсем прекратилась. Голая, сыроватая земля местами белела, так как была пропитана солью. В середине этой пустыни нужно было перейти реку Хара-усу (черная река). Первый рукав ее был очень узок и не глубок, второй совсем пересох, а третий так глубоко врезался в землю, что путники заметили его, только подъехав совсем близко. Берега были глинистые, скользкие и так круто спускались в воде, что путешественники принуждены были заступами наделать в глине ступенек для лошадей. Лопсен, знавший, где брод, поехал вперед, но лошадь его с первых же шагов

погрузилась в мягкую грязь до луки седла, и всадник весь вымок. Ислам попробовал переехать в другом месте, но столь же мало успешно. Путешественники ездили взад и вперед по берегу, надеясь найти удобное место для переправы, но в обе стороны река была еще глубже, и Лопсен утверждал, что через Хара-усу нет другого брода. Он был очень удивлен такою прибылью воды в реке и объяснял ее тем, что на горах Бурхан-Будда, вершины которых белели на юге, вероятно, выпало много снега, а последнее время стояла теплая погода, и он начал сильно таять.

„Делать нечего,— пишет Гедин,— пришлось разбить палатки и ждать, пока вода спадет. Как досадно было терпеть останковку из-за какой-то жалкой речонки, в двенадцать метров ширины, и стоять среди голой пустыни, где не было никакой

Лопсен.

растительности, кроме нескольких кустов камыша! Мы разбили палатки, пустили лошадей гулять и воткнули в реку около берега шест, чтобы замечать, насколько убудет вода. На следующее утро она стала меньше чем на дюйм! С какой стати эта глупая задержка!—роптал я, нетерпеливо шагая взад и вперед. Мне так страстно хотелось попасть скорей домой! Каждый пройденный конец пути приближал меня к родине! Я уже целый год не имел вестей

о своих близких и больше трех лет провел в сердце этого бесконечного азиатского материка! Мне начинало казаться, что я никогда не достигну края его. Каждый вечер я подсчитывал, сколько прошли мы в день и сколько еще осталось до моей отдаленной цели, до Пекина. От Хара-усу до Пекина было 2025 километров. Как это много! Сколько приключений предстоит нам пережить, прежде чем наши усталые лошади войдут в ворота столицы Дальнего Востока! А мы должны стоять здесь и терять время!”

Наконец, утром 25 октября, вода спала настолько, что переезд стал возможен. Вьюки подвязали как можно выше, и лошадей переводили поодиночке. Все обошлось благополучно. На правом берегу вьюки опять положили как следует и отправились прямо на северо-восток, по сухой темно-серой глине, пропитанной солью, через бесчисленные ямы и кочки.

На следующий день путники дошли до северной окраины Цайдамского бассейна. Путь попрежнему шел по пустыне, которая прорезывалась местами рядом глинистых холмов самых фантастических очертаний, вроде стен, башен, пирамид. Там и сям попадались кусты тамариск и саксаула, дальше между холмами лежали налеты соли. За последним рядом холмов расстилалась к северу равнина, покрытая не глиной, а песком. По нему усталым лошадям было легче ступать, они приободрились, а к вечеру вдали заблестела вода.

Это было озеро Тоссо-нор, окаймленное глинистыми террасами и холмами, которые круто спускались к воде. Вместо того, чтобы продолжать путь на северо-восток, путешественник решил объехать озеро с западной стороны, чтобы составить себе понятие о его очертаниях и о реках, впадающих в него. Караван спустился с холмов и двинулся к северу по узенькой прибрежной полосе.

Чудное синее озеро расстилалось перед путниками. На нем раскинуто было два-три острова; стая белых лебедей купалась в струях его. Противоположный

берег был ясно очерчен и на нем виднелся красивый Цаган-обо (белый жертвенник). Вода озера была необыкновенно соленая, и кочки на берегу его были покрыты белым налетом соли. Путники разбили лагерь на берегу пресного источника, впадающего в озеро, среди кустов тамариска и зарослей камыша.

„Теперь я понял, почему озеро называется Тоссо-нор, жирное озеро, — говорит Гедин. — По объяснению Лопсена, это название дано ему потому, что всякий, кто остановится около него, найдет все, что нужно: воду, траву, топливо, может „жирно жить“. Какую чудную картину представляло озеро, какое богатство красок! На закате солнца, холмы и террасы противоположного берега казались темно-красными сравнительно с темно-синей водой, по которой величаво плавали белые лебеди. Красота картины не уменьшилась, когда, вместо солнца, ее осветило волшебное сияние луны. Богиня ночи, пробираясь сквозь легкие белые облачка, заливала своим чудным блеском и воду и землю. Ни одно дуновение ветерка не рябило гладкую поверхность озера. Палатки и кусты тамариска вырисовывались резко-очерченными темными пятнами, а у самого берега соляные отложения сверкали, точно вновь выпавший снег“.

На следующий день караван продолжал двигаться берегом озера и затем берегом реки Голын-гол, впадающей в Тоссо-нор и вытекающей из другого еще большего озера Курлык-нор. Интересно, что эти озера находятся очень близко друг от друга, а между тем вода в Тоссо-норе страшно соленая, а в Курлык-норе, напротив, совершенно пресная. Это явление объясняется тем, что река Голын-гол уносит из Курлык-нора все попадающие туда из горных речек осадки соли, и они остаются в Тоссо-норе, не имеющем стока.

На берегу Курлык-нора караван разбил палатки около очень красивого „обо“, построенного на холме и видневшегося издалека. Он состоял как бы из трех жертвенников кубической формы, построенных из высу-

шенной на солнце глиам и гравшихся на пирамидальные пьедесталы. Вокруг стояло одиннадцать шестов, воткнутых в землю и соединенных бесчисленным множеством веревочек. От четырех угловых шестов шли веревки к двенадцатому шесту, укрепленному на среднем, самом высоком (около 3½ метр.) жертвеннике. Все эти веревки были обвешены массой лоскутов разнообразных материй с вечно повторяющеюся буддийской молитвой: „ом мани падме хум“. В среднем жертвеннике было сделано четырехугольное углубление. Лопсен засунул в него руку и вытащил кучу узких полосок бумаги с тибетскими письменами. Он говорил, что там были и бурханы, только он не посмел трогать их. По его словам, это обо воздвигнуто в честь „шибтыков“, духов Курлык-нора, а Цаган-обо в честь „шибтыков“ Тоссо-нора. Лопсен объяснил, что эти духи, божества, похожие на людей, но глаз смертного не может видеть их. Они все добрые духи. Благодаря им на земле существуют озера, реки, горы и т. п. В пустынях шибтыки не живут, — вот почему человек не находит там того, что ему всего более нужно.

При лунном свете обо имел необыкновенно живописный вид. Три пирамиды казались какими-то призраками, а тысячи лоскутов трепетали в воздухе.

Г Л А В А XXVIII.

Лопсен трусит. — Меры предосторожности. — Первая встреча с разбойниками. — Тангуты и их жилища. — 6100-летний лама. — На озере Куко-норе.

Оставив позади себя озеро, караван подвигался по совершенно пустынной местности к горам Куко-нора. Обычная веселость Лопсена как-то вдруг оставила его. Он ехал молча, с тревогой поглядывая на дорогу, и только бормотал: „ом мани падме хум“. Гедин спросил у него, что с ним случилось, не болен ли он, и он

объяснил, что они въезжают ^Дзаяг^Б опасную местность. Проезжие монголы, с которыми он говорил на последнем ночлеге, сказали ему, что разбойники-тангуты были на-днях около Курлык-нора и украли несколько штук лошадей. Необходимо иметь оружие наготове, так как разбойники наверно прячутся в горах и выслеживают караван. Ночью они увидят бивуачные огни, и хорошо, если только уведут лошадей! Гедин тотчас же роздал людям ружья и револьверы с достаточным количеством патронов. Но все кругом было тихо и безмолвно. При наступлении ночи нигде не видно было огней: ни в степи, ни на горах. Но на всякий случай лошадей держали около палаток.

На следующий день оказалось, что были и еще враги, которые грозили им опасностью: на мягкой, рыхлой почве ясно виднелись следы медведя, вероятно, спустившегося с гор, чтобы поискать ягод, до которых он большой охотник. Лопсен советовал быть как можно осторожнее, так как медведи часто прячутся в засаду, поджидают, когда лошади останутся одни, и тогда нападают на них.

В эту ночь лошадей опять привязали около палаток. Кроме того, решено было выставлять по ночам караульных, которые должны были сменяться через каждые два часа. Чтобы отгонять от себя сон, караульные время от времени били в кастрюли и пели песни. В течение всей ночи пустыня оглашалась однообразным, заунывным пением их.

Первого ноября караван шел по довольно широкой долине с отлогим подъемом. Справа и слева поднимались невысокие горные цепи. На дороге опять показались следы медведя, еще совсем свежие. Они шли в том же направлении, как караван, и Ислам-бай с Лопсеном попросили позволения выследить зверя. Они пустили своих лошадей рысью и скоро скрылись в кустах тамариска.

Караван медленно подвигался вперед вдоль темно-лиловых сланцевых уступов, когда вдруг, спустя около

часу, показались Ислам и Лопсен. Они неслись во всю мочь, держали ружья над головой и кричали: „Тангуты-разбойники! Разбойники-тангуты!“

„Они подскакали к нам, — рассказывает Гедин, — а за ними вдали виднелась толпа тангутов, человек в двенадцать. Я велел каравану остановиться искомандовал: — Вьючных животных за кусты! Один человек при них! Ружья наготове!

„Мы с Лопсеном и Исламом спешили, скинули шубы и стали на вершине глинистого холма. Слуги-мусульмане дрожали от страха. Парпи имел раньше столкновение с тангутами, он был в партии Дютрейля, когда разбойники убили этого путешественника; Пржевальский и Роборовский в этих самых местах бились с ними, и я понимал, что нам грозила серьезная опасность. Тангутов было двенадцать человек, и, по уверению Лопсена, все они наверно вооружены ружьями. У нас было всего три ружья и пять револьверов. Из нас только Лопсен и Ислам умели хорошо стрелять, а тангуты все превосходные стрелки, целятся долго, хладнокровно и не дают промаха. Перевес, очевидно, на их стороне. Что же, неужели нам суждено погибнуть?..

„Нет, опасность была не так велика, как казалось. Разбойники увидели, что у нас порядочная кучка, что у нас в руках блещет оружие, и остановились, не доезжая шагов ста пятидесяти до нас. Теперь, когда пыль улеглась, мы могли ясно разглядеть их. Они о чем-то оживленно совещались, кричали, размахивали руками. Мы продолжали стоять в выжидательной позе на холме. Я спокойно закурил трубку, и это, очевидно, ободрило моих людей. Минуты через две тангуты повернули под прямым углом и направились к подножию гор, на юг. Там они разделились: одна партия въехала в ущелье между горами, другая поехала по одному направлению с нами, но на расстоянии, по крайней мере, двух выстрелов.

„Долина суживалась и, в конце концов, превратилась в узкое ущелье между скалами. Лопсен уверял, что

тангуты поторопятся вперед, залягут между скалами и перестреляют нас. Но так как другой дороги не было, то нам оставалось одно: поспешить проехать ущелье, прежде чем тангуты успеют занять выгодную позицию. Но они имели перед нами то преимущество, что отлично знали горы и все горные проходы, кроме того, ехали налегке, между тем как наши лошади были тяжело навьючены. Они заметно обгоняли нас, мало-по-малу приближаясь к нашей дороге, и скоро скрылись между скалами. Мы изо всех сил погнали лошадей к ущелью. При въезде в него мы опять увидели тангутов. Они остановились и, кажется, не намеревались нападать. Мы благополучно проехали ущелье, держа курки на взводе и зорко оглядывая окружавшие нас скалы. По другую сторону ущелья долина расширялась, и мы вздохнули свободно, очутившись в открытом месте. Лопсен уверял, что тангуты поехали прямым путем через горы, чтобы напасть на нас в другом месте. Мало-по-малу долина превратилась в обширную равнину, по которой мы ехали весь день, не встречая ничего подозрительного. Ночевать мы остановились на берегу небольшого озера, на прекрасном пастбище. Лошадей пустили напиться, а затем пастись на траве; но двое людей остались стеречь их, а когда смерклось, их перегнали в заросли камыша около палаток. Костер мы разложили небольшой, чтобы он не выдал места нашей стоянки. Лопсен очень боялся ночи, говоря, что тангуты отлично могли наблюдать за нами, притаившись в траве. И действительно, как только стемнело, мы слышали, что кто-то подкрадывается к лагерю, и в то же время раздавался какой-то нечеловеческий вой, всего более похожий на вой гиен или голодных волков. Лопсен объяснил, что это была военная хитрость, посредством которой тангуты узнают, есть ли у намеченных ими жертв собаки. Наши собаки дали им вполне определенный ответ. Они всю ночь яростно лаяли и кидались к озеру, около которого тангуты, вероятно, привязывали своих лошадей. Лопсен не нахо-

дил достаточно сильных слов для выражения своей ненависти к тангутам. По его мнению, они нисколько не лучше собак и, точно собаки, ползком подкрадываются к добыче.

„Мы были всю ночь настороже: около лошадей с каждой стороны стояло по караульному, которые постоянно пели и били в кастрюли. Спали зараз только два человека. Остальные все время ходили между палаткой и лошадьми. Чуть не через каждые пять минут Парпи кричал: хабэрдар (не спит ли стража?)? Лопсен молча сидел около костра и грел себе руки. Спать было совершенно невозможно. Беспреданно раздавались то шаги людей, то топот и ржанье лошадей, то перебивание сторожей и удары в кастрюли. Намерение тангутов напасть на нас врасплох было таким образом уничтожено, и им не удалось украсть у нас ни одной лошади.

„Таково было наше вступление в страну тангутов. Мы сразу поняли, что следует остерегаться. Тангуты известные воры и разбойники, которые безнаказанно грабят своих миролюбивых соседей-монголов. Когда монголы ездят на церковные праздники в монастырь Гумбум, они обыкновенно собираются большими, хорошо вооруженными партиями, так как путь их лежит через страну тангутов.

„На рассвете тангуты отошли на почтительное расстояние от нашего лагеря. Но как только караван выступил, они бросились к месту нашей стоянки. Пустые спичечные коробки, огарки, обрывки газет показали им, что они имеют дело не с одними монголами, и, быть может, поэтому они отказались от дальнейшего преследования нас“.

На следующий день путешественники хотя видали на земле много следов, но не встретили ни одного тангута. Третьего ноября под вечер они въехали в долину Дулан-юн, окаймленную холмами, покрытыми травой и прорезанную светлой, глубокой рекой того же имени. Вершины гор направо были покрыты лесом, а на скло-

нах их паслись стада овец. По берегам реки бродили сотни домашних яков. Тут же возвышались две тангутские палатки. Гедин хотел показать тангутам, что не боится их, и потому назначил место ночлега недалеко от их кибиток. Двое тангутов, встретившиеся каравану по дороге, тотчас обратились в бегство, но под вечер двое других, вооруженных длинными мечами, решились подойти к палаткам. Они были одеты совершенно так же, как монголы, но не понимали ни слова по-монгольски. Лопсен, четыре раза ходивший в Лассу, умел говорить на их языке, и с его помощью кое-как завязался разговор. Видя, что их принимают дружелюбно, тангуты стали смелее, но все-таки недоумевали, что за чужестранцы явились к ним и с какой целью. Однако, они согласились продать им овцу и несколько молока. Караван провел весь следующий день на берегу Дулан-юна, чтобы дать людям выспаться после ночей, проведенных в карауле. Гедин решил воспользоваться свободным временем, чтобы посетить жилища тангутов. Лопсен, продолжавший недоверчиво относиться к „этим разбойникам“, очень неохотно последовал за ним.

„Обе кибитки, черные как ночь, стояли рядом, — пишет Гедин. — Когда мы подходили к ним, на нас бросились с полдюжины злых черных собак. Из кибитки вышел мужчина, отогнал собак и спросив, что нам нужно, повел нас в свое жилище. Мы вошли и сели около огня, у которого две женщины варили в большом горшке чай с мукой и маслом. Одна из них, молоденькая, была жена хозяина кибитки. У нее было приятное, веселое лицо; она кормила грудью ребенка и все время не сводила с меня глаз. Другая была безобразная старуха, около которой сидела девочка лет пяти. И обе женщины и мужчины были одеты, как одеваются обыкновенно монголы; но они спустили с одного плеча тулупы, и вся правая сторона груди и спины была у них открыта. Тип лица у них был совершенно монгольский, и я готов бы был причислить их к монголам, если бы они не говорили совершенно другим языком

и не строили иначе свои кибитки. Прямо против входа, на ящике стояла кумирня, такая же, как у монголов. Наш хозяин тангут также носил на шее ящичек с бурханчиком.

„Нас пригласили напиться чаю. Я стал осматривать палатку и спрашивал названия различных предметов. Женщины смеялись над моими попытками произносить трудные тибетские слова с несколькими согласными при начале. Волосы их были заплетены в массу мелких косичек, которые спускались на спину, на плечи и на грудь. В концы средней и двух боковых кос были вплетены синие и красные ленты, лоскутки материи и пестрые бусы. Эти украшения хлопали их по спине при всяком движении и навряд ли были очень удобны. Палатка была четырехугольная, вдвое более обширная, чем обыкновенная монгольская или киргизская кибитка. Посредине ее был очаг, искусно выложенный из плоских камней, с углублением посредине для котла и с отверстием внизу для тяги. Топливо, состоявшее из помета животных, сохранялось в загородке из таких же камней. Вдоль трех стен стояли ряды холстинных и кожаных мешков с зерном и мукой, салом и солью. Эти мешки защищали жителей кибитки от ветра, дувшего из-под пола палатки. На поношенном ковре около огня было разбросано в живописном беспорядке множество вещей: тулупы, медные котлы, деревянные чашки, чайники, китайские фарфоровые чашки, ящики, топоры, седла, уздечки и т. п. Многие из этих вещей, как, например, мечи тангуты делают сами, другие привозят из Синин-фу, священные сосуды и бурханы из Лассы.

„На следующее утро десять тангутов приехали к нам в лагерь. Они были вооружены прямыми, острыми мечами и одеты в синие и красные костюмы, с остроконечными шапками на головах, что придавало им вид солдат. Они привезли два или три кувшина молока и предлагали купить у них лошадей. Но они просили за них слишком дорого, и мы не сошлись в цене. Они не были назойливы, но с интересом осматривали все

Тангуты, подкрадывающиеся к лагерю.

наши вещи. Особенное уважение внушил им мой револьвер, когда они узнали, что он заряжается шестью пулями. Мне хотелось взять себе тангута в проводники: но они отвечали, что в одиночку никто из них со мной не поедет. Я согласился взять двух, тогда они сначала запросили очень дорого, а затем заявили, что у них нет лошадей. Это был пустой предлог. Они просто не доверяли нам и боялись путешествовать вместе с нами.

„Долина, по которой мы продолжали свой путь, постепенно поднималась к востоку и была окружена холмами, поросшими лесом, над которым там и сям торчали голые скалы. При входе в узкие боковые долины были разбросаны черные тангутские палатки подозрительного вида, — настоящие разбойничьи притоны. Мы насчитали до двадцати пяти таких палаток, а с теми, что были на берегу Дулан-юна, до сорока. Если бы жители их захотели перерезать нам путь и ограбить нас, они могли бы совершенно легко сделать это. Но никто и не думал трогать нас, хотя из всякой палатки выходило несколько человек и с любопытством разглядывало наш караван.

„Около полудня я заметил среди долины какую-то странную постройку: большой глиняный куб и на нем глиняный же цилиндр. Лопсен объяснил, что это „субурган“, знак, и что вблизи, следовательно, должен быть храм. Действительно, мы скоро увидели стены Дулан-кита, первого города, встреченного нами после Копы. В городе было немного домов и несколько кибиток. Нижние части домов каменные, верхние — глиняные. Жители принадлежат к племени Банга-монголов и пользуются незавидной репутацией воров. Храм (кит), о котором говорил Лопсен, был большой квадратный дом с плоской крышей и окнами. Здесь жил главный лама 25 племен куку-норских монголов, сам монгол, который, по сказанию своих поклонников, живет в Дулан-ките 6.100 лет и при этом имел много перевоплощений. Когда ламе исполняется 61 год, он

ложится и умирает, но душа его немедленно переходит в ребенка, который и становится его преемником. В Монголии, Гумбуме и Тибете насчитывается более 60 лам такого же достоинства.

Шестого ноября ночью мы опять слышали зловеший вой около нашего лагеря. Я был уверен, что это опять тангуты, поджидающие нас в засаде при выходе из долины. Собаки бешено лаяли, наши караульные ежеминутно перекликались. Но я был очень утомлен и, несмотря ни на что, крепко заснул. Утром мне рассказали, что три волка подходили к самой моей палатке и наши собаки подрались с ними“.

Восьмого ноября Гедин отмечает в своем дневнике: „Настала зима и наложила свою ледяную руку на всю окрестность. Ночью раздавался заунывный вой волков, шел снег; но как только взошло солнце, снег быстро растаял. Только что мы выступили из лагеря, как стая волков, не обращая ни малейшего внимания на наших собак, прибежала туда, надеясь чем-нибудь поживиться. Собаки сообразили, что с их стороны будет разумнее не мешаться в дело.

„Мы несколько отступили от Южно-Куку-норского хребта, или лучше сказать, он отступил на юго-восток, к южным берегам Куку-нора. Там и сям чернели палатки тангутов, и раза два мы встретили конных тангутов и стада их овец. Вдали, на востоке рисовалась прямая темно-синяя линия. Это было озеро Куку-нор“.

Девятого ноября он пишет: „Чем дальше мы подвигались на восток-северо-восток, тем яснее вырисовывался Куку-нор. Местность слегка понижалась к его берегам. Наконец, мы услышали шум прибоя волн и вскоре после этого достигли самого озера и двинулись вдоль него. Около берега вода была не очень прозрачна, — вероятно, вследствие волнения. Она была и не так солонa, как в тибетских озерах.

„Мы шли по гряде сланцевого щебня, нанесенного на берег волнами, пока не дошли до ручья Бага-улан,

на берегу которого и разбили свой лагерь. Перед нами открывался чудный вид. До самого горизонта, словно безграничное море, тянулось озеро, темно-синее с зеле-

Тангут.

новатым оттенком. Направо и налево виднелись цепи гор, которые уходили в даль, становились ниже и как бы исчезали, окутанные дымкой. Необыкновенно приятно было вдыхать свежий, оживляющий „морской воздух“.

несшийся с озера! Наконец-то мы достигли Голубого озера, по-тангутски Цо-гомбо, по-монгольски Куку-нор, по-китайски Цзин-хэ, лежащего на высоте 3,040 м. над уровнем моря“.

Путь каравана шел по берегу озера в небольшом расстоянии от него. Страна становилась менее пустынной; попадались стада рогатого скота, пастухи с женами и детьми. Все пастухи были вооружены ружьями или мечами. Встречавшиеся всадники держали на плече ружье с подставкой в виде рогатины и меч за поясом. Тулупы их были вытянуты из-под пояса, так что висели, точно мешки, с обеих сторон. На ногах у них были сапоги с загнутыми носками, на головах небольшие шапочки.

Караван остановился на ночлег на берегу ручья Ихэ-улана, и оказалось, что по соседству находилось десять тангутских кибиток и еще двадцать были раскинуты в горном ущелье, несколько севернее. Некоторые из жителей их приходили в лагерь, продавали молоко, овцу и лошадь. У всех их были за поясом обнаженные мечи, вывезенные ими из Лассы. Лопсен очень волновался, когда Гедин стал при них отсчитывать деньги. Он продолжал уверять, что все это воры и разбойники, которые не нападают на караван, только опасаясь европейского оружия. Многие тангуты спрашивали Лопсена, служившего переводчиком Гедину, не спрятаны ли солдаты в багажных ящиках.

— Конечно, — с невозмутимой серьезностью отвечал Лопсен, — в больших ящиках лежит по два солдата, в маленьких — по одному, да кроме того еще оружие!

Переносную печку с ее странной трубой тангуты принимали за пушку. Они спрашивали, зачем в ней горит огонь по ночам?

— Для безопасности, — не задумываясь отвечал Лопсен, — в случае нападения на нас нам стоит только бросить в нее пули да немножко пороху, и она сама начнет палить во все стороны.

Куку-норские тангуты проводят обыкновенно зиму в степях вокруг озера, близость которого несколько

умеряет температуру; на лето они перекочевывают в горы на север от него. Главным начальником тангутов считается Ганци-лама. Он является посредником между ними и губернатором Синин-фу, которому подчинена эта область. Ему принадлежит судебная власть. Всех пойманных воров и других преступников приводят к нему в Синин-фу. Он производит следствие и постановляет приговоры, нередко даже смертные. В особенно важных делах он обращается к губернатору Синин-фу, остальные решает сам. Ни в области тангутов, ни в Цай-даме нет ни одного китайского чиновника.

На всем протяжении огромного озера не видно было ни лодки и никакого судна. А между тем на скалистом острове среди него есть храм, в который стекается много поклонников. Но они ездят туда только зимой, на санях. Ламы, находящиеся при этом храме, отрезаны от всего мира и живут исключительно приношениями паломников. С западной и с восточной стороны озера воздвигнуты большие „обо“ в честь божеств озера. Раз в год их посещают старшины всех окрестных племен.

Г Л А В А XXIX.

Вести о „русских“. — Караваны. — Город Донкыр. — „Русская“ барыня. — Подарки Далай-ламы. — Ло-сэр и храмы Гумбума. — Неопрятные ламы.

Три дня ехали путешественники вдоль озера, затем дорога отошла от него и свернула на восток-северо-восток. Мало-по-малу они приближались к северным борам, вершины которых были покрыты снегом. На юго-востоке возвышался хребет снежных гор, а между ним и северным хребтом виднелась как бы выемка, перевал Харакёттель. Этот перевал оказался очень легким, а за ним спускалась широкая долина, по которой дорога обозначалась совершенно явственно: узкие

тропинки, бежавшие со всех сторон, сливались в большую широкую тропу, протоптанную копытами лошадей и рогатого скота.

Навстречу каравану попался какой-то важный тангутский старшина в красной шапочке с белой опушкой, за ним следовала свита из нескольких всадников. Он рассказывал, что в городе Дон-кыре жила „русская“ („урус“) барыня, а в Синин-фу было двое или трое русских. Путешественник догадался, что это были англичане-миссионеры, так как в Центральной Азии всех европейцев, без различия национальностей, называют русскими.

Затем караван встретил пятерых всадников, которые вели в поводу несколько штук ничем не навьюченных лошадей, и Лопсен клялся, что это украденные лошади. Еще дальше встретился караван из шестидесяти яков, нагруженных всевозможными мешками и сумками. Их сопровождало шестеро вооруженных людей, между прочим, двое китайцев. Это были купцы из Синин-фу, которые везли ячмень и муку на продажу куку-норским тангутам.

Дорога вышла на берег реки Цункук-гол, которая вытекает из гор около Хара-кёттеля, принимает несколько притоков и вливается в Хуан-хэ (Желтую реку), впадающую в Великий океан. Путешественник мог считать, что теперь он окончательно вышел из областей Центральной Азии, так как воды, не имеющие стока в океан, остались позади него. Следуя по берегу реки, караван встретил огромную толпу верховых монголов. Они ездили в Донкыр за разными покупками и теперь возвращались домой. Поздняя осень считается у местных жителей самым удобным временем для путешествий: летом разливы рек преграждают им путь, а зимой глубокие снега затрудняют его. Верховых было до 300 человек, по большей части мужчин, вооруженных ружьями и мечами; были также и женщины, в живописных костюмах, синих с красным, и дети-подростки. Весь караван состоял по меньшей мере из тысячи лошадей

и трехсот верблюдов; он вез муку, макароны, одежду, домашнюю утварь, сапоги и проч. Животные каравана шли тесными рядами по десяти штук в каждом, окруженные ста пятьюдесятью верховыми с ружьями: доказательство, как не безопасны дороги в стране тангутов. Караван поднимал облака пыли, почва дрожала от топота такой массы копыт. В общем он представлял пеструю, оживленную картину. Проезжая мимо путешественника, монголы кричали: „Урус! Урус!“

Такой громадный караван несомненно уничтожал подножный корм по пути, тем более, что монголы обыкновенно едут тихо, применяясь к шагу верблюдов, и часто останавливаются. Во время таких передвижений они не только кормят своих животных травой на землях тангутов, но в то же время сберегают собственные пастбища.

Пятнадцатого ноября караван нашего путешественника, двигаясь по левому берегу реки, сделал небольшой перевал через Хадда-улан (красные холмы), с высоты которого открывался широкий вид на долину, по которой рассеяно было до двадцати „обо“, на всяком сколько-нибудь возвышенном пункте. Дорога становилась все более и более оживленной: стали часто попадаться деревни; около домов росли тополи, березы, лиственницы и сосны; встречались проезжие — китайцы, монголы, тангуты; маленькие караваны ослов везли сельские продукты в город; катили двухколесные тележки, запряженные мулами. На склонах гор паслись стада рогатого скота и яков, почти на каждой скале возвышался маленький храм, или „обо“. Все предвещало близость города. И действительно, вскоре после полудня дома пошли сплошными рядами, и караван въехал через каменные ворота в город Донкыр.

„Мы поехали, — рассказывает Гедин, — по главной улице, окаймленной домиками с очень живописными фасадами. Какой шум, какая суета! С непривычки мы просто оглохли. Я послал Парпи-бая вперед предъявить мой паспорт губернатору. Он встретил нас у ворот

и передал мне карточку „русской“ барыни, которая приглашала меня остановиться у нее. Мне, конечно, показалось неловко воспользоваться гостеприимством совершенно незнакомой дамы, но я все-таки решил сделать ей визит. Когда я подъехал к обозначенному в карточке дому, красивому китайскому зданию с длинным двором, — меня встретила молодая дама с открытой головой, в очках, в китайском костюме.

— Говорите ли вы по-английски? — приветливо спросила она меня.

— Да, конечно, — отвечал я, — и наши языки развязались. Оказалось, что она женщина-врач, американка. Муж ее, голландский миссионер, уехал с месяц тому назад в Пекин. Г-жа Риопардт ¹⁾ была воплощенное гостеприимство и любезность. Мне было невыразимо приятно поговорить с человеком, который интересовался не одними только пастбищами, опасными проходами, дикими яками и стадами.

Я пробыл в Донкыре два дня, чтобы дать хорошенько отдохнуть лошадям; сделал визит губернатору, осмотрел город и познакомился с посланником, которого тибетский Далай-лама посылает из Лассы раз в три года с подарками к китайскому императору. Подарки состоят обыкновенно из разного рода материй, из бурханов, оружия, сушеных фруктов, сандалового дерева и т. п., всего на сумму 5.000 лан (около 8.000 до-военного рубля) Это единственная подать, какую тибетцы платят Китаю.

В Донкыре Гедин пополнил свои запасы провианта и разделил караван на две части. Лошади и багаж под управлением Парби-бая должны были ехать прямой дорогой в Синин фу, а он сам с Ислам-баем, Лопсеном, одним монголом и четырьмя верблюдами — в Ло-сэр, где находится знаменитый монастырь Гумбум.

„Селение Ло-сэр расположено амфитеатром на одной стороне холма, — рассказывает Гедин. — Сначала мы

¹⁾ Через несколько времени после отъезда Гедина, г-жа Риопардт совершила полное опасное и бедствий путешествие по восточному Тибету, описанное в ее книге „В горах Тибета“.

видели дома только слева, потом они стали видны и справа. Мы въехали на треугольную базарную площадь, около которой был постоянный двор или гостиница. Там я поместился в маленькой комнате под крышей, откуда мой багаж подняли на веревках. Внизу у наших ног лежали улицы и дворы города, а на холмах к юго-востоку виднелись белые стены храма Гумбум, или храма „десяти тысяч изображений“, названного так по количеству идолов, заключающихся в нем. На следующее утро мы с Лопсеном отправились в храм. Мы должны были идти пешком; если бы мы вздумали ехать по этим священным дорогам, нам пришлось бы плохо; нас могли даже побить камнями.

„Взобравшись на несколько крутых холмов и каменных ступеней, мы дошли до жилища настоятеля монастыря, „живого Будды“. Это был человек лет тридцати с коротко стриженными волосами, без бороды, в темно-коричневой одежде без рукавов, так что руки его оставались голыми. Стены комнаты, в которой он нас принял, были украшены бесчисленным множеством идолов, стоявших в разрисованных нишах, и священными знаменами с изображениями разных тибетских божеств. Он сидел на скамье около одной из стен, перебирал четки и бормотал: „ом мани падме хум“. Лопсен снял шапку и упал на пол перед ним. „Живой Будда“ милостиво простер руки и благословил его. Затем он велел подать нам чаю, расспрашивал меня о моем путешествии и позволил мне осмотреть храм, но с тем, чтобы я ничего не срисовывал: это строго запрещено.

„Мы отправились к храму. Монастырь, или лучше сказать город монахов, состоит из целого лабиринта священных зданий, окружающих квадратные или неправильной формы дворы. Главное здание есть храм Сиркан с крутой, загнутой крышей, обложенной блестящими золотыми пластинками. Около входа стояло за деревянной решеткой дерево о пяти стволах, в настоящее время голое. Говорят, что каждую весну на нем появляются листья с надписью: „ом мани падме хум“.

Эти листья продают паломникам. Я спросил Лопсена, как объяснить это явление, и он отвечал с полной уверенностью, что ламы сами выдавливают надпись на листьях. Вдоль фасада храма шла веранда, поддерживаемая шестью деревянными колоннами, украшенными резьбой и яркой живописью. На досках пола виднелись длинные глубокие впадины. Они проделаны молящимися тангутами и ламами. Во время молитвы они бросаются лицом на пол и протягивают перед собой руки; полежав таким образом несколько минут, они садятся на корточки, прижимают сложенные руки ко лбу и к груди, бормочат молитвы и снова падают ниц с простертыми руками; эти движения они повторяют бесчисленное число раз.

В передней стене храма были три красивые двери из кованой меди. Двери были открыты, но входы задернуты занавесами. Мы пошли и очутились в огромной, высокой зале, величественные своды которой поднимались до самой золоченой крыши. Дневной свет почти не проникал в нее, в ней царствовал какой-то таинственный полумрак. В середине залы возвышалась колоссальная сидячая фигура бога Цзонкавы, около десяти метров высоты, окутанная мантиями, которые оставляли открытыми только голову и руки. Казалось, как будто это божество безмолвно, торжественно, презрительно глядит на своих поклонников, которые в поте лица прокладывают в полу борозды своими мозолистыми руками. Пять лампад горело перед Цзонкавой, а за ними на полу стояло с полдюжины медных чаш, в которых лежали рис, мука, цамба, вода, чай и прочие приношения. Подле статуи бога и вдоль стен храма, на полках и в шкафах находилось бесчисленное множество буддийских книг, или, лучше сказать, узких листов пергамента, вложенных между досками. Этот храм настоящий музей, в котором собрана масса редкостей, и у меня являлось сильнейшее желание похитить все эти сокровища и увезти их с собой.

„Сиркан окружен множеством подобных же храмов, но без золотых крыш. В них тоже масса более

или менее огромных идолов с позолоченными лицами и руками, в драгоценных одеждах и с лампадами, горящими перед ними.

„Дворы кишели ламами; все они были с непокрытыми головами, с коротко остриженными волосами, все безбородые, смуглые и худощавые. Одежда их состояла из куска красной материи в виде пледа или тоги, собранной в складки на плечах и обмотанной вокруг талии, так что концы висели до самых ног. Правая рука была почти у всех обнажена. Кроме возраста, я нашел между этими ламами одно только различие: одни были грязнее, другие немного почище. У некоторых лица были совсем черные, точно у негров или у трубочистов. Может быть, они принадлежали к какому-нибудь братству черных монахов, а может быть, на их обязанности лежало снимать нагар с ламп, не знаю, но, во всяком случае, они не теряли время на умывание. Мне противно было видеть, как эти лентяи бродили среди величественных храмов, ровно ничего не делая. Впрочем, они были приветливы и любезны ко мне, но только уклонялись давать какие бы то ни было объяснения. Мне пришлось довольствоваться рассказами Лопсена. Он бывал несколько раз на больших храмовых праздниках в Гумбуме и знал как все постройки, так и все тайны богослужения.

„Во время больших празднеств, когда в храмы собирается много паломников, для них готовят чай и цзамбу в большой кухне, называемой Манцзахэсын; там над обширным каменным очагом висят три гигантские котла. Осмотрев эту буддийскую кухню, мы вошли во двор, вокруг которого шли коридоры со стенами, расписанными изображениями богов. С своими морщинистыми лбами, широкими носами, расширенными ноздрями, вывороченными губами, закрученными вверх усами и черными бровями они скорее походили на злых духов, чем на богов. Впрочем, они и должны были изображать страшные, разрушительные силы божества.

„Внушительное впечатление, производимое буддийскими храмами, ослабляется видом грязных лам, которые целые дни только и делают, что как попугаи бормочат одни и те же слова перед золочеными идолами, сделанными руками их же отцов, или перебирают четки, сидя под коллонадами дворов. Стоило мне остановиться, чтобы снять какой-нибудь рисунок, как они выползали, словно мыши из всех щелей, и толпой окружали меня, наполняя воздух весьма неприятным запахом. Многие из них мальчики от 10—15 лет, которых отдают в монастырь на воспитание с тем, чтобы они пригодились к званию ламы. В одном месте толпа этих мальчиков пела чистыми, звучными голосами обычную молитвенную формулу. Выходило очень недурно, но я все-таки был рад, когда вышел на свежий воздух из этого мира идолопоклонства.

„Я пробыл два дня в Ло-сэре и несколько раз ходил в Гумбум снимать разные виды. В сумерки ко мне приходили ламы, узнавшие, что я покупаю бурханы и церковные флаги. Я купил у них несколько штук не особенно дорогих, а также несколько медных жертвенных чаш и один „дамару“, молитвенный барабан, сделанный из двух человеческих черепов“.

Г Л А В А XXX.

Горск Синин-фу. — На мулах и в арбах до Лянь-чу-фу. — Услужливый китаец. — Лянь-чу-фу и католические миссионеры. — Снова верблюды. — Усмиранный мандарин. — Пустыня Ала-шань. — У князя Норво.

„Двадцать третьего ноября мы снова запаковали свой багаж и около полудня выехали в Синин-фу. Мы ехали почти целый день между пыльными красноватыми холмами по дороге, которая, вследствие большой езды, углубилась на четыре — шесть метров, так что шла точно по дну какой-то ложбины, и вид

был с обеих сторон закрыт для нас. Дорога была по большей части так узка, что два экипажа не могли разъехаться. При встречах один из них должен был „подавать назад“, пока не открывалось более широкое место. Каждый ручей, пересекавший дорогу, естественно стекал по ней, что делало ее и скользкой и грязной. После заката солнца вода замерзла, и дорога стала еще более скользкой. Час за часом ехали мы таким образом, встречая на пути караваны, минуя селения. Стемнело, и скоро настала полная темнота. По правде сказать, не особенно приятно было ехать по незнакомой дороге и не видеть перед собой собственной руки. Наконец, наш проводник остановился перед стеной с огромными воротами. Это был Синин-фу. Мы стали стучать в ворота рукоятками хлыстов и звать сторожа, который расхаживал по стене и бил в барабан. Я объяснил ему, что, если он сходит к дою-таю и выпросит позволение впустить европейца, я дам ему хорошее вознаграждение. Он послал своего помощника, а мы ждали в темноте около ворот. Через полтора часа посланный вернулся и объявил, что ворота откроются для нас утром. Нечего делать! Пришлось ехать в соседнюю деревню и там искать пристанища!

„На следующее утро я только что успел одеться, как ко мне пришли двое англичан, мистер Ридлей и мистер Гундер. Оба они были священники, члены внутренней китайской миссии, и носили китайский костюм, даже косы, так что я только по чертам лица узнал в них европейцев. Мистер Ридлей пригласил меня остановиться у него в доме, и я целую неделю пользовался его гостеприимством и полнейшим европейским комфортом. Мне было как-то странно спать в настоящей кровати с тюфяками и простынями, и еще более странно сидеть на стуле и за обедом употреблять нож и вилку, я совсем уже было привык, полулежа в своей палатке, есть рис из чашки, поставленной на пол“.

Город Синин-фу окружен четырехугольной стеной, по азиатским понятиям, совершенно неприступной. Она

действительно представляет солидную постройку и так широка, что на вершине ее проходит целая улица, по которой расхаживают караульные солдаты. С этой стены открывается широкий и красивый вид. Город представляется пестрой мозаикой своеобразных китайских крыш из красной черепицы с изображениями драконов. Все улицы пересекаются под прямыми углами и идут параллельно с городскими стенами. Главная улица проходит через самый центр города, и на ней находятся главные ямыни, или присутственные места, с своими странно расписанными значками, своими каменными львами и драконами, своими воротами, украшенными богатой резьбой. На других улицах тоже встречаются богато украшенные ворота; они обыкновенно воздвигаются по завещанию каких-нибудь богачей, желающих этим способом увековечить свое имя в потомстве.

В Синин-фу Гедин распростился с своими слугами из Туркестана, щедро наградив их деньгами и подарив им всех своих монгольских лошадей, кроме двух, которых оставил для себя и для Ислам-бая.

Путешественник составил новый караван из шести мулов и трех слуг, которые должны были сопровождать его до Пинь-фаня. Первого декабря Гедин, распрощавшись с гостеприимными миссионерами, выехал из Синин-фу в сопровождении своего неизменного спутника Ислам-бая.

Караван двинулся к восточным воротам города; на улицах прохожие китайцы останавливались и с любопытством следили за ним глазами; за городом дорога пошла по широкой долине и постепенно становилась все менее и менее оживленной. Только к вечеру путешественникам попался навстречу караван, состоявший из множества верблюдов. В этой местности верблюжьи караваны обыкновенно идут ночью, а днем животных пускают пастись. На следующий день путешественники переночевали в маленьком городке Ниан-бэ и затем вступили в густо населенную и отлично обработанную полосу. Дорогу пересекало несколько

ручьев, на которых расположены были водяные мельницы. В садах росли яблони, груши, абрикосы, персики, сливы и грецкие орехи. Поля были вспаханы и подготовлены к посеву.

Четвертого декабря путь шел к горам Пинь-кушаня, и в небольшой долине у подножия их путникам представилось ужасное зрелище: на трех длинных шестах привешены были клетки с человеческими головами. Это были головы начальников разбойничьих шаек, грабивших проезжих.

На горы вела извилистая, крутая дорога, и мулы с трудом втащили по ней тяжелые вьюки. Спустившись с гор, караван выехал на очень оживленный тракт. Встречались толпы монголов, богомольцев, направлявшихся в Гумбум, длинные вереницы вozов, нагруженных углем, добываемым в этой области, тележки и целые караваны, которые везли съестные припасы в Синин-фу, множество пешеходов и всадников.

Шесть дней ехали путешественники по восточным отрогам Нань-шаня, по большой дороге, вдоль Большой стены, ехали с горы на гору, по перевалам и темным ущельям, через речки и ручьи то в брод, то по льду, то по весьма ненадежным мостикам. Арбы скрипели и громыхали, подпрыгивали и покачивались из стороны в сторону. Возницы шли пешком и в каждой деревне, мимо которой проезжали, или заговаривали с кем-нибудь из знакомых, или покупали себе хлеб, который ели на-ходу.

„С нами вместе, — рассказывает Гедин, — ехали два китайца, которые везли вoзы с товаром в Лянь-чу-фу. По дорогам северного Китая выгодно ездить большими компаниями; по дорожным правилам, в случае встречи экипажей на узкой дороге, сворачивать должна та партия, в которой меньше экипажей; при каком-нибудь несчастии с лошадьми или экипажем, все возницы обязаны помогать беде. Мы испытали хорошую сторону этих правил утром десятого декабря, когда нам пришлось переезжать через реку Ши-минь-хо. Широкая, извилистая

река была вся покрыта льдом, за исключением небольших полосок, где течение было особенно быстро. Китайцы с одним из своих возов, запряженным тройкой, первые попытались переехать. Они разогнали лошадей, и те сразбега спустились вниз; но как только воз очутился на льду, колеса его, словно бритва, прорезали тонкий слой льда и застряли на месте. Пришлось выгружать товар и на руках выносить его на берег; потом с большим трудом удалось вытащить и телегу.

„Стали пробовать лед в других местах, но он был слишком тонок, чтобы сдержать экипажи. Тогда выбрали место пошире, следовательно, помельче; китайцы топорами прорубили лед и устроили переезд вброд. Но глубина реки была больше метра, в воде лежали толстые куски льда. Попробовали перевезти повозку с моим багажом. Она въехала в воду и остановилась. Припрягли спереди еще двух лошадей; все четыре возницы, стоя на краю льда, кричали, хлопали бичами, понукали коней. Бедные лошади побрели в ледяной воде, брыкались, фыркали, падали и чуть не затонули. Они шарахнулись в сторону и пытались выбраться на лед, но возницы гнали их обратно в воду. Один из китайцев, молодой человек, очевидно, не отличавшийся чувствительными нервами, разделся донага, несмотря на десятиградусный мороз, вошел в воду, растолкал руками камни и льдины, которые мешали колесам двигаться, и распутал постромки. Дрожь пробирала меня, когда я видел, как он работает в ледяной воде; а мне и в шубе-то было холодно! Между тем Ислам-бай развел на берегу костер, и молодой китаец мог погреться около него, пока прочие, после отчаянных усилий, перетаскивали, наконец, экипажи на противоположный берег. Та дорога, по которой мы ехали, была большим проездным путем в Восточный Туркестан, — Урумчи и Кашгар. Вдоль ее расставлены были телеграфные столбы с их говорящими проволоками, что придавало пустыне оттенок цивилизации. И мне невольно дума-

лось, насколько было бы лучше, если бы, вместо постройки своей гигантской стены, — превратившейся по большей части в развалины, — китайские императоры озаботились исправлением дороги и постройкою мостов!

„Двенадцатого декабря мы из горных областей спустились в равнину, которая тянулась на все стороны до конца горизонта, и через два дня въехали в красивые ворота Лянь-чу-фу.

В Лянь-чу-фу, большом, богатом городе, путешественник прожил поневоле целых двенадцать дней, отыскивая верблюдов для путешествия в Нин-ся. Верблюдов в городе было не мало, но хозяева их боялись, что из Нин-ся не найдут поклажи, и им придется возвращаться порожнем, а потому запрашивали двойную цену.

Только двадцать седьмого декабря удалось путешественнику добыть себе девять хороших верблюдов и двух проводников-китайцев, из которых один хорошо говорил по-тюркски, значит мог, в случае надобности, служить и переводчиком.

Путь на Нин-ся шел по пустыне Ала-шань, которая, впрочем, начиналась от Лянь-чу-фу, за 93 килом. Верблюды попались отличные, со спокойным ходом и без норова. Дорога была хороша, твердая, ровная, травяная степь, и на третий день к вечеру путники доехали до маленького городка Чинь-фаня, лежащего на западной окраине пустыни. Здесь пришлось остаться на день, так как проводники хотели запастись провиантом и для себя и для верблюдов.

„Начальник города пытался убедить меня, — рассказывает Гедин, — ехать в Нин-ся лучше южной дорогой, где есть и города и гостиницы, тогда как в пустыне я не встречу ничего, кроме песка, и могу, пожалуй, наткнуться на монголов-разбойников. Я велел ответить ему, что больше трех лет путешествую по Азии и не видал неприятностей ни от кого, исключая одних только китайских чиновников, что мне гораздо приятнее

ночевать в своей палатке, среди пустыни, чем отдавать себя на съедение насекомым в гостиницах.

„Первого января 1897 года я решил выступить из Чинь-фаня, но мандарин не желал отпустить меня, не показав свою власть надо мною. Ко мне явились два китайские солдата и заявили, что они командированы проводить меня через пустыню, но что они не могут приготовиться к путешествию раньше, как через два-три дня. Я отвечал, что не просил никакого конвоя и не намерен ждать их; в то же время я велел каравану готовиться выступать. Мы выехали из ворот, но тут нас остановила толпа слуг из ямыня (резиденции начальника), объявляя, что я должен подождать еще день, так как мой монгольский паспорт не готов, и что если я не останусь добровольно, им приказано задержать меня силой. Я был страшно взбешен этим чиновничьим самоуправством, велел каравану оставаться за воротами, а сам пошел прямо в ямынь. Градоначальник не принял меня, он был „болен“. В грязной комнате меня окружило человек двенадцать писцов, которые курили опиум, кричали и все зараз объясняли мне, что я не могу ехать. Когда они на минутку смолкли, я заявил им, что у меня есть паспорт из Пекина и что если их мандарин осмелится задержать меня, я через русского посланника донесу об этом Ли-Хунг-Чангу (главному министру), и он лишится своего места и звания. Это подействовало на упрямого чиновника. Его переводчик вернулся и принес мне приглашение пожаловать к мандарину на завтрак. Я отвечал ему, что вовсе не желаю идти к нему, а требую, чтобы он немедленно прислал мне монгольский паспорт и двух конвойных. После этого и писцы стали вдруг гораздо вежливее, даже сложили в сторону свои трубки. Не прошло и четверти часа, как паспорт был готов, и явился конвой, так что мы могли беспрепятственно продолжать свой путь“.

Почти сразу за Чин-фанем начинается пустыня, и жители пригородных ферм построили небольшие

стены, чтобы огородить свои дома, поля и дороги от движущихся песков.

Дня четыре путь шел то степью с некоторою растительностью, то болотами, то полосами песку, на которых вздымались довольно высокие барханы, и, наконец, шестого января караван очутился среди настоящей пустыни, с песчаными холмами в десять метров высоты, без всякой растительности, кроме разве изредка чахлого репейника или другого сухого колючего кустарника. Джолдаш вбежал в песочный холм и, увидев кругом один сплошной песок, жалобно завыл. Должно быть, он вспомнил, с каким трудом блуждал по пескам около Лоб-нора.

Пустыня Ала-шань далеко не так опасна, как Такла-макан. Она не представляет такого сплошного пространства, как Гоби, а состоит из отдельных участков, разделенных степями и болотами. Но все-таки путь очень тяжел, и одни только верблюды могут преодолеть его. Несмотря, однако, на его трудности, многие пользуются им. Нашим путешественникам попадались большие китайские и монгольские караваны в несколько десятков верблюдов, навьюченных товарами.

Двенадцатого января путешественник достиг небольшого городка Ван-я-фу, лежащего на восточной окраине пустыни, и решил остановиться там на день, чтобы дать отдохнуть верблюдам. Он отпустил китайских солдат, провожавших его из Чинь-фаня, и взял двух других, которые должны были ехать с ним до Нин-ся. Затем он пополнил свои запасы дорожной провизии, купил несколько украшений, употребляемых монголами, и сделал визит начальнику города, монгольскому князю Норво, вассалу китайского императора. Норво жил в китайском ямыне и принял путешественника очень дружелюбно, в большой, но очень простой комнате с голыми стенами. Вокруг него стояла свита знатных монголов, одетых по-китайски и с косами. Норво был старик с седыми усами, одетый в серую кофту.

„Мы завели с ним очень оживленный разговор, — рассказывает Гедин, — и мне удалось объясняться без переводчика. Он интересовался узнать, из какой страны я приехал; я начертил на большом листе бумаги карту, чтобы выяснить ему положение Швеции относительно Китая; а один из его секретарей надписывал на этой карте по-китайски все названия, какие я говорил. Географические познания этих монголов были очень скудны. Из отдаленных городов они знали только два: Лассу и Хотан; но ни один из них не был там; большинство бывало в Гумбуме и в Урге. Он помнил Пржевальского и называл его „Никола“ (Николай Михайлович). Он рассказывал, что Никола был у него в гостях несколько лет тому назад“.

Из Ван-я-фу дорога пошла сначала долиной, затем легким перевалом через хребт Ала-шань и, завернув к северо-востоку, привела путешественников восемнадцатого января в китайский город Нин-ся.

Г Л А В А XXXI.

Энергичный миссионер. — Варварские обычаи. — Из Нин-ся до Бауту. — Без каравана. — Последний день пути — Пекин. — Через Монголию и Сибирь. — Конец странствиям.

В Нин-ся Гедин встретил своих соотечественников, г-на и г-жу Пильквист, в доме которых он и остановился. Снова имел он удовольствие спать в теплой комнате, на настоящей постели, не наваливая на себя кучу шуб, и, главное, имел удовольствие говорить на родном языке с людьми, равными ему по образованию и по понятиям. Г. Пильквист был миссионером в Нин-ся и вел очень энергично свое дело.

Г-жа Пильквист была хорошо знакома с местными нравами и обычаями. По ее словам, китайки очень рано выходят замуж, обыкновенно лет 12—15. Редко

можно встретить незамужнюю женщину 20 лет. Обычай уродовать ноги женщин до сих пор в полной силе в Китае. Маленькие девочки сами просят родителей бинтовать им ноги; они знают, что ни один жених не взглянет на них, если у них не будет крошечных ножек. Операция калечения ног начинается обыкновенно с 5—6 летнего возраста девочек. Между большим и вторым пальцем ноги делают надрез; затем все пальцы, кроме большого, загибают внутрь, к подошве и крепко забинтовывают. Когда китаянка ходит, она ступает на большой палец, заполняющий узкий носок башмачка, и на верхние части остальных пальцев, подвернутых под подошву; пятка же ее не касается земли. Трудно составить себе понятие о тех страшных мучениях, какие вызывает эта безобразная мода. Часто после операции несчастная девочка несколько лет не может встать с постели и по ночам стонет и плачет от боли, которая усиливается при всяком движении. Иногда случается, что ногти врастают ей прямо в тело. Неудивительно после этого, что походка китайских дам так неграциозна. Они ходят точно утки или точно им приходится ступать на острие булавок. Вследствие отсутствия движения, ноги китаянок становятся тонкими как палки. И все эти невероятные мучения выносятся ради моды и ради того, чтобы найти себе жениха!

В Китае существует другой, еще более варварский обычай. Если отец и мать находят, что у них нет средств воспитывать ребенка, они выбрасывают его. Несчастливого новорожденного малютку выносят за городскую стену и оставляют там на съедение собакам и свиньям, а иногда топят в реке. Этот ужасный обычай представляется тем более невероятным, что китайцы вообще очень нежные родители. Но дело в том, что они привязываются самую трогательную любовью к ребенку, после того как он начнет ходить и говорить; а до тех пор они смотрят на него, как на животное, не имеющее души. Если маленький ребенок умрет, его даже не кладут в гроб, а просто

завертывают в сено и закапывают в землю. Миссионерам несколько раз удавалось спасти выброшенных малюток. Они приносили их к себе и воспитывали при миссии.

Город Нин-ся стоит среди плодородной местности, орошаемой арыками, проведенными из Желтой реки. Главнейшими произведениями ее являются: рис, пшеница, просо, бобы, горох, разные овощи, абрикосы, яблоки, груши, виноград, дыни, персики. Через город проходят караваны с шерстью из внутренних областей к приморским.

От Нин-ся до Пекина оставалось еще 1110 килом., и часть этого пути предстояло сделать через пустыню Ордос, лежащую между северною лукою Желтой реки и Большою стеною.

Гедин выехал из Нин-ся 21 января все с теми же верблюдами, которые везли его от Лянь-чу-фу. Первые четыре дня путь шел мимо целого ряда деревень, получающих воду из оросительных каналов, затем караван переехал Желтую реку, которая была покрыта толстым слоем льда. По правому берегу реки тянулась цепь холмов, и с вершин их открывался беспредельный вид на восток. Первый же лагерь в Ордосе пришлось разбить в совершенно пустынной местности, где не было ни колодца, ни капли воды, к счастью для путешественников, они, по совету своего проводника, захватили с реки несколько мешков льда. На всех следующих стоянках были хорошие колодцы, глубокие, выложенные кирпичом. Один из них был глубиной в 40 метров, и монголы, остановившиеся около него вместе с нашими путешественниками, уверяли, что ему 4000 лет.

Дорога была очень хорошая, твердая, ровная, почти прямая. Область эта мало населена, и то только монголами - кочевниками.

„Для нас эта часть пути была неприятна, не вследствие отсутствия людей и растительности, — пишет Гедин, — а вследствие отвратительной погоды. Почти все время дул холодный, северо-западный ветер, морозы стояли сильные, и мы промерзли до мозга костей.

Ветер часто превращался в настоящий ураган, который с неотразимой силой носился над открытой равниной. Мне иногда казалось, что или меня прямо унесет с седла, или свалит с ног моего верблюда. Шубы и меха мало помогали, ветер пронизывал всякие одежды. Заметив среди пустыни куст каких-нибудь сухих растений, мы поджигали его и, таким образом, слегка отогревали окаменелые члены. Тридцать первого января буря была особенно сильна. Не было никакой возможности продолжать путь. Мы стояли лагерем около колодца, среди совершенно открытой местности. Палатку мою снесло, и чуть не изорвало в клочки. Люди сложили все вьюки в круг, накрыли их сверху войлоками и сидели под этим навесом целый день. Согреться не было никакой возможности. Все вокруг было холодно, как лед. Капнешь несколько капель горячего чаю на шубу — и они тотчас же застынут, сделаются точно стеариновые. Чернила мои превратились в замерзший ком, так что я принужден был писать свои заметки карандашом. Когда такой ветер соединяется с морозом, то нет ничего легче, как замерзнуть в степи. Не знаю, что было бы с моими руками без китайских грелок. Днем я держал грелку у себя на коленях, пока ехал на верблюде, ночью клал ее с собой в постель. Самые сильные морозы пришлось на начало февраля; в ночь с первого на второе февраля было 30°, а в следующую ночь — 33°.

Шестого февраля мы достигли первого селения на северной окраине пустыни, а восьмого прибыли в г. Бауту, где меня с обычным радушием приняли шведские миссионеры, г-н и г-жа Гельберг. Они принадлежали к американскому обществу „Христианский союз“, которое содержит целую сеть миссионерских станций между Пекином и Бауту.

„В Бауту моему терпению пришел конец. Я поручил свой караван Исламу и опытным проводникам, а сам двенадцатого февраля отправился один с возницей-китайцем в небольшой двуколесной тележке, запряженной

мулами. Я проехал несколько небольших городов и в каждом из них имел удовольствие встретить своих земляков, членов американского „Христианского союза“. В Калгане Великая стена идет вверх и вниз по вершинам холмов, возвышающихся по обе стороны города. От Калгана четыре дня пути до Пекина. Я нанял себе „то-джо“ (паланкин) и двух мулов, которые везли его. Мы проехали три городка, в которых останавливались ночевать, спустились с монгольского плоскогорья в равнину, тянущуюся до самых стен Пекина, миновали бесчисленное множество деревень и храмов и повстречали множество проезжих и прохожих. В этот последний день моего длинного путешествия по Азии время тянулось для меня бесконечно долго; мне казалось, что мулы никогда еще не тащились так медленно. — Скоро, скоро приедем! — утешал меня мой слуга-китаец. Но перед нами появлялись все новые селения, новые храмы, новые сады, и мы вновь путались по длинным закоулкам деревень. Больше тысячи дней продолжалось мое путешествие, но мне казалось, что этот последний день длиннее всех их, взятых вместе. Наконец-то, наконец, между двумя группами деревьев мелькнуло вдали что-то серое. — Пекин! — закричал слуга. Действительно, это был Пекин — конечная цель моего долгого странствования по Азии!

„Я не в силах описать тех чувств, с какими въезжал в южные ворота города! Целый час везли меня мулы по мощеной улице, вдоль высоких серых городских стен, окружающих Пе-чжин-чин (Северную столицу). Но, наконец, мы достигли „Небесных ворот“ с их массивной четырехугольной башней и длинным туннелеобразным сводом, под которым толпы пешеходов, экипажей и животных сновали взад и вперед словно муравьи в муравейнике.

„От „Небесных ворот“ было недалеко до улицы европейских посольств, на которой, я знал, была французская гостиница. За дорогу платье мое так износилось, и я сам имел такой ужасный вид, что решил

прожить несколько дней в гостинице, никому не показываясь, и привести себя в порядок. Но вдруг глаза мои упали на большой белый подъезд, около которого стояли двое казаков. Я спросил у них, чей это дом, и они мне отвечали, что это русское посольство. При этих словах я забыл и свой костюм, и свой неряшливый вид: я выскочил из паланкина и вошел в подъезд“.

Русского посла, графа Кассини, не было в Пекине, но секретарь его, г. Павлов, принял путешественника как давножданного гостя, о приезде которого был предупрежден из Петербурга. Он отвел его в роскошно меблированную комнату, которая уже целый месяц была приготовлена для него, и передал ему кучу писем и газет, полученных из Европы на его имя.

Можно себе представить, с каким наслаждением отдыхал путешественник от всех своих трудов и лишений! Обновив свой костюм у английского портного, он сделал визит в другие посольства. Его везде принимали с радушием и почетом, в честь него устраивали праздники. Все нарасхват приглашали его к себе.

„Но годы, проведенные в одиночестве, среди диких и полудиких племен Азии, не проходят бесследно для европейца, — замечает Свен Гедин; — веселые пиры скоро утомили меня, я чувствовал себя неловко среди блестящего общества. Переход от пустынь Тибета, Цайдама и Гоби в большой свет был слишком резок для меня“.

Прогостив в Пекине двенадцать дней и дождавшись там Ислам-бая, Гедин распрощался со своими новыми друзьями и пустился в обратный путь. Он мог очень удобно добраться в Европу морем, через Индию и Суэцкий канал, но предпочел ехать сухим путем через Монголию и Сибирь. Багаж его русское посольство взялось отправить в Швецию, а сам он вместе с Исламбаем отправился в двух двухколесных китайских повозках по бесконечным равнинам и степям Монголии через Сайн-усу и Ургу в Кяхту. Каждую повозку везли четыре верховые монгола таким оригинальным способом: две веревки прикрепляются к концам оглобель;

в петли этих веревок просовывают горизонтальную перекладину, и двое верховых держат ее на коленях, а другие двое обвязывают концы веревок себе вокруг тела. Верховые мчатся во весь дух, повозка прыгает и трясется. Для того, чтобы путешествовать таким быстрым способом, надобно иметь особенный китайский паспорт, и Гедину удалось получить его. Впереди экипажей неслись курьеры, чтобы заготавливать свежих лошадей. Двадцать верховых сопровождали каждую повозку. Как только первая четверка лошадей начинала уставать, ее заменяли новою. Смена эта производится так быстро и бесшумно, что путешественник почти не замечает ее. Определенной дороги нет никакой, станций тоже нет,—едут от одного монгольского становища прямо до другого, через степи, овраги, горы. В некоторых частях северной Монголии лежал глубокий снег, и там вместо лошадей впрягали верблюдов.

В Урге Гедин распрощался с своим верным спутником Ислам-баем, который отправился через Урумчи и Кашгар к себе домой в г. Ош, Ферганской области.

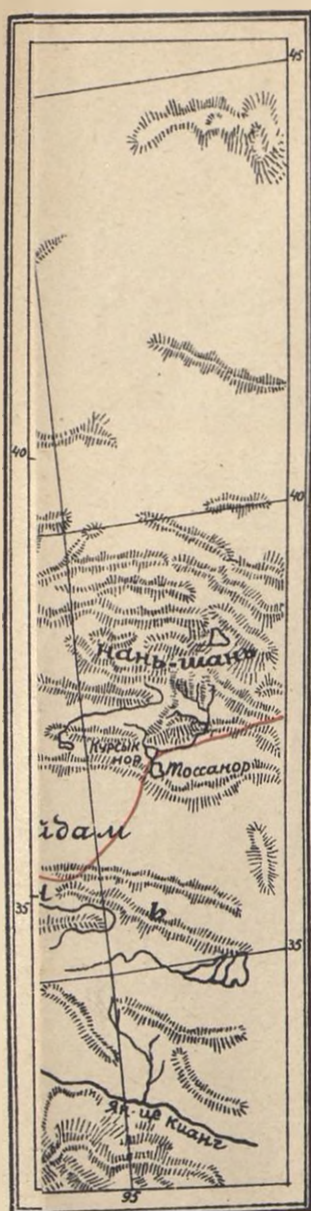
Из Кяхты наш путешественник ехал по Сибири в тарантасе, в санях и в телеге через озеро Байкал, через Иркутск в город Канск, откуда в то время уже шла железная дорога до Петербурга.

„Десятого мая 1897 года,—пишет он,—я завидел шпицы и крыши домов Стокгольма. Какая чистая невыразимая радость охватила меня, когда я ступил, наконец, на шведскую почву после трех лет и семи месяцев пребывания в центре громадного азиатского материка!“

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ВВЕДЕНИЕ	СТР. 5
ГЛАВА I. Отъезд. — Оренбург. — По степи на лошадях и на верблюдах. — Киргизы. — На берегах Аральского моря. — Памятник древней цивилизации	9
II. Ташкент. — Коканд. — Маргелан. — На „крышу мира“. — Через Алайский хребет	20
III. Трудный перевал. — Лавины. — Верблюды-проводники. — Волки. — Еще перевал. — На озере	28
IV. Конец трудного пути. — Памирский пост. — Приятный отдых. — Китайская подозрительность	40
V. Священная гора. — Легенды. — Лекарь поневоле. — На яках. — Выше всех европейских гор. — Неожиданная неудача. — Снова в Булюн-куле	46
VI. Кашгар. — В приятном обществе. — Любезный даотай. — Китайский обед. — Изменение маршрута	53
VII. В горную область. — Киргизские аулы. — Ущелье Тенгитар. — Благодатный уголок. — У старых знакомых. — Дикая забава.	61
VIII. Озеро Малый Кара-куль. — Новый дорожный товарищ. — Ледники. — Попытка восхождения на Мус-таг-ату. — В киргизском ауле. — Снова неудача	71
IX. Отшельник. — Новая попытка восхождения на Мус-таг-ату. — 20.000 ф. над уровнем моря. — Бешеная скачка на яках.	81
X. Тайком через границу. — Снова на Памирс. — Самодельная лодка. — Мирная жизнь дикарей	89
XI. На восток в арбе. — Первые сведения о пустыне. — Заколдованная страна. — Могила святого. — Приготовление к путешествию. — Выступление каравана	100
XII. Преддверие пустыни. — Через лес к озерам. — Приятный бивуак. — Неверные сведения. — Песок и ничего, кроме песка! — Роковая оплошность. — „Корабли пустыни“ начинают сдаваться.	110
XIII. Сон и действительность. — Рытье колодца. — Ночное совещание. — Угрызения совести. — Телесмат. — Кара-буран. — Ничего лишнего	119
XIV. Новая вина Джолчи. — Последние капли воды. — Лагерь смерти. — Напрасные жертвы. — Только двое	129
XV. Вперед с мужеством отчаянья. — Первый куст тамариска. — В лесу. — Касим изнемог. — Вода, вода! — Спасательные сапоги. — Скорей к людям.	138

ГЛАВА XVI. Пастухи и их шалаш. — Добрая весть. — Неожиданная радость. — Жизнь в беседке. — Экспедиция в пустыню. — Снова в путь. — Еще смерть. — Ак-су и дорога в Кашгар.	150
„ XVII. Снова горы. — Среди старых друзей. — Опасная переправа. — Возвращение в Кашгар и снаряжение новой экспедиции. — Проводы. — Яркенд. — Священные голуби . . .	160
„ XVIII. Хотан в древности и теперь. — Любезный амбань. — Остатки древней цивилизации. — Новая экспедиция в пустыню . .	169
„ XIX. Среди песков. — Мертвый лес. — Погребенный город. — Приятная неожиданность. — На берегу Керии-Дарьи . . .	175
„ XX. По берегу Керии-Дарьи. — Еще погребенный город. — Пустыня победила. — Дикие верблюды	180
„ XXI. Река Тарим. — Курля. — Приключение с Исламом. — К Лобнору. — Открытие Пржевальского. — Кто прав? — По озерам и камышам. — Кунчикан-бек. — Чапканы	193
„ XXII. Любимый верблюд. — Ли-дарин и Ши-дарин. — Приятный сюрприз. — Китайское правосудие. — На даче. — Прощальный пир.	206
„ XXIII. Из Хотана на восток. — Горные перевалы. — Трусость таглыков. — Состав каравана и порядок движения. — Все выше и выше. — Бедный Фонг-ши! — Болезнь Ислама	214
„ XXIV. Страшный град. — Привал на лужайке. — Беглецы и наказание их. — Перевал через Арка-таг. — Озеро. — Дикие ослы.	223
„ XXV. Следы прежних путешественников. — Дикие яки. — Караван тает. — Самое большое из соленых озер. — Припасы истощаются	231
„ XXVI. Неосторожный охотник. — Интересные находки. — Ошибка Ислама. — Семья монгола-охотника. — Новый учитель. — На волос от смерти. — Еще монголы	241
„ XXVII. Новый караван. — Дружба с монголами. — Равнина Цай-лама. — Досадная задержка. — Тоссо-нор и Курлык-нор. — Живописное „обо“	252
„ XXVIII. Лопсен трусит. — Меры предосторожности. — Первая встреча с разбойниками. — Тангуты и их жилища. — 6100-летний лама. — На озере Куко-норе.	260
„ XXIX. Вести о „русских“. — Караваны. — Город Донкыр. — „Русская“ барыня. — Подарки Далай-ламы. — Ло-сэр и храмы Гумбума. — Неопрятные ламы	272
„ XXX. Город Синин-фу. — На мулах и в арбах до Лянь-чу-фу. — Услужливый китаец. — Лянь-чу-фу и католические миссионеры. — Снова верблюды. — Усмиренный мандарин. — Пустыня Ала-шань. — У князя Норво	279
„ XXXI. Энергичный миссионер. — Варварские обычаи. — Из Нин-ся до Бауту. — Без каравана. — Последний день пути. — Пекин. — Через Монголию и Сибирь. — Конец странствиям.	287

ГЛАВА XVI. Пастухи и их шалаш. — Хорошая весть. — Неожиданная радость. — Жизнь в беседе. — Экспедиция в пустыню. — Снова в путь. — Еще смерть. — Ак-су и дорога в Кашгар.	150
XVII. Снова горы. — Среди старых друзей. — Опасная пере- права. — Возвращение в Кашгар и снаряжение новой экспе- диции. — Проводы. — Яркенд. — Священные голуби	160
XVIII. Хотан в древности и теперь. — Любезный амбань. — Остатки древней цивилизации. — Новая экспедиция в пустыню	169
XIX. Среди песков. — Мертвый лес. — Погребенный город. — Приятная неожиданность. — На берегу Керии-Дарьи	175
XX. По берегу Керии-Дарьи. — Еще погребенный город. — Пустыня победила. — Дикие верблюды	180
XXI. Река Тарим. — Курля. — Приключение с Исламом. — К Лоб- нору. — Открытие Пржевальского. — Кто прав? — По озе- рам и камышам. — Кунчикан-бек. — Чапканы	193
XXII. Любимый верблюд. — Ли-дарин и Ши-дарин. — Приятный сюрприз. — Китайское правосудие. — На даче. — Прощаль- ный пир	206
XXIII. Из Хотана на восток. — Горные перевалы. — Трусость тагич- ков. — Состав каравана и порядок движения. — Все выше и выше. — Бедный Фонг-ши! — Болезнь Ислама	214
XXIV. Страшный град. — Привал на лужайке. — Беглецы и напе- вание их. — Перевал через Арка-таг. — Озеро. — Дикие ослы	223
XXV. Следы прежних путешественников. — Дикие яки. — Караван тает. — Самое большое из соленых озер. — Припасы исто- щаются	231
XXVI. Неосторожный охотник. — Интересные находки. — Ошибки Ислама. — Семья монгола-охотника. — Новый учитель. — На волос от смерти. — Еще монголы	241
XXVII. Новый караван. — Дружба с монголами. — Равнина Цай- лама. — Досадная задержка. — Тоссо-нор и Курлык-нор. — Живописное „обо“	252
XXVIII. Лопсен трусит. — Меры предосторожности. — Первая встреча с разбойниками. — Тангуты и их жилища. — 6100-летний лама. — На озере Куко-норе	260
XXIX. Вести о „русских“. — Караваны. — Город Донкыр. — „Рус- ская“ барыня. — Подарки Далай-ямы. — Ло-сар и храмы Гумбума. — Неопрятные ламы	272
XXX. Город Синин-фу. — На мулах и в арбах до Лянь-чу-фу. — Услужливый китаец. — Лянь-чу-фу и католические миссио- неры. — Снова верблюды. — Умирный мандарин. — Пустыня Ала-шань. — У князя Норво	279
XXXI. Энергичный миссионер. — Варварские обычаи. — Из Нин-ся до Бауту. — Без каравана. — Последний день пути. — Пекин. — Через Монголию и Сибирь. — Конец странствиям	287

ОТ ГРИНВИЧА

